

Челябинский государственный университет
Институт гуманитарного образования
Исторический факультет

П. Ф. Назыров

*Аграрные отношения
на Южном Урале
в годы гражданской войны*

Челябинск, 2009

УДК 331.881
ББК Ф72(235.55),2
Н19

*Печатается по решению кафедры новейшей истории
Челябинского государственного университета*

Назыров П. Ф.

Н19 Аграрные отношения на Южном Урале в годы гражданской войны
/ П. Ф. Назыров. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – 260 с.
ISBN 978-5-91274-057-2

В монографии рассматриваются нормативно-законодательная и практическая деятельность советского и антибольшевистских правительств по регулированию земельных отношений на Южном Урале в годы гражданской войны. Исследованы механизмы взаимодействия местных политических институтов, земельных учреждений, органов земского и крестьянского самоуправления, что позволило показать неизученный ранее уровень функционирования различных режимов и существенно скорректировать устоявшиеся в литературе оценки их политики в деревне. Проанализированы особенности регулирования аграрных отношений на башкирских и казачьих землях, раскрыто содержание земельной политики, осуществлявшейся учреждениями Оренбургского казачьего войска в 1917–1919 гг., в т. ч. шагов по реформированию землевладения и землепользования казачества в условиях революции.

Для научных работников, преподавателей и студентов вузов, всех интересующихся российской историей XX в.

**УДК 331.881(471.50)
ББК Ф72(235.55),2**

Научный редактор – заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук,
профессор А. П. Абрамовский

Рецензенты – доктор исторических наук,
профессор В. С. Кобзов;
кандидат исторических наук,
доцент Е. В. Волков

ISBN 978-5-91274-057-2

© П. Ф. Назыров, текст, 2009

© ООО «Энциклопедия», дизайн, 2009

Оглавление

Введение

Проблема исследования. Историография. Источники.

5

Глава 1. Южноуральская деревня и власть в 1917–1918 гг.

Специфика земельных отношений – антибольшевистское движение и создание новых органов власти – крестьянские съезды летом 1918 г. – разработка основ аграрной политики антибольшевистского лагеря.

26

Глава 2. Организация земельного дела на Южном Урале в условиях гражданской войны

Становление системы земельного дела – особенности земельной работы летом – осенью 1918 г. – распределение лесных материалов – община и обычное право – вне общины: разночинцы и припущенники – земельные собственники – крестьянское самоуправление и земельный вопрос.

66

Глава 3. Крестьянский вопрос в деятельности учреждений военной диктатуры

Формирование гражданской и военной администрации антибольшевиков на Южном Урале – реорганизация земельных учреждений – работа ведомственного земельного аппарата – принципы и противоречия аграрного курса.

103

**Глава 4. Подготовка и проведение аграрной реформы
в Оренбургском казачьем войске**

*Особенности земельного устройства оренбургского казачества
– разработка аграрного вопроса в 1917 г. – казачество и совет-
ская власть – аграрная политика войскового правительства в
годы гражданской войны.*

134

**Глава 5. Регулирование аграрных отношений
на завершающем этапе гражданской войны:
крестьянство и советская власть в 1919–1920 гг.**

*Восстановление советской власти – организация земельного ап-
парата – практическая работа земельных учреждений – аграр-
ные отношения и продовольственная политика в деревне.*

170

Заключение

190

Примечания

200

Введение

Развитие российского села в XX веке проходило под знаком постоянного реформирования. Тем не менее задача создания современного и эффективного сельского хозяйства остаётся по-прежнему нерешённой, что делает обращение к историческому опыту важным условием осмысления тех трудностей, с которыми сталкивается нынешняя деревня. Поворотным моментом хозяйственной и социальной перестройки сельского общества стали годы революции и гражданской войны. Тогда в условиях вооружённого противоборства и социально-экономического кризиса происходило складывание новой модели аграрных отношений, важнейшими характеристиками которой стали этатизм – постоянное и разностороннее вмешательство государства в жизнь деревни, и уравнительность – основа крестьянской «экономики выживания». Как большевики, так и их противники пытались опереться на людские и экономические ресурсы деревни, что заставило их сочетать в своей политике элементы принуждения с осуществлением мероприятий, учитывающих интересы различных групп сельского населения. Сравнительный анализ этих мероприятий является необходимым для воссоздания целостной картины революционной эпохи, изучения процессов взаимодействия города и деревни, места в нём региональных (провинциальных по своему характеру) институтов.

Последнее тем более важно, что именно региональный и местный «проблемный багаж» преимущественно определял характер и формы подключения отдельных территорий («провинциальных обществ») к общероссийским социальным и политическим процессам. Это обусловило существенные региональные отличия в политике как «красных», так и «белых». В нашем исследовании мы попытаемся рассмотреть реалии регулирования аграрных отношений на примере Южного Урала – Уфимской и Оренбургской губерний, где тесно переплетались интересы традиционной деревни и формирующихся в условиях развития аграрного капитализма предпринимательских слоёв. Аграрный характер обеих губерний подчёркивался преобладанием сельского населения, составлявшего в 1914 г. в Уфимской 93 % от 3099 тыс. жителей,

а в Оренбургской – 85 % из 2147 тыс. человек. Около половины Оренбургской губернии занимали земли Оренбургского казачьего войска – третьего по численности в России (казачество составляло около 22,8 % населения губернии).

Уже летом 1918 г. территория региона оказалась под контролем различных антибольшевистских режимов, поддержанных казачьим повстанческим движением и многочисленными крестьянскими выступлениями. Это позволяет сопоставить политику, проводимую в южноуральской деревне Комучем, Временным Сибирским правительством, а также правительством Оренбургского казачьего войска (на казачьих землях) с аграрными мероприятиями советской власти, дать оценку эффективности аграрного курса на примере одного из основных сельскохозяйственных районов на востоке страны. Важно отметить также, что Южный Урал и Зауралье отличались от многих территорий Сибири, представляя собой хорошо устроенные в административном отношении районы, где как красным, так и белым удалось наладить местное управление. Наличие здесь, наряду с крестьянским, значительно башкирского и казачьего землевладения, носившего сословный характер, обусловили сложный узел проблем в сфере земельных отношений, разрешение которых потребовало поиска гибкого механизма взаимодействия центральных и местных учреждений, органов казачьего и крестьянского самоуправления. Таким образом, изучение этой темы представляет интерес для исследования не только региональных особенностей социально-экономической политики, но и важных институциональных характеристик функционирования различных политических режимов в деревне, а также истории Оренбургского казачьего войска.

* * *

Историография вопроса стала формироваться уже в 1920 – 1930-е гг., когда появились первые работы, посвящённые истории аграрной революции и гражданской войне на востоке России (военно-исторические исследования Н. Е. Какурина и А. И. Анишева, вышедшее в эмиграции исследование С. П. Мельгунова и др.¹). В работах советских авторов нашла отражение концепция двух социальных войн в деревне и, соответственно, двух этапов земельных преобразований (ликвидация помещичьего землевладе-

ния и перераспределение кулацких земель). Особенности аграрной революции выводились историками-марксистами 1920-х гг. (А. И. Хрящевой, С. М. Дубровским и др.) из противоречий капиталистического развития в стране полунатурального хозяйства, приводивших к экспроприации слабого крестьянства помещиками и помещичьим государством, борьба против которого объединила всё крестьянство. При этом «формулой переходного периода» стало требование отмены частной собственности на землю, являвшееся также «естественной реакцией против юридического разграничения земли по сословным правам владения», т. е. частью борьбы крестьян за социальное равноправие, а само землеустройство 1918–1919 гг. характеризовалось как «временное»².

Основу категориального аппарата и методологии историков составили партийные (прежде всего – ленинские) оценки периода гражданской войны, а основными критериями научности стали партийность и классовый подход. Главное внимание исследователей сосредоточилось на изучении советских аграрных преобразований и их влиянии на социально-политическую и хозяйственную жизнь деревни. Сюжеты, связанные с внутренней политикой антибольшевиков, рассматривались через призму других вопросов и прежде всего – вопроса о колебаниях крестьянства в 1918–1919 гг. Аграрные программы различных политических сил получили некоторое отражение в публикациях по истории аграрной революции³.

Аграрная политика собственно антибольшевистских правительств получила отражение в ряде историко-мемуарных работ, изданных вскоре после гражданской войны. Среди них необходимо отметить книгу видного меньшевика и члена Самарского правительства И. М. Майского «Демократическая контрреволюция». Выводы автора характерны для той части социалистов, которые перешли на сторону советской власти, и должны были отразить это в оценках своей прошлой политической деятельности. Так, касаясь отношений Комуча и крестьянства, Майский отмечал «равнодушие» деревни к лозунгам Самарского комитета, непоследовательность и половинчатый характер всей социально-экономической политики социалистов⁴.

Осмысление опыта гражданской войны продолжалось и в эмиграции. Среди изданных в 1920–1930-е гг. работ преобладали

мемуары и публицистика. Можно выделить воспоминания члена омского правительства Г. К. Гинса, отмечавшего отсутствие у колчаковского совета министров однообразного взгляда на земельный вопрос, и подвергнувшего критике за нерешительность компромиссный вариант его решения, предполагавший передачу помещичьих земель государству⁵. Автором одного из немногочисленных специальных исследований колчаковского режима стал историк С. П. Мельгунов. Не будучи непосредственным участником событий на востоке России в 1918–1919 гг., он опирался на значительную документальную базу, воспоминания и свидетельства очевидцев, что позволило ему дать взвешенные и аргументированные оценки политики колчаковского правительства. Касаясь земельного вопроса и сравнивая аграрные программы колчаковского и других антибольшевистских режимов, он отметил, что декларация Омского правительства была демократичнее того, что предлагала партия кадетов на юге⁶.

Исходным положением для большинства советских авторов, касавшихся аграрной политики антибольшевиков, стало мнение о том, что «вопрос о земле был практически и исчерпывающим образом разрешён Октябрьской революцией. Белые правительства либо могли признать его как свершившийся факт, либо попытаться в этом отношении, как и во всех прочих, повернуть колесо истории обратно»⁷. Как отмечал военный историк Н. Е. Какурин, широко использовавший в своей работе документы и мемуары деятелей антибольшевистского лагеря, белые правительства попытались первоначально пойти по «среднему пути». Так, говоря о Комуче, он почти дословно повторил характеристику, данную политике комитета И. Майским: «комитет» формально признавал национализацию земли, но практически он не доводил до конца своих начинаний, не конфискуя поместий, которые ещё находились в руках прежних владельцев, и расплачиваясь полностью за приобретаемый помещичий хлеб. В проводимой «комитетом» мобилизации крестьянство увидело покушение на свою свободу. Декларацию по земельному вопросу колчаковского правительства он охарактеризовал, со ссылкой на мемуары Г. К. Гинса, как «топтанье на месте»: будучи «безразличной» сибирскому крестьянству, она «не давала ничего конкретного и определённого» крестьянству приволжских губерний⁸. Вместе с тем, по словам Какурина, в своей практиче-

ской деятельности белые правительства «очень скоро сбивались на путь ничем не прикрытой реставрации». Важной стороной политики колчаковского режима стали также произвол и репрессии, на которые крестьянство ответило восстаниями⁹.

С. М. Дубровский среди причин, препятствовавших победе контрреволюции в деревне, называл произошедшее в результате революции «распыление» земель. Вместе с тем «расплавленное» состояние земли в России с неустановившейся среди массы крестьянства земельной собственностью создавало возможности (если допустить победу контрреволюции) для частичной реставрации прежнего аграрного строя, и в последующем – концентрации земель в руках сельской буржуазии¹⁰. Характеризуя реформаторский потенциал небольшевистского лагеря, он отмечал, что союз с буржуазией приводил мелкобуржуазные партии к фактическому предательству интересов крестьян. Вместе с тем политические и экономические причины «толкали» буржуазию на проведение хотя бы половинчатой аграрной реформы, одним из ключевых пунктов которой должен был стать вопрос о выкупе передававшихся крестьянству земель. Непопулярность и невозможность проведения такой реформы в условиях крестьянской революции заставляла буржуазные верхи выжидать, отложив реформирование земельных отношений¹¹.

Внимание уральских авторов, изучавших гражданскую войну, привлекали преимущественно моменты, связанные с вооружённым противоборством 1917–1919 гг. и советским строительством в регионе. Вместе с тем в работах И. Подшивалова, А. Кийкова, А. Таняева, С. Петрова и ряда других авторов была предпринята попытка дать характеристику процессов, происходивших в южно-уральской деревне в условиях революции и гражданской войны, а также некоторых сторон аграрной политики «контрреволюции», в частности, аграрных программ казачьего и башкирского движений¹². А. Таняев, в частности, отметил, что ликвидация помещичьего землевладения в чисто земледельческих районах края прошла почти незаметно. Во многих местах Приуралья и Зауралья кулак «играл руководящую роль в деревне», а проведение социализации и перераспределение земли внутри крестьянства носили незаконченный, полукомпромиссный характер¹³.

Дальнейшее изучение истории революции и гражданской войны сопровождалось более глубокой разработкой аграрной

проблематики как в общей (исследования Г. В. Шарапова, П. Н. Першина, В. В. Кабанова), так и в региональной историографии (работы Г. И. Гужвенко, Р. М. Раимова, А. З. Аминова, П. И. Рошчевского, Н. К. Лисовского, П. С. Лучевникова, Я. Л. Ниленбург, О. А. Васьковского, И. Ф. Плотникова и других), в которых была дана развёрнутая социально-экономическая («классовая») характеристика многонациональной южноуральской деревни в начале XX в., охарактеризованы изменения, произошедшие в структуре и положении крестьянства в годы первой мировой войны, под влиянием революции и советских аграрных преобразований¹⁴. Исследователями (Д. Н. Шнейдером, Я. Л. Ниленбургом) было сформулировано мнение о незавершённости аграрных преобразований на Урале к началу гражданской войны¹⁵. В оценке политики, проводимой противниками большевиков в деревне, преобладающим стало мнение о её «антикрестьянской» направленности и репрессивных методах осуществления, чему соответствовал и подбор фактического материала, привлекаемого для освещения аграрных мероприятий белогвардейцев: возвращение имений, порки, аресты и расстрелы крестьян. Вместе с тем в работах 1960–1980-х гг. (особенно связанных с изучением истории «непролетарских» партий) было отмечено стремление умеренных социалистов сохранить ряд завоеваний революции, в т.ч. и в аграрной сфере¹⁶. В этом отношении Урал противопоставлялся Сибири, где правительство «сразу же пошло на реставрацию буржуазно-помещичьего строя»¹⁷.

Аграрные программы партий социалистического лагеря (в рамках 1917 г.) были рассмотрены в монографии В. Н. Гинёва, деятельность партии эсеров на Урале в 1917–1918 гг. – монографии И. С. Капцуговича¹⁸. Возникновению и политике правительств «демократической контрреволюции» было посвящено исследование В. В. Гармизы, отметившего региональные различия в аграрной политике антибольшевистских режимов и охарактеризовавшего систему управления на занятых ими территориях¹⁹. Аграрную политику Комуча и башкирских националистов на Южном Урале рассмотрел Д. М. Шнейдер, сделавший вывод о провале «белогвардейско-эсеровского» правительства²⁰.

Характеризуя аграрную политику Колчака, исследователи обычно выделяли такие акции «белогвардейских» властей, как де-

национализация земли, усиление налогового гнёта, насильственная мобилизация в белую армию. Историки (Л. М. Спирин, И. Ф. Плотников, О. А. Васьковский) отмечали «лавирование» и «элементы социальной демагогии» в политике колчаковского режима, к числу которых относили и опубликованную в апреле 1919 г. декларацию о земле²¹. Мнение о том, что Колчак в аграрном вопросе был «левее Комуча», высказал Г.Х. Эйхе, являвшийся не только историком, но и непосредственным участником боевых действий против колчаковцев на Урале и в Сибири в 1918–1919 гг.²² Характеристика политики Колчака как бонапартистской получила развёрнутое обоснование в работе Г. З. Иоффе. Отметив, что принятое летом 1918 г. правительством Вологодского постановление о возвращении имений их владельцам в целом отражало особенности земельных отношений в Сибири, где не было помещичьего землевладения, Иоффе связал пересмотр аграрной политики весной 1919 г. со всероссийским характером власти «Верховного правителя», а также с военными успехами колчаковцев. При этом официальная линия на поддержание статус-кво в отношениях с крестьянством, с тем, чтобы отложить разрешение земельного вопроса (на основе концепции столыпинской реформы, предполагавшей укрепление института мелкой крестьянской собственности) до окончания гражданской войны, вступала в противоречие с реальной политикой, проводимой колчаковцами в деревне²³.

Важной частью региональной историографии революции и гражданской войны на Южном Урале стали работы по истории казачества. В исследованиях Н. К. Лисовского, А. Л. Селивановской, Е. И. Дударь, И. А. Булатовой, Г. В. Пожидаевой, Л. И. Футорянского, М. Д. Машина рассматривались экономическое положение различных групп казачества, особенности землеустройства и правовое положение казачьих земель, давалась характеристика процессов расслоения казачьей общины на основе данных переписей 1916 и 1917 гг.²⁴ Наиболее серьёзным исследованием по истории Оренбургского казачьего войска стала книга М. Д. Машина (1976). Автор привлёк широкий круг источников и литературы (в том числе дореволюционную историографию). Отличительной чертой работы является анализ большого числа законодательных документов, относящихся к различным сторонам жизни Войска. В соответствующих разделах рассматривает-

ся история и особенности землеустройства казачьего населения, положение и использование различных категорий войсковых земель; движение в сторону освобождения от общинного уклада – увеличение сроков переделов, переход, в рамках общины, к заимочной и хуторской формам землепользования, закрепление в собственность казаков и иногородних разводимых ими рощ и садов, передача участков офицерам и церкви (по терминологии автора, «разбазаривание общинных земель»). Автор выделил также серьёзное различие в положении крестьянской и казачьей общины: если первое (сельское общество) являлось собственником своего надела, хотя и было несколько ограничено в своих правах, то собственником всей казачьей земли выступало Войско, являвшееся одновременно, по определению Сената, «государственным учреждением», станицам было передано лишь право владения и пользования землёю, под тесной опекой войскового начальства, что обусловило бюрократическую регламентацию всех сторон хозяйственной жизни поселковых и станичных обществ²⁵.

Противоречивые оценки получили шаги по реформированию войсковой системы после Февраля 1917 г. М. Д. Машин, стремившийся показать революционный потенциал казачества, отметил демократизацию войскового самоуправления, выразившуюся в созыве войсковых кругов и съездов, выборах станичных и поселковых органов. «Все войсковые круги приветствовали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... на них были приняты решения, направленные на дальнейшую демократизацию войсковой системы. Круги высказались за созыв окружных съездов на основе всеобщего, равного и тайного избирательного голосования, за выборность должностных лиц и т. д.»²⁶ Несколько иначе расставил акценты Л. И. Футорянский, по словам которого «в казачьих областях прошли войсковые круги, выступившие за сохранение земель и привилегий казачества, за установление автономии казачьих областей. Круги избрали войсковые правительства во главе с атаманами, которые пытались превратить казачьи области в оплот контрреволюции, используя для этого сословные традиции и военную организацию, «средневековые черты» жизни, хозяйства и быта»²⁷. Корни федерализма, насаждавшегося «атамано-кулацкими верхами», советские исследователи видели в специфических чертах служилого казачьего землевладения,

которое Ленин характеризовал как муниципализацию, на почве которой «развиваются чисто феодалные отношения» и которая означает «сословную и областную замкнутость»²⁸. Как отмечал один из исследователей российского казачества, профессор А. И. Козлов, «средняцкое казачество, стремясь покончить с тяготами, сопряжёнными с принадлежностью к военному сословию, было вовсе не прочь сохранить привилегии, в первую очередь на земельный пай... основная масса казачества... опасалась крестьянских требований об уравнительном переделе земель...»²⁹

Собственная политика казачьих властей в земельном вопросе получила освещение в монографическом исследовании М. Д. Машина (1984 г.). Автор провёл параллель между казачеством и сибирским крестьянством, которое не получило помещичьих земель, «ибо таковых там было мало», и указал на «злостную» агитацию «зажиточного казачества» против национализации земли³⁰. Трафаретной была и общая оценка «приказов» белоказачьих властей, согласно которым «земля, заводы и фабрики» подлежали возвращению прежним владельцам³¹. Вместе с тем он дал содержательную, хотя и политизированную характеристику аграрной политики оренбургских казачьих верхов, которые для достижения своих классовых целей «пошли на удовлетворение требований в земельном вопросе» (резолюция войскового круга от 6 апреля 1919 г. о принятии на учёт офицерских и частновладельческих земель). Принимая такое решение и «заигрывая» с трудовым казачеством, казачьи верхи «скрывали свои мысли о будущих аграрных отношениях в казачьих станицах». Проводя мобилизацию неказачьего населения, проживавшего на казачьей земле, наравне с казаками, они «продолжали придерживаться убеждения о возможном классовом примирении не только с населением войскового сословия, но и со всем крестьянством Южного Урала»³². Автор указал также на признание Колчаком автономии войска и разнообразную экономическую помощь (ассигнование 25 млн руб. на восстановление сожжённых станиц, компенсация расходов, связанных с выходом на службу и т. д.)³³.

Политика советской власти на Южном Урале в годы гражданской войны получили отражение в публикациях Д. М. Шнейдера и коллективных трудах свердловских исследователей. Авторы отметили, что разворачивание работ по землеустройству крестьян-

ского населения происходит уже после завершения на территории края гражданской войны³⁴. На общероссийском материале политику военного коммунизма по отношению к крестьянскому хозяйству охарактеризовал В. В. Кабанов³⁵. Новые оценки политики военного коммунизма на Урале прозвучали и в монографии свердловских исследователей, а также в исследовании Н. Н. Метельского³⁶.

Начавшийся в 1990-е гг. пересмотр прежних историко-идеологических схем в изучении истории революции и гражданской войны сопровождается привлечением новых источников, расширением теоретического и методологического багажа историков, интересом к ментальной, социально-психологической и культурно-исторической проблематике. Рассматривая вопрос о путях развития российского села, исследователи пришли к выводу, что на юго-востоке России (часть Саратовской и Самарской, юг и юго-восток Уфимской, степная часть Оренбургской губерний, лесостепное Зауралье) существовала сплошная зона ускоренного развития капиталистических отношений, где главную роль стала играть сложившаяся прослойка «профермерских» многопосевных хозяйств. Одновременно происходил процесс укрепления традиционного («бедняцко-середняцкого») крестьянства, выступавшего за утверждение уравнительных принципов распределения земли и организации хозяйства, что придавало аграрным отношениям в регионе противоречивый характер³⁷. Сделанные историками выводы имеют важное значение для характеристики процессов, происходивших в южноуральской деревне в условиях революции.

Развернувшаяся в 1917–1918 гг. аграрная революция всё чаще называется исследователями «общинной», направленной не только против помещичьего землевладения, но и против вмешательства государства в жизнь деревни (от попыток регулирования земельных отношений до сбора налогов и мобилизации крестьян в армию – как на территории Советской России, так и в районах, занятых антибольшевистскими силами)³⁸. Близкие оценки аграрной революции были высказаны зарубежными исследователями, в частности, Э. Карром, отметившим формальный характер национализации земли, поступившей в распоряжение общин и разделённой на множество мелких крестьянских участков. По его мне-

нию, протекавшие в деревне процессы были противоречивы, разнообразны и трудноуловимы, определяясь спецификой местных условий в различных районах бывшей царской империи. Никакая центральная власть, не располагавшая аппаратом принуждения, не имела возможности навязать свои решения деревни. Как в действительности распределялась земля – зависело от коллективной воли заинтересованных групп крестьянства или от решения тех местных властей, которые они признавали³⁹.

Собственная позиция крестьянства в условиях гражданской войны получила отражение в монографических исследованиях С. А. Павлюченкова, Т. В. Осиповой и др.⁴⁰ Появляются работы, посвящённые правосознанию, военно-политической «самоорганизации» и «общинной самозащите» крестьянства в условиях революции и гражданской войны⁴¹. Масштабное исследование крестьянской ментальности на основе интеграции различных подходов и большого комплекса источников предприняла О. В. Поршнева, уделившая основное внимание феномену «фронтowego крестьянства» – психологии и мировосприятию солдатских масс⁴². Продолжается изучение крестьянских организаций 1917–1918 гг., а также местных органов власти, начатое в 1970-е гг. работами Г. А. Герасименко, Т. М. Баженовой и др.⁴³ Среди работ, специально посвящённых аграрной политике советской власти, можно выделить исследование экономиста 1920-х гг. Л. Н. Литошенко, рукопись которого была опубликована В. П. Даниловым совместно со специалистами Гуверовского института в 2001 г.⁴⁴ Автор дал очерк развития русского сельского хозяйства после отмены крепостного права и до революции 1917 г., а затем охарактеризовал основные этапы аграрной политики революционного государства в 1917–начале 1920-х гг., уделив особое внимание попыткам овладения и подчинения «пассивного, но непокорного» крестьянского хозяйства⁴⁵.

Что касается аграрной политики «белых», её изучение концентрируется в основном вокруг программ и земельного законодательства антибольшевистских правительств. При этом исследователи делают акцент на нежелании «белых» законодательно закрепить произошедший передел земли (Л. Н. Шнурова), на неадекватности разрабатываемых программ самой обстановке гражданской войны, а также недооценку «белыми» её политического

характера и связанных с ним задач гражданского управления (Р. Пайпс). Отмечается несоответствие аграрных мероприятий «белых» «корпоративно-анархистским настроениям масс», противоречия между интеллигенцией, осуществлявшей разработку аграрного курса, и военной элитой режима (Ю. Д. Гражданов)⁴⁶.

Значительный вклад в изучение истории антибольшевистского лагеря был внесён уральскими и сибирскими исследователями (Н. И. Дмитриевым, Е. П. Сичинским, В. С. Кобзовым, О. Ю. Никоновой, Ю. Т. Лончаковым и др.), пересмотревшими многие тенденциозные оценки мероприятий «белых» правительств, показавшими их связь с объективными проблемами и возможностями власти⁴⁷. Социально-экономическая программа местных учреждений «демократической контрреволюции» на Южном Урале была рассмотрена в монографии В. С. Кобзова и Е. П. Сичинского, оценивших её как радикальную (в т. ч. и в аграрном вопросе), но разошедшуюся с политикой Временного Сибирского правительства, положившего конец «самодеятельности» местных социалистов⁴⁸. Отмечая буржуазно-демократическую направленность политики антибольшевистских правительств, уральские исследователи говорят о сохранении земли в руках фактических пользователей, стремлении Колчака вести аграрную политику в русле идей П. А. Столыпина и в интересах «частного крестьянского хозяйства»⁴⁹. В ряде работ рассматриваются взаимоотношения антибольшевистских правительств на территории региона, а также история отдельных институтов антибольшевистского лагеря – Уфимской Директории (А. Д. Казанчиев), Съезда членов Учредительного Собрания (И. Ф. Плотников)⁵⁰. При этом в качестве объекта изучения постепенно начинают выступать региональные учреждения «контрреволюции», привлекается местный материал, освещающий взаимодействие властных структур, органов самоуправления и земельных учреждений белогвардейцев⁵¹.

Вопросы землепользования и землеустройства уральского крестьянства в 1918–1921 гг. исследовал В. Л. Телицын, отрицательно оценивший результаты общинно-передельной практики и социалистического землеустройства, а также сделавший вывод об ошибочности леворадикальной концепции разрешения аграрного вопроса⁵². Взаимоотношения центральной и местных властей на Урале в 1917–1921 гг. рассмотрел Р. А. Хазиев, сделавший вывод о значительной самостоятельности региональных учреж-

дений в осуществлении социально-экономической политики (на примере Башревкома) в условиях гражданской войны⁵³. Аграрная политика советской власти и положение крестьянства Южного Урала в 1917–1920-е гг. (на материалах Оренбуржья) рассматриваются в работах В. А. Лабузова и Д. А. Сафонова⁵⁴, особенности земельных отношений в Башреспублике и землепользование башкирского населения – в трудах башкирских историков Р. А. Хазиева, Р. А. Давлетшина и других⁵⁵. Масштабное исследование революционной «повседневности» 1917–1922 гг. предпринял И. В. Нарский, уделив значительное внимание положению крестьянского населения. Отметив укоренённость в крестьянском опыте востребованных в условиях революции и гражданской войны механизмов выживания, он сделал вывод о кризисе не только молодой индустриальной («городской»), но и традиционной аграрной культуры⁵⁶. Ведётся изучение источниковедческих и историографических аспектов темы⁵⁷, а также совершенствование социологического и философского инструментария аграрной истории⁵⁸.

Продолжается разработка казачьей проблематики, связанная с исследованиями А. П. Абрамовского и В. С. Кобзова, Л. И. Фурорьянского, В. М. Войнова, Н. А. Чирухина, Т. К. Махровой, Ф. А. Каминского и др. Крупным событием последнего десятилетия стал выход монографии А. П. Абрамовского и В. С. Кобзова «Оренбургское казачье войско в трёх веках», в которой авторы рассмотрели комплекс вопросов, связанных со становлением одного из крупнейших казачьих войск России, уделив особое внимание реформированию войсковой системы во второй половине XIX – начале XX вв., в годы революции и гражданской войны. Они отметили тенденцию к самоликвидации войскового сословия в его традиционном виде, связанную с развитием капиталистических отношений, стремление казачества к освобождению от всесторонней опеки государства, самостоятельности в экономической и общественной жизни, изменению условий воинской службы, и вместе с тем – к сохранению “казачьей самобытности” и общности, что придавало казачьему движению 1917–1919 гг. противоречивый характер⁵⁹.

Развитие казачьего хозяйства и экономическое положение казачества перед революцией, в годы мировой и гражданской войны рассматривались в работах Л. И. Фурорьянского, Т. К. Махровой,

Ф. А. Каминского и др.⁶⁰ Наряду с элементами кризиса традиционного хозяйственного уклада, авторы указали на процесс втягивания казачества в систему рыночных связей, формирование среди оренбургских казаков предпринимательской прослойки (5–8 % казачьих дворов)⁶¹. Л. И. Футорянским, на основании анализа законодательных и нормативных документов (декрет о земле и основной закон о социализации, постановления казачьих кругов и войскового правительства, советских земельных органов), была предпринята попытка сравнить аграрную политику «дутовцев» и советской власти в 1917–1919 гг.⁶²

Говоря об изучении аграрных отношений на Южном Урале в годы гражданской войны в целом, необходимо отметить противоречивый характер современных оценок аграрной революции и аграрной политики как советской власти, так и её противников. Во многом это связано с переходным характером современного научного знания, а также с незавершённостью освоения всего массива источников, значительная часть которого, в том числе материалы местных, низовых учреждений – только вводится в научный оборот. Выводы исследователей, как и в советское время, опираются преимущественно на анализ законодательных актов и программных документов, иллюстрируемых произвольно подобранными примерами и фактами местной жизни. Тем самым изучение аграрной политики, как сложного процесса разработки и реализации решений в сфере аграрно-крестьянских отношений подменяется изучением соответствующего законодательства. Незнание фактической стороны реализации аграрного курса приводит к сохранению традиционных оценок политики как «красных», так и «белых» в деревне, сводящих отношения режима и крестьянства к «насилию», «произволу» и «террору»⁶³. Преимущественное внимание к репрессивно-карательной составляющей аграрной политики меньшевиков, унаследованное от советской историографии, сохраняется даже в новейших работах⁶⁴.

Между тем в литературе уже отмечалось, что, несмотря на масштабное использование государственного принуждения, стремление как советской власти, так и меньшевиков воздействовать на крестьянство через само крестьянство, его представителей и организации (советы, комбеды и др.) нельзя отождествлять с прямым насилием⁶⁵. На практике крестьянин взаимодействовал с

большим числом различных местных учреждений – от мирских и земских структур до земельных, продовольственных, судебных и фискальных, используя различные «правила игры» и стратегии. Это взаимодействие остаётся неизученным, так как требует кропотливого сбора и изучения фрагментарного и сложного для интерпретации источникового материала. Обращение к практике аграрного регулирования позволило бы ответить на вопросы о влиянии, которое оказывали на содержание и характер проводимых мероприятий местные властные учреждения и земельные органы, а также выборные крестьянские учреждения (волостные земства, советы и др.), механизмах взаимодействия крестьянина и различных низовых структур «контрреволюции» и советского режима. Фигура местного чиновника и земельного работника, тесно связанного с сельским обществом – участкового заведующего земельным фондом, члена уездного земельного отдела или волостной земской управы – по-прежнему остаётся в тени, как и вся повседневная и, по существу, мало политизированная работа по регулированию земельных отношений.

В настоящей работе сделана попытка охарактеризовать аграрные отношения, сложившиеся на Южном Урале к началу гражданской войны, выявить особенности первых аграрных преобразований, обусловленные особенностями социальной структуры и землевладения южноуральской деревни. Рассматриваются основные направления регулирования аграрных отношений на Южном Урале в 1918–1920 гг., и место региональных учреждений в выработке соответствующей законодательно-нормативной базы, раскрываются особенности организации земельного дела и механизмы практической реализации аграрного курса на местах. Одной из задач работы было проанализировать процесс реформирования земельных отношений в Оренбургском казачьем войске, раскрыть деятельность войсковых учреждений по разработке аграрной политики в условиях гражданской войны и фактической автономии ОКВ от других институтов урало-сибирской «контрреволюции».

Особый акцент в работе был сделан на деятельности антибольшевистских (небольшевистских) учреждений, как наименее исследованной в современной научной литературе. 5 глава, посвящённая характеристике земельных отношений в 1919–1920 гг., после освобождения края от колчаковских войск, носит вспо-

могательный характер и является небольшой по объёму. При рассмотрении процессов, происходивших в южноуральской деревне в условиях революции, анализе механизмов взаимодействия крестьянского общества с властью автор опирался также на выводы и наблюдения, сформулированные отечественными историками и касающиеся различных сторон жизни сельского социума в конце XIX – начале XX в., в частности, об отношениях различных групп крестьян внутри общины, роли семейных кланов в жизни деревни, функционировании институтов волостного и сельского самоуправления, изменениях в правовой, политической и хозяйственной культуре крестьянства, связанных со столыпинской аграрной реформой⁶⁶. Привлечение методов социальной истории, частью которой является и крестьяноведение, даёт возможность взглянуть на крестьянство как на активного участника аграрного регулирования, использующего различные стратегии сопротивления и приспособления, а также насаждаемые властью в деревне институты (от советов и волостных земств до комбедов) в своих собственных интересах⁶⁷. Фокусировка на региональном и местном материале позволяет подойти к изучаемым событиям с точки зрения «локальной истории», через призму сложившихся на местном уровне взаимосвязей, традиций и культурного опыта, которые обусловили различную реакцию крестьянских коллективов на проводимые аграрные мероприятия⁶⁸.

Такой подход требует более широкого хронологического поля исследования, привлечения материалов дореволюционного периода, позволяющих понять и интерпретировать события 1918–1920 гг. с учётом сложной палитры отношений мирного, военного и революционного времени. Это важно, учитывая неодинаковую сохранность документов земельных и крестьянских учреждений. Поэтому особое внимание уделялось хорошо сохранившимся делопроизводственным комплексам, изучение которых позволяет подключить к исследованию и интерпретировать разрозненные документальные материалы, рассеянные по небольшим архивным фондам. Мы стремились также максимально использовать материалы, вышедшие из крестьянской среды (прошения, ходатайства, постановления сходов и др.), которые в целом гораздо ближе и непосредственнее отражают «субъективный смысл событий» с точки зрения их прямых участников, являясь частью своеобразного

«диалога» сельского общества с властью. В условиях значительных информационных «пробелов» важное внимание уделялось также сравнению сведений архивных источников и данных периодической печати. Правда, методика такого сравнения остаётся неразработанной, на что уже указывалось в литературе⁶⁹. Информационный ряд провинциальной прессы, посвящённый деревне, отражал, безусловно, прежде всего взгляды образованной части сельского общества и горожан, и формировался иными путями, чем сведения делопроизводственных источников.

Особого разговора заслуживает использование статистических источников. Уже дореволюционная русская сельскохозяйственная статистика, в частности, урожайная и посевная, оценивалась как малопригодная для конкретных выводов и отражающая, главным образом, тенденции движения урожая⁷⁰. При оценке статистических сведений по сельскому хозяйству периода гражданской войны исследователи отмечают, что разные источники дают разные сведения (например, о количестве посевных площадей)⁷¹. Парадоксально, но в отличие от самих статистических данных методика их сбора, а значит, общая степень их надёжности и достоверности (в том числе при сравнении с данными 1913–1917 гг.) так и не стала предметом научной рефлексии⁷². Тем не менее идеалом работы остаётся «серьёзное обобщение», противопоставляемое «разрозненным сведениям» делопроизводственных и личных источников, рисующих нередко противоречивую картину, не укладывающуюся в рамки одной – двух «основных» тенденций⁷³. Однако возможно, что именно такая картина обладает наибольшей достоверностью, отражая «мозаичность» самой социальной реальности послереволюционного времени. Частные выводы, привязанные к конкретному материалу, и наблюдения на локальном уровне могут служить более надёжной основой для интерпретации, чем усреднённые цифры и заведомо неполные и несопоставимые друг с другом погубернские и поуездные сводки.

Источниковую основу работы составил комплекс опубликованных и неопубликованных источников, включающий в себя законодательные и нормативные материалы, документы делопроизводства центральных и местных государственных учреждений, органов казачьего и земского самоуправления, периодическую печать, воспоминания, статистические источники. Ав-

тором использовались материалы российского законодательства по землеустройству казачьих войск, сборники «узаконений» и распоряжений советского и антибольшевистских правительств, нормативные акты, опубликованные в ведомственных периодических изданиях. Важным опубликованным источником для характеристики земельных отношений и развития сельского хозяйства в регионе являются отчёты, доклады, постановления земских, казачьих, сельскохозяйственных и кооперативных учреждений по различным направлениям их деятельности, а также справочно-информационные издания дореволюционного времени, специальные работы, посвящённые естественноисторическому и хозяйственному районированию края⁷⁴. Часть документов по интересующей нас теме (нормативные акты, отчёты должностных лиц и другие) была опубликована в 1920-е, 1950–1960-е гг., когда были изданы специальные сборники документов и материалов, посвящённые революции и гражданской войне на Урале и в Зауралье⁷⁵. Избирательный характер публикации был призван прежде всего подчеркнуть «антинародный» характер деятельности антибольшевистских правительств, тексты документов публиковались с существенными купюрами⁷⁶. Из зарубежных публикаций можно указать на издание Русским Зарубежным Архивом в Праге материалов Уфимского Государственного Сопоставления 1918 г.⁷⁷ В 1990-е гг. отдельные документы антибольшевистских правительств и небольшие тематические подборки публиковались в различных изданиях и сборниках, в т.ч. подготовленных уральскими историками⁷⁸. Важные документы по истории Оренбургского казачьего войска в 1917–1918 гг. (программа казачьей демократической партии, постановления съезда низовых станиц, Положение об автономии казачьих областей, Временное положение о самоуправлении в ОКВ и др.) были изданы А. П. Абрамовским и В. С. Кобзовым⁷⁹.

Информативным и ценным источником являются материалы периодической печати. В работе использованы 20 периодических изданий (главным образом газет) 1917–1920 гг. различной общественно-политической направленности. На их страницах публиковались документы центральных и местных властей, протоколы крестьянских съездов, отчёты и информация о деятельности органов самоуправления и правительственных учреждений, ведавших земельным делом, провинциальная публицистика. Пресса от-

ражает усилия властей по пропаганде основных аграрных мероприятий, а также их интерпретацию современниками, прежде всего – представителями образованных слоёв города и деревни.

В работе использовались воспоминания и историко-мемуарные работы участников и современников гражданской войны. Ценный фактический материал и оценки участников событий, хотя и опосредованные прошедшим временем и устоявшимися штампами в освещении гражданской войны, делают их важными источниками, дополняющим сведения государственного и общественного делопроизводства и данные прессы. Многие источники личного происхождения, воспоминания и историко-мемуарные работы знакомы и широко использовались историками (дневник А. Будберга, книги И. М. Майского, Г. К. Гинса, Л. А. Кроля и др.)⁸⁰. Интерес представляют мемуары казачьих деятелей (И. Г. Акулина, А. В. Зуева, Г. В. Енборисова), в которых рассматриваются различные аспекты жизни Оренбургского казачьего войска в годы революции и гражданской войны, в т.ч. отношения казачьих верхов с руководящими структурами контрреволюции на востоке страны⁸¹. Эти материалы могут быть сопоставлены с донесениями станичных атаманов по истории борьбы казачества с большевиками, собранными в декабре 1918 г., а также воспоминаниями авторов-казачков, хранящимися в фондах бывших партийных архивов⁸². Из опубликованных в 1920-е гг. воспоминаний, а также переданных в истпарты материалов землячеств участников революции и гражданской войны на Урале можно выделить работы М. Молочковского (исполнявшего обязанности редактора челябинской газеты «Власть народа» в 1918 г.), одного из руководителей уфимских большевиков Б. Эльцина, члена троицкого совета М. Халикова, ставшего в 1919 г. посредником между Башкирским правительством и советским руководством и давшего содержательную характеристику национального движения⁸³. Интересные сведения о ситуации в деревне весной – летом 1918 г. содержатся в воспоминаниях, опубликованных в 1950–1960-е гг., а также основанных на них историко-документальных работах⁸⁴. Значительный фактический материал, почерпнутый из архивных документов и интервью с казаками – участниками гражданской войны, был введён в научный оборот в работах журналиста и краеведа Н. С. Шибанова, опубликовавшего также в 1990 г. воспоминания

уроженца Уйской станицы, учёного-аграрника П. П. Маслова, занимавшего в 1918 г. должность комиссара Челябинского округа Временного Сибирского правительства⁸⁵.

Наиболее важными источниками послужили архивные материалы. Автором использованы документы 42 фондов 2 российских и 4 региональных архивов и их филиалов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Объединённого государственного архива Челябинской области (ОГАЧО, частью которого является бывший партийный архив), Архивного отдела Администрации г. Златоуста (бывший ЗФ ГАЧО), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), Государственного архива Курганской области (ГАКО) и его Курганского филиала (КФ ГАКО, бывший ПАКО). Из документов федеральных архивов наибольший интерес представляют фонды совета министров и министерства земледелия «Российского Правительства», содержащие законодательные документы, аналитические материалы, а также переписку с местными земельными учреждениями, органами власти и частными лицами. Основной корпус архивных источников составили документы местных земельных учреждений (уездных земельных комитетов и их управ, губернских управлений земледелия и их представителей на местах, отделений Крестьянского Поземельного банка, землеустроительных учреждений, уездных земотделов и др.), органов земского самоуправления, а также крестьянских организаций (волостных и сельских правлений), отражающие процесс формирования и реализации аграрной политики, складывание системы земельного дела, а также практику регулирования аграрных отношений. Среди них необходимо выделить фонды Челябинской и Стерлитамакской уездных земельных управ, в делопроизводстве которых получили отражение различные стороны регулирования земельных отношений в период «демократический контрреволюции», Уполномоченного Министерства Земледелия и Колонизации Сибири в Приуральском районе, а также Оренбургско-Тургайского управления земледелия и государственных имуществ, отражающие особенности процесса восстановления ведомственных земельных учреждений и организации системы земельного дела осенью – зимой 1918 г., фонд заведующего

земельными имуществами 8 участка Челябинского уезда Оренбургской губернии, позволяющий реконструировать повседневную работу земельной администрации в её взаимодействии с органами волостного и сельского самоуправления. Аграрная политика советской власти получила отражение в материалах Оренбургского губернского, Челябинского и Троицкого уездных земельных отделов, Челябинского губернского земельного управления, Челябинского губсовнархоза и др. Для изучения реформирования аграрных отношений в Оренбургском казачьем войске использовались фонды Главного Управления по делам казачьих войск при штабе Верховного Правителя, войскового хозяйственного правления и войскового правительства ОКВ, советских земельных органов, в фондах которых осело немало документов предшествующих лет. Привлекались также материалы ряда станичных и поселковых правлений, станичных и поселковых советов Оренбургского, Челябинского и Троицкого уездов, которые позволяют восстановить положение на местах, а в ряде случаев - серьёзно дополнить данные центральных учреждений Войска.

Настоящая работа опирается на предыдущие исследования автора, и представляет собой переработанный вариант диссертации, защищённой в июне 2005 г.⁸⁶ В связи с этим автор хотел бы выразить признательность большому кругу людей, оказывавших содействие в сборе материалов, подготовке и обсуждении работы: заслуженному деятелю науки РФ, доктору исторических наук, профессору А. П. Абрамовскому, доктору исторических наук, профессору В. С. Кобзову, доктору исторических наук, профессору В. В. Меньшикову, доктору исторических наук, профессору А. С. Верещагину, коллегам по кафедре и научным изысканиям Е. В. Волкову, О. Ю. Никоновой, Г. А. Гончарову, Г. В. Форстману, З. Н. Анохиной, С. А. Баканову, сотрудникам Научной библиотеки ЧелГУ Н. В. Цибульской, Е. П. Свиридюк, А. А. Щербатовой; архивистам и библиографам Челябинска, Кургана, Уфы, Оренбурга – А. П. Финадееву, И. И. Вишеву, Н. А. Прыкиной, Л. М. Евтеевой, Н. М. Чистяковой, Е. А. Калининной, И. Н. Пережогой и другим. Сбор дополнительных материалов в архивохранилищах и библиотеках проходил при поддержке краткосрочного гранта в области гуманитарных наук Американского Совета Научных Сообществ (ACLS)⁸⁷. Автор признателен своей семье – родителям, жене и дочке за понимание, терпение и поддержку.

Глава 1. Южноуральская деревня и власть в 1917–1918 гг.

К лету 1918 г. на большей части европейской России ещё не был завершён первый этап аграрных преобразований, заключающийся в конфискации помещичьего землевладения и перераспределении земельного фонда между различными группами земледельческого населения. Особенностью распределения земли весной 1918 г. был его временный, «предварительный» характер, ставивший целью удовлетворить прежде всего текущую нужду крестьянства и закрепить политические итоги октябрьского переворота, что не могло заменить собой комплекса землеустроительных мероприятий. Частновладельческие, казённые и другие земли, поступившие в распоряжение местных советов и их земотделов, распределялись с учётом сложившихся в каждой местности норм и особенностей землепользования. При этом земельный фонд, который мог реально перейти в пользование и обладание трудового крестьянского населения, темп и глубина аграрных преобразований определялись особенностями социально-экономического развития отдельных территорий и регионов, спецификой структуры землевладения и земельных отношений, наличием в каждом из них своего комплекса аграрных проблем и противоречий.

Специфика земельных отношений. Обе губернии Южного Урала – Оренбургская и Уфимская – были «производящими», ежегодно поставляя на внутренний и внешний рынки миллионы пудов хлеба, масло и т. д. Наиболее быстро аграрное развитие происходило в конце XIX – начале XX в., и в предвоенное десятилетие, после проведения железнодорожных линий, соединивших Южный Урал и Зауралье с основными экономическими районами России. Товарная перестройка крестьянского хозяйства сопровождалась значительной хозяйственной и имущественной дифференциацией. Если в целом по Уфимской губернии зажиточно-кулацкие дворы (с посевом более 10 дес.) составляли около 10 %, и на северо-западе региона их число постепенно сокращалось, то в южной части Уфимского, Стерлитамакском, Златоустовском уездах, на севере Оренбургской губернии и в Зауралье к ним можно было отнести каждый третий – пятый двор⁸⁸. Особенно быстро

формирование крупного (30–50 дес. посева) и сверхкрупного (предпринимательского, фермерского) крестьянского хозяйства происходило в южных, торгово-земледельческих районах Южного Урала, где они составляли уже 3–5 % **всех крестьянских и казацких дворов**⁸⁹. При этом состоятельное крестьянство сохраняло, в рамках общины и крупных семейных кланов, тесные связи с основной массой бедняцко-средняцких дворов. Одновременно укрепляло свои позиции и среднее крестьянство – основа «традиционной» российской деревни, также постепенно втягивавшееся в товарные отношения. Несмотря на значительную имущественную дифференциацию, в основе функционирования хозяйств различных посевных групп сохранялся значительный пласт добуржуазных отношений. На мощном фундаменте традиционных добуржуазных отношений основывалась и быстро развивавшаяся на Южном Урале и в Зауралье кооперация, охватывавшая от трети до половины крестьянских дворов⁹⁰.

Этому способствовала и более высокая, чем в центральной части страны, земельная обеспеченность местного крестьянства – основного производителя товарного хлеба. Так, в 1905 г. в Оренбургской губернии на один двор приходилось в среднем 29,8 дес. надельной земли, в европейской России – 11, 1 дес.⁹¹ Преимущественно крестьянский характер носило и частное землевладение – около половины частновладельческих земель в Оренбургской и более двух третей в Уфимской губернии (соответственно 900000 дес. и 2085100 дес.), прежде всего удобных для ведения сельского хозяйства, находилось в коллективной и личной собственности крестьян, сельских обществ и товариществ⁹². На землях других собственников – помещиков, государства, банков, акционерных обществ – преобладали лес и неудобья⁹³.

При этом реальный размер земельного фонда во владении различных групп сельского населения был неодинаков. Например, в Уфимской губернии по сведениям 1912–1913 гг. на один двор приходилось в среднем: у бывших помещичьих крестьян (30 тыс. хозяйств) – 6 дес. надельной земли, бывших удельных (14 тыс.) и припущенников (около 140 тыс. хозяйств) – 10 дес., государственных крестьян, т. н. коренных собственников (85 тыс. хозяйств) – 18 дес., башкир-вотчинников (95 тыс. хозяйств) – 20 дес., не считая у последних «свободных за душевым наделом» земель⁹⁴. Таким об-

разом, наряду со сравнительно многоземельным русским и башкирским крестьянством в регионе существовала и значительная группа малоземельных и безземельных дворов, хозяйственные интересы которых удовлетворялись за счёт аренды башкирских, казачьих, казённых земель. По различным данным, безземельными в Уфимской губернии было от 14,8 % до 7 % дворов, в Оренбургской губернии – 21,8 %⁹⁵. Значительную часть безземельных, наряду с переселенцами, составляли местные крестьяне, проживавшие в беспередельных общинах (где земля нередко делилась ещё на ревизские души, без учёта «вновь прибылых» со времени последней ревизии крестьянских дворов), в чужих обществах и т. д. Землеустройство этой группы населения не могло быть решено путём простого перераспределения земельного фонда, а требовало урегулирования сложных межкрестьянских отношений⁹⁶. Это обусловило и специфику аграрных противоречий в регионе весной 1918 г., в центре которых было не помещичье и другое «нетрудовое» землевладение (не игравшее значительной роли в сельскохозяйственных районах края), а групповые и корпоративные (сословные) интересы, обусловленные различиями в земельном устройстве сельского населения.

Исследователи отмечают также противоречивость отношений внутри крестьянской общины в условиях намечившегося сокращения надельного земельного фонда. Так, изучая аграрные отношения в Златоустовском уезде Уфимской губернии, крестьянство которого отличалось особенной экономической мощностью, М. И. Роднов отметил начавшееся вытеснение крупнокрестьянского («кулацкого») хозяйства на периферию общинной деревни, на купленные («частнособственнические») или арендованные (башкирские) земли. Та же картина наблюдалась в западных уездах Уфимской губернии – Бирском и Мензелинском, характеризовавшихся преобладанием традиционного («бедняцко-средняцкого») крестьянства. При этом свои наделы кулаки нередко полностью или частично сдавали в аренду родственникам или однообщинникам; собственно предпринимательское хозяйство разворачивалось за пределами общинной территории⁹⁷. Утверждение уравнительных принципов распределения земли было характерно и для деревни Южного Зауралья, где реальная крестьянская собственность на надельные земли, сложившаяся в условиях многоземелья

и основанная на принципе «старозаимочности» (крестьяне владели определёнными участками земли на протяжении нескольких поколений), столкнулась во второй половине XIX – начале XX в. с усилением общинного и государственного вмешательства в земельные отношения⁹⁸.

Хотя общинная форма землепользования была преобладающей, в Оренбургской губернии важную роль (19,5 %) играла товарищеская (крестьянские товарищества на совместно купленной или заарендованной земле), в Уфимской губернии – хуторская и отрубная (14,4 %), сосредоточенные в районах товарного земледелия⁹⁹.

В целом процессы модернизации села происходили противоречиво. Наряду с районами динамичного аграрного развития исследователи говорят о «регрессивном метаморфозе» (М. И. Роднов), складывании в южноуральской деревне своеобразной «застойной зоны бедности» (В. А. Лабузов), к которой относилось до 20–30 % крестьянских и башкирских дворов, хозяйство которых находилось «у черты простого выживания»¹⁰⁰.

Южноуральская деревня в условиях войны и революции. Важным фактором, повлиявшим на повседневную жизнь и настроения южноуральской деревни, стала первая мировая война. К 1917 г. в войска было призвано от 45 до 55 % взрослых мужчин-крестьян, что, вместе с разрушением потребительского рынка, непосредственно отразилось на хозяйственной активности сельского населения. Почти в 40 % крестьянских хозяйств не осталось взрослых работников-мужчин¹⁰¹. Значительно сократилось и число многосеющих (по советской терминологии – «кулацких») хозяйств, обозначив процессы экономической нивелировки южноуральского крестьянства¹⁰². Вместе с тем, несмотря на сокращение посевов, числа работников и поголовья рабочего скота вследствие мобилизаций (в Оренбургской губернии – соответственно на 30 %, 49,6 % и 60 %), сельское хозяйство региона продолжало оставаться мощным источником товарного хлеба. Так, в неурожайный 1916 г., когда сбор хлебов в Оренбуржье уменьшился на 58 %, губерния выполнила гостребование по поставкам на 92 %¹⁰³.

Как отмечается в специальных исследованиях, вступление в войну актуализировало в крестьянском сознании вопрос о земле. «Стихийный», опирающийся на традиционные ценности, крестьянский патриотизм связывал войну с приращением земли и

надеждами на «улучшение земельного благосостояния» за счёт частных и казённых земель. Этому способствовали и некоторые шаги самодержавной власти – конфискация земель и имущества подданных враждебных государств и фактическое свёртывание землеустроительных работ по выходу крестьян из общины¹⁰⁴. Убеждённость в наделении землёй после войны разделяла и солдатская масса, причём требование дать народу землю сочеталось с беспокойством за свои семьи и озлоблением против «тыла», особенно «откупившихся» от военной службы «богачей», однообщинников, пользующихся отсрочками чиновников и рабочих, и т. д. Происходила мобилизация общинно-урavnительных (или «казарменных», по терминологии А. А. Богданова) ценностных установок, подкреплявшаяся готовностью к их активному утверждению под влиянием опыта военного и революционного насилия¹⁰⁵. Возвращающиеся фронтовики стали важной социальной силой в деревне, в ряде случаев фактически устанавливая в сёлах свою «диктатуру» (П. Н. Зырянов)¹⁰⁶. Наблюдатели отмечали активную поддержку солдатами и молодыми крестьянами декрета о земле и связанных с ним земельных переделов¹⁰⁷.

В условиях революции общие для крестьянства урavnительно-переделные настроения преломлялись в башкирской среде в требование возврата земель, подхваченное национальной интеллигенцией («народнически настроенной» – как справедливо указывает М. И. Роднов¹⁰⁸), ставшее стержнем и главным лозунгом формирующегося автономистского движения; у оренбургских казаков – в лозунг возвращения в ведение войска бывших офицерских участков, передела и увеличения станичных наделов за счёт запасных и войсковых земель. Объективно возрастала и роль общины, в ведении которой находился широкий круг вопросов регулирования хозяйственной жизни и оказания поддержки семьям призванных. Ослабление воздействия государства на общинные и связанные с ними сельские и волостные структуры отразилось на собираемости налогов (по отдельным местностям недоимка государственных платежей составляла в 1917 г. до 60–70 % общей суммы) и заготовках продовольствия (в 1917 г. в Уфимской губернии было заготовлено 18482 тыс. пудов вместо 33852 тыс. пудов, или 54 % от плана, в Оренбургской губернии – 3721 тыс. пудов вместо 18975 тыс. пудов, или 19,6 % от плана)¹⁰⁹.

Говоря об итогах первого этапа аграрной революции на Урале, уместнее говорить не о передаче крестьянам «нетрудовых» земель, а о перераспределении земельного фонда (включая наделённые земли), бывшего в пользовании сельского населения, ревизии прежних аграрных отношений, связывавших различные группы деревни с землёй. Волна земельных переделов, прошедшая весной 1918 г., должна была изменить расстановку сил в общине, учитывая, что почти половина сельских обществ Южного Урала (46,7 % в Оренбургской и 46 % в Уфимской губерниях) уже давно – с конца XIX в. – не знали земельных переделов, и земля здесь постепенно переходила в подворное пользование, а часть крестьян-общинников (в основном молодёжь) оказалась на положении безземельных¹¹⁰. В ряде местностей края (в частности, Златоустовском уезде) при проведении «социализации» были предприняты попытки межселенного (между «многоземельными» и «малоземельными» обществами) и даже межволостного передела земельных угодий. Однако в целом «общеимперская развёрстка» и социализация земли были отложены, «ввиду громадной технической работы», до будущего года, что ясно показало нежелание крестьянства пускать в общий передел наделённые земли¹¹¹. При этом распределение частновладельческих и казённых земель происходило достаточно организованно, в обстановке энтузиазма со стороны основной массы крестьян и части местных земельных работников, хотя и не всегда с соблюдением строгой уравнительности.

Если перераспределение земель, в центре которого находилась община, а также ужесточение продовольственной и налоговой политики советской власти способствовали социальной консолидации деревни, то наличие многочисленного состоятельного крестьянства, вовлечённого в товарное производство, выступало сдерживающим фактором, влиявшим на степень и глубину аграрных преобразований. В отношениях власти и деревни на первое место к лету 1918 г. вышел не земельный, а продовольственный вопрос, в решении которого местные советы использовали широкий круг средств – от упорядочения легальной хлебной торговли до экспроприации запасов зажиточного крестьянства, остававшегося главным производителем товарного хлеба, на которого рассчитывала власть. Так, Троицкий уездный исполком, призывая местные со-

веты принудить хлебопромышленников, «зажиточных и полузажиточных землеробов» к расширению посевов, одновременно указывал не стеснять состоятельных хозяев в найме работников и предоставить им те земли, которые могут остаться незасеянными, а всех нежелающих работать в своём или чужом хозяйстве – в том числе и бедноту, «правлящую всем» – за установленную плату привлечь к бесплатному исполнению каких-либо общественных обязанностей¹¹².

Одновременно с ужесточением аграрной политики происходило фактическое отстранение состоятельного крестьянства от участия в деятельности органов сельского и волостного управления. Как указывалось в принятом в феврале 1918 г. постановлении Челябинской уездной земельной управы и исполкома совета крестьянских депутатов за подписью левого эсера Кобелянко, в состав волостных земельных комитетов, формируемых «на новых началах», не могут быть избираемы деревенские «кулаки», торговцы, промышленники (т. е. сельские предприниматели) и крупные землевладельцы¹¹³. На Курганском уездном съезде в апреле 1918 г. было принято решение о переизбрании советов, созданных до демобилизации армии, что должно было дать власть в руки более радикально настроенных крестьян-фронтовиков¹¹⁴. По информации с мест (Уфимская губерния), к лету 1918 г. многие волостные советы включали в свой состав в основном «бедное население» и содержались на налоги и контрибуции с «имущих классов»¹¹⁵. Большевики сознательно брали курс на углубление противоречий в крестьянской среде, опираясь на настроения бедняцки-люмпенизированной части сельского населения и солдатской массы.

«Деревня представляла из себя взбаламученное море, – отмечал один из лидеров уфимских большевиков Б. Эльцин. Там и сям происходили делёжки земли... Сложные земельные отношения в Башкирии... не могли быть разрешены более или менее однообразно даже в пределах одной губернии или уезда». На созванный большевиками губернский съезд крестьянской бедноты «обездоленные крестьяне, крестьяне безземельные, вернувшиеся из армии и оставшиеся ни при чём солдаты – так называемые «припущенники», обойдённые и в этот период, и тому подобные социальные группы разорённого крестьянского населения, – потащились... в

таком количестве, что очень скоро он превзошёл численностью своей все созывавшиеся до этого времени крестьянские съезды». В противовес этому съезду «крестьянских лодырей» эсерами был созван губернский съезд крестьянских депутатов. «Однако съезд крестьянской бедноты численно был больше крестьянского съезда, да и общая ситуация была такова, что губернскому съезду крестьянских депутатов ничего другого не оставалось, как просить об объединении съездов». На объединённом съезде главную роль играли большевики, которым удалось провести на нём вопрос о продразвёрстке. «Правда, земельный вопрос на съезде не нашёл даже своего разрешения... Съезд не внёс успокоения в крестьянскую среду, но странно было тогда ставить себе такие цели. Надо было развивать революцию»¹¹⁶.

Маргинальность социальной базы компенсировалась широким использованием силовых методов как средства утверждения советской власти и осуществления продовольственных мероприятий. Так, в феврале 1918 г. красногвардейцами был разогнан крестьянский съезд в аграрном центре Златоустовского уезда – селе Месягутово («съезд 242»), отказавшийся признать роспуск Учредительного Собрания (одновременно с ним, «на всякий случай» был разогнан и собравшийся в Месягутово учительский съезд), в марте – подавлено крестьянское выступление в Дуване против действий продовольственного отряда. В самом Златоусте приехавшими из Челябинска красногвардейцами был арестован наличный состав городского совета, состоявшего из меньшевиков и правых эсеров (вместо него большевиками и левыми эсерами был сформирован горуездный исполком, провозглашённый высшей властью в уезде). Так же «сверху» был реорганизован уездный совет крестьянских депутатов, заменённый «временным бюро» из левых эсеров и коммунистов, и уездный земельный комитет¹¹⁷. Чрезвычайный характер приобретала аграрная политика в казачьих районах, значительная часть населения которых была поставлена новой властью, по существу, вне закона (артиллерийские обстрелы станиц, реквизиции имущества и продовольствия, репрессии против казачьих «верхов», организация вооружённых экспедиций в казачьи станицы за хлебом), следствием чего стало формирование антибольшевистского повстанческого движения на юге Оренбургской губернии.

События мая — июня 1918 г., связанные с «мятежом» чехословацкого корпуса, привели к новому этапу гражданской войны на востоке России. Внутренняя контрреволюция получила теперь возможность опереться на реальную силу, а также использовать недовольство различных слоёв населения, колебания крестьянства и части рабочих. В условиях начинающейся гражданской войны крестьянство Южного Урала заняло в целом выжидательную позицию, а в ряде районов приняло активное участие в свержении власти советов, став базой мощного повстанческого движения.

Антибольшевистское движение и создание новых органов власти. Полоса восстаний развернулась в регионе в июне — июле 1918 г. (за исключением казачьей территории, где боевые действия велись с декабря 1917 г.), и была связана с ужесточением продовольственной политики, ставкой в проведении аграрных мероприятий и советском строительстве на бедняцко-люмпенизированную («полупролетарскую») часть населения, в т. ч. на казачьей и башкирской территории, где часть населения поддерживала лозунги региональной (башкирской и казачьей) автономии. Центром повстанческого движения стали «низовые» казачьи станицы 1 округа Оренбургского казачьего войска (апрель — май 1918 г.), а также район на севере (вокруг Челябинска) и северо-западе (Уйская, Кундравинская, Петропавловская станицы) Оренбургской губернии, где при поддержке восставшего в конце мая 1918 г. чехословацкого корпуса началось формирование вооружённых частей из казаков, башкир и офицерства для борьбы с советскими войсками¹¹⁸. Антибольшевистские выступления произошли также в ряде крупных торгово-аграрных центров — железнодорожных станций — Челябинского уезда (Шумиха, Чумляк и другие)¹¹⁹. Изменение настроений отразилось и в деятельности выборных крестьянских учреждений. Так, созданный в Мишкино в начале июня в связи с челябинскими событиями (выступление чехословаков) чрезвычайный волостной съезд советов и многолюдный митинг потребовали лояльного отношения к «братьям-чехословакам» и разоружения отрядов сельской Красной Гвардии. Съезд был разогнан красногвардейцами, а красногвардейский отряд вместе с советскими работниками, во избежание кровопролития, отступил на Шадринск¹²⁰. На собранном большевиками в Шадринске съезде волостных комитетов большинство также оказалось против них.

Съезд был разогнан, антибольшевистская часть делегатов собралась тайно в пригородной слободе, где вынесла постановление с призывом к борьбе с большевистской властью. Также было разогнано организованное фронтовиками собрание, а его руководители арестованы и расстреляны¹²¹.

В середине июня 1918 г. началось крестьянское восстание на востоке Уфимской (Златоустовский, Бирский, Уфимский уезды) и юге Пермской (Красноуфимский, Шадринский уезды) губерний, поводом к которому послужила попытка проведения массовой мобилизации (в т. ч. вернувшихся солдат-фронтовиков) в Красную Армию для подавления «мятежа» чехословацкого корпуса¹²². К восставшим крестьянам присоединились рабочие Кусинского и Саткинского заводов Златоустовского казённого горного округа; общая численность восставших, по оценкам советских источников, составляла 3–5 тыс. человек¹²³. Ядром и основным командным кадром повстанцев стали солдаты и офицеры-фронтовики. Для координации и объединения действий отрядов создавались штабы в основных центрах восстания – сёлах Месягутово, Сикияз, Белокатай Златоустовского уезда, в занятых повстанцами волостях назначались коменданты и проводились мобилизации молодёжи в повстанческие отряды. Главный штаб партизанских отрядов находился в селе Суханка Красноуфимского уезда¹²⁴. Мощное повстанческое движение в тылу чехословацкого фронта вынудило советское командование оставить Златоуст и отступить с Южного Урала, а повстанцы дополнили собой формирования Комуча и Сибирского правительства.

В результате успешных действий чехов, казаков, отрядов формирующейся «Народной армии» и крестьянских повстанцев основная территория края уже к августу перешла под контроль «белых». На части Оренбургской и Уфимской губерний номинально была установлена власть Комитета Членов Учредительного Собрания (Комуча) – эсеро-меньшевистского правительства, созданного в Самаре при поддержке чехословаков (позднее правительство переехало в Уфу). В Оренбурге был организован краевой комитет Учредительного Собрания, заявивший о переходе к нему власти на всей территории губернии, Оренбургского казачьего войска, Тургайской области¹²⁵. Высшей властью на территории Уфимской губернии провозгласил себя Временный Ко-

митет, созданный на заседании Уфимской городской думы, также ориентировавшийся на Комуч¹²⁶. С другой стороны, руководство освобождённого чехами и повстанцами “Челябинского района” (север Оренбургской губернии) вступило в переговоры с представителями Временного Сибирского правительства. В июле правительством был образован Челябинский округ в составе Челябинского, Троицкого уездов Оренбургской, Златоустовского уезда Уфимской губерний, с включением в него прилегающих местностей, занятых сибирскими войсками. Для управления округом учреждалась должность окружного (с правами губернского) комиссара¹²⁷. Одновременно началось восстановление органов казачьего самоуправления и башкирских национальных учреждений. В Челябинске были восстановлены Башкирский Областной Совет (Шуро) и правительство во главе с С. Мрясовым и З. В. Тоганом*, на состоявшемся в городе казачьем съезде было сформировано новое окружное правление и избран атаман 3 округа Оренбургского казачьего войска¹²⁸. На юге войсковой территории, до возвращения Войскового правительства из Тургая, его роль играл президиум съезда низовых станиц (съезд был сформирован в апреле 1918 г. как орган самоуправления ряда «низовых» станиц 1 округа Оренбургского казачьего войска, не признавших советскую власть, а также как орган политического руководства повстанческим движением казаков).

На местах вместо упразднённых советов были сформированы временные исполнительные комитеты (комитеты общественной безопасности, комитеты народной власти) и управы, началось восстановление земского и городского самоуправления. Если в районах крестьянского мятежа большинство советских работников были уничтожены либо бежали («гласные левых партий в уезде убиты») – отмечали представители златоустовского кре-

---

* Башкирский Областной Совет (Шуро) был организован на 1 Всебашкирском съезде (курултае) летом 1917 г. как орган руководства разворачивающимся национальным движением. В ноябре 1917 г. была провозглашена автономия Башкирии и сформировано правительство во главе с Ш. Манатовым и З. В. Тоганом (Валидовым). Оформление автономии произошло на 3 Всебашкирском Курултае в Оренбурге в декабре 1917 г., где были определены основные положения государственного и военного строительства и социально-экономической политики (в т.ч. основы земельной реформы), а также избран предпарламент (ксекурултай) во главе с С. Мрясовым.

стьянства на Месягутовском съезде в августе 1918 г.), то в других местностях в состав новых волостных и сельских органов власти нередко включались бывшие члены советов. «Самосудов и эксцессов не было... у власти были люди, мало общего имевшие с большевиками», – сообщали из Птиченской волости Челябинского уезда. «Ни арестов, ни самосудов... во главе совета стояли люди, пользовавшиеся доверием всего населения волости» (Карасинская волость Челябинского уезда). «Впредь до новых выборов восстановлена старая управа, в состав которой вошли некоторые члены распущенного совдепа. В ближайшие праздники 13 и 16 июня собрались волостные сходы, где были прочитаны распоряжения исполнительного комитета народной власти, начальника милиции и других, и приступлено к перевыборам президиума волостного комитета» (Маслейская, Косулинская, Коровинская, Долговская, Становская волости Челябинского уезда). Выборы должностных лиц обычно проходили открытым голосованием. Предпочтение отдавалось, по информации с мест, солдатам и офицерам-фронтовикам, представлявшими собой влиятельный и авторитетный элемент деревни (достаточно вспомнить об активном участии демобилизованных солдат в деятельности земельных комитетов, советов и т. д.)¹²⁹. В целом в деревне, несмотря на многочисленные заявления о поддержке и публикуемые в газетах приветствия новой власти, преобладали выжидательно-настроженные настроения.

Рыхлость политических структур «демократической контрреволюции», отсутствие единого правительственного центра, процесс создания которого растянулся на несколько месяцев, обусловили самостоятельную роль местных властей в разработке и проведении основных социально-экономических мероприятий. Регулирование земельных отношений первоначально также легло на учреждения, созданные в ходе переворота – временные комитеты, думы и пр., сформированные на коалиционных началах с участием основных политических организаций и общественных групп «демократического» лагеря¹³⁰. Обнародованная ими программа, безусловно, учитывала интересы деревни. Так, военный совет при начальнике челябинского гарнизона, созданный в первые дни после свержения советской власти и состоявший из представителей различных политических партий и групп, в своём

обращении к населению заявил о полной свободе засеивать любые земли «не насильственным путём», гарантировав сохранение урожая за посевицами. В заключение упоминалось об Учредительном Собрании, которое издаст «основные положения о народном землепользовании»¹³¹.

Одним из первых шагов новых властей стало восстановление земельных комитетов. Однако постановления и распоряжения бывшего Временного правительства, на которые они опирались в своей деятельности, уже не отражали широкого круга задач, стоящих перед комитетами в области земельного регулирования. Особенно была необходима ясность в связи с текущими хозяйственными работами, и это вынуждало земельные органы на местах искать различные, хотя бы и временные, пути решения крестьянского вопроса.

Уже 12 июня на места был разослан циркуляр Челябинского уездного земельного комитета, в котором предлагалось «для разбора земельных споров и недоразумений по усмотрению самого населения» восстановить старые или избрать новые земельные комитеты. Комитет санкционировал заготовку крестьянами паров (в том числе на частновладельческих землях), а также предложил волостным и сельским властям немедленно приступить к распределению сенокосов¹³². 8 июля появился соответствующий циркуляр Оренбургского уездного комитета. Волостным комитетам предлагалось основываться на решениях уездного и губернского комитетов до 17 января 1918 г. (т. е. до установления в Оренбурге советской власти). Подлежали исполнению и распоряжения советских земельных органов, если они не противоречили инструкции о земельных комитетах и закону о земле Всероссийского Учредительного Собрания, принятому 5 января 1918 г.¹³³ Окружный земельный комитет 3 округа Оренбургского казачьего войска принял 9 июля циркуляр, передававший учёт и распределение всей земли земельным комитетам на основании закона Учредительного Собрания¹³⁴. Ссылка на закон, принятый Учредительным Собранием в январе 1918 г., позволяла отложить решение непростого для социалистов вопроса об отмене советских декретов*.

* 5 января 1918 г. на своём единственном заседании Учредительное Собрание приняло первые 10 пунктов закона о земле. Отменялось право собственности на

Объявление об уборке урожая посевищиками было сделано в середине июля Временным комитетом Уфимской городской думы, а затем направлено губернским земельным комитетом в уезды, с предложением местным комитетам разослать его по волостям уже от своего имени. 14 июля 1918 г., на заседании восстановленного губернского комитета, совету комитета было предложено руководствоваться принципами общих положений закона о земле от 5 января 1918 г., и разработать к следующей сессии конкретные мероприятия "в духе положений и требований с мест". Комитет должен был стараться не вносить резкой ломки в сложившиеся на местах отношения и продолжать начатые при советской власти работы "по стольку, по сколько это будет настойчиво требоваться местным населением"¹³⁵.

В то же время далеко не всегда отмена собственности на землю, провозглашённая законом Учредительного Собрания, встречала единодушную поддержку на местах. На первом собрании Стерлитамакского уездного земельного комитета, состоявшемся 19 августа 1918 г., именно это положение вызвало массу нареканий и, в конечном итоге, было отклонено. Мотивы подобного решения, видимо, можно связать с общей земельной обеспеченностью местного крестьянства, втянутого в товарные отношения и владевшего – на индивидуальных или групповых, в форме товариществ, началах – земельной собственностью (во многих местах уезда весной 1918 г. не было переделов, а хуторские и отрубные участки остались в руках владельцев), а также с наличием на территории уезда значительного по своим размерам башкирского землевладения, сохранение неприкосновенности которого было одним из главных лозунгов национального движения¹³⁶.

Крестьянские съезды летом 1918 г. Революция способствовала раскрепощению общественной самодеятельности всех без исключения групп российского общества. Одной из наиболее популярных форм институционализации общественного движения в 1917–1918 г. стали съезды, в ходе которых осуществлялось непосредственное взаимодействие агентов революционного про-

---

землю, права лиц и учреждений осуществлялись только в форме пользования. Распоряжение всей землёй с недрами передавалось республике в лице центральных органов местного самоуправления (Учредительное Собрание. См.: Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 1. История. 1993. № 2. С. 106).

цесса, происходило выдвижение и конституирование новой революционной элиты. Практика проведения съездов опиралась на традиционные сословно-корпоративные устои и внутренние связи российского общества, представлявшего собой, по характеристике Ю. Д. Гражданова, «конгломерат традиционных социумов – народ».

Чрезвычайно популярными стали съезды в крестьянской среде. Деревня довольно быстро освоила механику съездов и осознала их значение как новой и важной формы легализации требований и притязаний сельского общества. Выборы делегатов на съезды осуществлялись на сельских и волостных сходах, деятельность которых в условиях революции значительно политизировалась, охватив широкий круг вопросов местной общественной и хозяйственной жизни. Начавшийся осенью 1917 г. переход власти к советам обозначил новые – властные – функции крестьянских съездов как конституирующих структур складывающегося политического режима. Именно решениями уездных и губернских съездов (советов) оформлялись наиболее важные решения в политической и социально-экономической сфере – от взятия местной политической власти до утверждения продовольственной монополии и проведения социализации земли. Одновременно съезды стали ареной политической борьбы, развернувшейся в лагере «демократии», а их делегаты – объектом манипулирования различных политических сил.

Форма съездов (уездные съезды земотделов, районные – объединявшие группу волостей, и волостные съезды) широко использовалась весной 1918 г. при практической работе по распределению казённых и частновладельческих земель. В ряде случаев для координации земельной и продовольственной работы на местах создавались импровизированные «районные» структуры и органы власти – «райсовдеп» в Шумихе, охватывавший 22 волости и станицы Челябинского уезда, «комиссар районного съезда» в Аргаяше, где на районном съезде в апреле 1918 г. удалось достичь важного компромисса в вопросе о распределении земель между русским и башкирским (мусульманским) населением, и т. д.¹³⁷

Антибольшевистское движение, начавшееся под демократическими и патриотическими лозунгами (созыв Учредительного Собрания, восстановление демократических свобод, освобожде-

ние страны от немцев и ликвидация условий Брестского мира), фактически объединило весь спектр противников существующей власти. Отражением этого стал и своеобразный политический режим, оформившийся летом 1918 г. в виде правительств «демократической контрреволюции». Вместе с тем, как и в 1917 г., формирование новой власти требовало опоры на представительные народные учреждения и процедуру «волеизъявления», которая придала бы новым учреждениям «законный» характер, и одновременно укрепила бы позиции социалистов перед лицом союзников по антибольшевистскому лагерю в лице офицерства и «буржуазной» общественности. Упразднённые весной 1918 г., и восстанавливаемые теперь органы земского и городского самоуправления не могли выполнить этой задачи, к тому же они не обладали необходимыми для этого законодательными полномочиями и политическим авторитетом. Решение этой задачи и значительного круга вопросов устройства местной жизни, а также согласование позиций различных общественных сил произошло на уездных съездах, состоявшихся летом 1918 г. Материалы съездов дают общее представление о настроениях деревни в период смены власти, когда курс «контрреволюции» в политической и хозяйственной областях ещё только оформлялся.

Основную массу делегатов, очевидно, дало среднее и зажиточное крестьянство. Обстановка, в которой проходили выборы, привела к отсутствию среди участников съездов открытых сторонников левых партий; в то же время в составе делегатов были деятели новой волостной администрации, представители сельской интеллигенции (учителя, священники, служащие различных сельских учреждений – результат культурных процессов и политики государства 1880–1900-х гг.), кооператоры, офицеры и солдаты-фронтовики. Политическое руководство съездами оказалось в руках общинных «верхов» и представителей провинциальной «демократии», многие из которых сами являлись выходцами из крестьян. Пёстрая по составу и политическим симпатиям, провинциальная общественность являлась носителем новых для деревни культурных ценностей, однако её роль в политическом оформлении движения в значительной степени опиралась на традиционные местные взаимосвязи, соединявшие сельское общество и провинциальный город (уездный и губернский центр).

Уже 4 июня 1918 г., после свержения советской власти в Челябинске, состоялся башкирский (мусульманский) съезд в Метелево (центр Метелевской волости Челябинского уезда), в котором приняли участие члены Центрального Башкирского Областного Совета С. Мрясов и Н.-А. Тагиров, руководители Аргаяшского кантонного совета М. Магахушев и М. Магасумов, начальник башкирского отряда Б. Халитов и представители 16 башкирских волостей Зауралья (Челябинского и Троицкого уездов Оренбургской и Екатеринбургского уезда Пермской губерний, входивших в состав провозглашённых осенью 1917 г. Аргаяшского и Яланского кантонов Башкирии). Были приняты решения о восстановлении в Челябинске Башкирского Областного Совета (Шуро), формировании башкирских частей для борьбы с отрядами Красной армии, а также включении башкирских представителей в состав созданного в Челябинске на коалиционных началах организационного комитета Народной власти. Для реализации намеченных решений съезд избрал комиссию в составе 17 человек (председатель Г. Габитов, члены М. Магасумов, А. Курбангалеев, Т. Гисматы, Ф.-К. Сулейманов, Г. Мухамедьяров, Н.-А. Тагиров и др.)¹³⁸. Фактически съезд положил начало организации башкирского движения под антисоветскими и антибольшевистскими лозунгами. Вскоре в Челябинске было восстановлено Башкирское правительство во главе с З. В. Тоганом (А. Валидовым), при участии русских офицеров начато формирование башкирских частей, принявших участие в боях на Екатеринбургском фронте и взятии Екатеринбурга¹³⁹.

12–15 июня 1918 г. состоялся крестьянский съезд в соседнем с Челябинском Кургане. Огромное зало Курганской женской гимназии с трудом вмещало всех представителей деревни, желавших узнать правду о происходящих событиях. Наряду с уполномоченными, многие селения послали своих ходоков, чтобы они посмотрели и по приезде «рассказали всю правду». Состав съездов был самый разнообразный: «от крепких, как кондовое дерево, сибирских стариков до юных, горячих, говорливых апостолов молодой сибирской кооперации». Официальное наименование – «5 крестьянский съезд Курганского уезда» – указывало на стремление организаторов подчеркнуть преемственность и легитимность его прерогатив, так же, как и выступления ряда должностных лиц (в

частности, члена ревизионной комиссии), избранных на предыдущем съезде весной 1918 г.

Как отметил челябинский корреспондент, крестьянство уезда и съезд не были достаточно ознакомлены с тем, как произошёл переворот, кем, когда и как была вызвана новая власть на место старой, каковы основные цели переворота и ближайшие задачи. По текущему моменту никакой резолюции вынесено не было. И. И. Грязнов, совершивший по поручению новых властей поездку в Петропавловск, проинформировал делегатов, что Западная Сибирь «целиком вышла из под власти большевиков и на её место встает планомерно устанавливаемый орган новой власти под руководством Временного Сибирского правительства». Делегаты привезли 79 различных мандатов и приговоров, в т. ч. 61 – за Временное Сибирское правительство, автономию Сибири, восстановление самоуправлений, организацию постоянной армии, Всесибирское Учредительное собрание (общая формульная часть указывает на следование общему шаблону, видимо, разосланному по волостям одновременно с информацией о созыве съезда), 3 – за Временное Сибирское правительство без всяких разъяснений, 6 – за большинство съезда, 5 – за приветствие чехословаков и переворот, 3 – за упразднение земских самоуправлений, 1 приговор селения за восстановление власти советов. Привезший его делегат был вызван для «подробной мотивировки» и встречен шумом и криками «Позор, позор!». Избранный председателем съезда «крестьянин Фёдоров» уговорил собрание спокойно выслушать делегата, заявившего с волнением и слезами, что говорит не от себя, но выражает волю пославших его¹⁴⁰.

Военная секция съезда приняла решение о постоянной армии и призыве 1917, 1918 и 1919 гг. и всех, кто не был на военной службе с 10 года, о строгой дисциплине и назначаемом командном составе, на чём особенно настаивали делегаты-фронтовики. Съезд высказался за свободную торговлю всеми товарами за исключением объявленных Временным правительством монополией вследствие нехватки. Восстанавливались земские самоуправления с одновременным условием провести пере выборы с участием вернувшихся с фронта солдат. Съезд объявил все земли достоянием трудящегося на них населения навсегда без выкупа, оставив в силе сделанное на текущий год распределение, восста-

новив уездный земельный комитет (в ведение которого переходили казённые и частновладельческие леса) и предложив передать функции волостных комитетов земским самоуправлениям¹⁴¹. Выступивший на съезде представитель оренбургского казачества заявил об общности интересов крестьян и казаков, и готовности казачества защищать завоёванные крестьянами свободу и землю.

В Челябинске созыв крестьянского съезда был намечен на 5 июня 1918 г. ещё советскими властями, однако в связи с политическими событиями он был отложен, а затем перенесён на конец июня. Работа по подготовке и проведению Челябинского съезда была сосредоточена в руках новой гражданской администрации. Организатором съезда выступил Челябинский Комитет Народной Власти, установивший нормы представительства – один делегат от 50 избирателей на волостное собрание, и один представитель от 2000 граждан на съезд – что обеспечивало преимущество крупным сельским обществам, где социальная дифференциация была выше (для сравнения: на крестьянский съезд в феврале 1918 г. делегат выбирался от 1000 человек «населения», причём желательным было присутствие представителя от каждого сельского общества)¹⁴². Для города были установлены свои квоты: кооперативы – 3 места, по 5 мест – биржа и торгово-промышленный класс, квартальные старосты, беженцы, 2 – безработные, 7 мест – союз строительных рабочих, 1 – союз городских и земских служащих, 10 – железнодорожный союз, 16 – городская дума¹⁴³.

Накануне открытия уездного Челябинского съезда, 26–29 июня 1918 г., в городе состоялся казачий съезд, объединивший казачество 3-го (Челябинский и Троицкий уезды) и части 2-го (Верхнеуральский уезд) округов Оренбургского казачьего войска. Основными вопросами на съезде, собравшем более 150 участников казаков и крестьян, проживавших на войсковой территории (крестьяне были допущены на съезд с правом совещательного голоса), были формирование казачьих частей для борьбы с большевиками и восстановление органов окружного самоуправления. Окружным атаманом был избран офицер-фронтвик, есаул А. В. Смирных, руководивший действиями казачьих частей по освобождению Троицка и Троицкого уезда¹⁴⁴. 29 июня 1918 г. несколько десятков казачьих делегатов объединились с казачьей секцией уездного съезда, и дальше работали совместно.

28 июня в здании Народного дома открылся Челябинский уездный съезд. Зал был украшен бело-зелёными флажками Сибирского правительства и лозунгом «*Вся власть Учредительному Собранию!*» Съезд открыл председатель Комитета Народной Власти С. Самодуров, пожелавший делегатам встать на «общегосударственную точку зрения» и заняться «сухой» деловой работой, а не сведением личных или партийных счётов. Съезд пришли приветствовать и представители военных властей – начальник гарнизона полковник Сорочинский и председатель исполкома чехословацких войск Богдан Павлу. В своём выступлении полковник Сорочинский, в частности, сказал, что «без вашего признания, без цели нельзя работать... Я призван защитить ваши головы от большевиков. Моя обязанность работать на фронте, и я работаю. Вы же устраивайте здесь свою жизнь»¹⁴⁵.

Председателем съезда, после попыток проведения никому не известных кандидатов, был избран П. П. Маслов, приглашённый на съезд обществом Масловского посёлка Уйской станицы Троицкого уезда – известный экономист, автор аграрной программы РСДРП («программа муниципализации земли»), один из составителей «Наказа о земле». Всего участниками съезда стали 486 делегатов от крестьян, башкир, рабочих и «горожан», казачества 3-го и части 2-го округов Оренбургского казачьего войска, а также, с правом совещательного голоса, представители Кыштыма, Кургана, Шадринского уезда, политических и общественных организаций¹⁴⁶. Открытым голосованием были избраны 4 товарища председателя – руководители секций: рабочая – Шулов, казачья – Анфалов, крестьянская – Шумков, мусульманская – Таганов, 4 секретаря и редакционная коллегия под руководством Смолина и Ижбулатова. Были созданы комиссии – по городскому и земскому самоуправлению, по текущему моменту и отношению к временному правительству, продовольственная, финансово-экономическая, по организации армии и по земельному вопросу. Доклады к съезду были подготовлены членами отделов Исполкома Народной Власти и представителями продовольственной управы. Заседания съезда проходили с 9 утра до 2 часов дня, и с 5 до 8 часов вечера, нередко затягиваясь до ночи. Участникам полагалось пищевое довольствие и суточные 10 руб., для представителей деревни было выделено общежитие первой женской гимназии. Работы съезда продолжались с 28 июня по 9 июля 1918 г.

Решения съезда можно рассматривать как успех его политических руководителей – социалистов, которым удалось провести свою программу по ряду важных вопросов: организация власти (поддержка Сибирского правительства, восстановление органов местного самоуправления), возобновление сбора государственных и земских платежей, создание постоянной армии и другим¹⁴⁷. Это влияние было наиболее заметным при формулировании общегосударственных и политических задач, оценки положения в стране. Вместе с тем, принимая предложенную организаторами политическую канву, участники съездов – в подавляющем большинстве крестьяне – закладывали в неё своё содержание. Практически в каждой комиссии работали делегаты-сельчане, проводя свои поправки и дополнения в предлагаемые тексты резолюций.

В экономической сфере съезд высказался за повышение твёрдых цен на хлеб (с 5 руб. 32 коп. до 11 руб. 4 коп.) и другие продукты земледелия. Вместе с тем все официальные лица – председатель продуправы В. А. Грейлих, докладчик от Исполкома С. К. Ильинский – говорили о недопустимости отмены хлебной монополии. При этом казачья фракция, возглавляемая кооператором А. Ф. Важениным, и группа рабочих – участников съезда выступили против повышения твёрдых цен, находя такое решение непродуманным и неуместным в условиях государственной разрухи, неурожая и голода во многих местностях России¹⁴⁸. Поддержав переход земли в народное достояние (до Учредительного Собрания) и признав право посевищиков на урожай с полученных весной 1918 г., делегаты высказались за неприкосновенность наделного землевладения и восстановление арендных отношений, выполнявших роль важного регулятора отношений между различными группами земледельцев. На началах аренды малоземельными и безземельными крестьянами должен был использоваться государственный земельный фонд и излишки частновладельческих земель, оговаривалось право собственников-крестьян и частновладельцев на пользование своими угодьями в пределах “высшей” трудовой нормы, в т. ч. в необходимом для хозяйства количестве сенокосами, ликвидация коммун и возмещение нанесённых ими убытков¹⁴⁹. Как и Курганский, Челябинский съезд высказался за передачу функций волостных земельных комитетов местным органам власти – волостным «народным» (земским)

управам, с правом их участия в установлении арендных цен, формировании низшей земельной администрации (например, лесной стражи) и т. д. На съезде были избраны уездная земельная управа (с участием представителей от башкир и казачества), которую возглавил известный общественный деятель, социал-демократ Н. Н. Кудрин, и сформирован Исполнительный Комитет Народной власти для руководства освобождённым повстанцами «Челябинским районом». Возглавил исполком П. П. Маслов.

Казачий и уездный съезды сформировали и направили специальную делегацию для переговоров в Омск во главе с членом Учредительного Собрания от Оренбургского казачьего войска, троицким учителем В. А. Матушкиным и П. П. Масловым. 15 июля 1918 г. Сибирское правительство объявило о создании Челябинского округа (в составе Челябинского, Троицкого уездов Оренбургской, Златоустовского уезда Уфимской губерний, с включением в него прилегающих местностей, занятых сибирскими войсками), для управления которым учреждалась должность Челябинского окружного комиссара. На должность комиссара был назначен П. П. Маслов, а руководители отделов исполкома назначены комиссарами (уполномоченными) соответствующих ведомств в Приуральском районе¹⁵⁰.

В иной атмосфере состоялся крестьянский съезд в Златоустовском уезде, где боевые действия советских отрядов с крестьянскими и рабочими повстанцами приняли ожесточённый характер, и продолжались до конца июля 1918 г. Дороги были запружены семьями восставших крестьян, вместе с нехитрым скарбом уходящими от наступающих красных. Против занятых повстанцами сёл применялась артиллерия, против плохо вооружённых крестьянских отрядов – пулемёты. С другой стороны, пленные красноармейцы и красногвардейцы, захваченные советские работники и члены их семей расстреливались¹⁵¹. Всего по уезду погибли сотни советских работников, красноармейцев, большевиков и левых эсеров, членов их семей, просто сочувствующих. «Гласные левых партий в уезде убиты», – отмечалось в протоколах Месягутовского крестьянского съезда в августе 1918 г. Всего по уезду было арестовано и доставлено в Златоуст свыше 800 человек, многих из которых сопровождали вооружённые родственники-повстанцы (во избежание самосуда).

И военные, и местные власти пытались ограничить самосуды. Так, татары-фронтовики в Сикиязе не допустили расправы над арестованными жёнами большевиков. Утром было принято решение матерей с грудными детьми не убивать. Избранный комендантом фронтовик Кириллов отпустил их на поруки крестьянам¹⁵². 3 июля 1918 г. комендант Златоуста полковник Алексеев запретил в районе города ношение оружия не при исполнении служебных обязанностей. 5 числа всем волостным штабам было предложено организовать следственные комиссии для рассмотрения дел лиц, связанных с большевистским движением, и посылать арестованных в Златоуст лишь в крайнем случае. Стали составляться ходатайства с тем, чтобы судить арестованных в своём селе или волости. Такое ходатайство спасло жизнь В. И. Араловец – жене местного учителя и известного культурного и общественного деятеля, активно участвовавшего в советском строительстве весной 1918 г.¹⁵³ Часть следственных комиссий возглавляли местные мировые судьи, члены их гласно избирались на сходах, и во многих случаях они противостояли произволу. От готовящегося крестьянского съезда население ожидало, что он должен был обуздать самосуды¹⁵⁴.

В Златоусте был организован Временный Военно-революционный комитет (с 30 июня – Временный Организационный комитет). С его возникновением связан любопытный эпизод. Перед зданием, где он размещался, возник стихийный митинг, участники которого потребовали, чтобы власть не принадлежала какой-либо одной партии. В состав ВРК (Организационного комитета) вошли депутат Учредительного собрания, златоустовский рабочий и депутатов В. А. Филатов (эсер, член ЦК партии, в 1917 г. занимавший должность председателя городского совета рабочих), П. А. Тейбелис (от социал-демократов), мировые судьи – К. Г. Клебер, А. М. Чика, представитель партизанских отрядов, рабочий А. Е. Асанов, полковник Б. В. Алексеев, В. Н. Швецов (будущий городской голова), горный инженер Г. И. Бострем, С. К. Ильинский и другие¹⁵⁵.

В тех волостях, где большевики не пользовались влиянием, был восстановлен прежний состав гласных волостного земства. Там же, где среди гласных преобладали сторонники большевиков, они были лишены полномочий, до новых выборов избирались временные комитеты. 23 июля 1918 г. в Златоустовском уезде про-

шло земское совещание с представителями 21 волости. Местный Организационный Комитет отдавал предпочтение уездному и губернскому земским собраниям, а также съезду представителей всего населения уезда (как это было в Челябинске), и выступил против особого крестьянского съезда¹⁵⁶.

Инициативу его проведения взяло на себя Месягутовское волостное земство, развернувшее кипучую деятельность (Месягутово – культурный и экономический центр обширного сельскохозяйственного района, один из центров повстанческого движения летом 1918 г.). Было создано бюро в составе Н. В. Рязанова, У. Карабатова, Ш. Башиева, П. Я. Гладина, С. К. Шеина. Организационный комитет был вынужден изменить свою позицию, и направить представителей на съезд (С. К. Ильинский, являвшийся также членом Челябинского Исполкома и участником челябинского съезда, И. В. Мохов, кандидатом – член уездной следственной комиссии, рабочий-фронтвик А. И. Аникеев). От мирового съезда были утверждены судья 4-го участка А. М. Чика и товарищ прокурора С. А. Строганов¹⁵⁷.

Съезд, на котором присутствовало 179 делегатов от 35 волостей и 39 представителей от учреждений и организаций, состоялся 6–9 августа 1918 г. Председателем съезда тайным голосованием был избран С. К. Шеин, секретарём – Ю. З. Бойков. Почётным председателем стал полковник Б. В. Алексеев. Пять лиц – Ильинский, Земнов (учитель ремесленной школы, представлявший на съезде также интересы кооперации), Мельников, Шретер и Гирфанов – вошли в мандатно-редакционную комиссию. После утверждения повестки и доклада члена Учредительного собрания В. А. Филатова участники съезда приступили к работе.

Уездный съезд признал власть Сибирского правительства, формирования которого к тому времени контролировали весь уезд и сопредельные горнозаводские районы. Ориентация на Сибирь (а не на Комуч, под контролем которого находился соседний Уфимский уезд) определила и рассмотрение наиболее важных социально-экономических вопросов – о продовольствии и о земле.

Повесткой съезда планировалось установление цен на продовольственные и фабричные товары, но после информации о ведении свободной торговли многими из них эти вопросы отпали. Тем не менее съезд сохранил нормировку на продукты, в кото-

рых ощущался крайний недостаток (чай, мануфактура и прочее). Одновременно, в соответствии с решениями Сибирского правительства, предусматривалось установление предельных цен для казённых поставок, в частности, на пшеницу 7 руб. 13 коп., рожь – 5 руб. 86 коп., овёс 5 руб. 73 коп. и так далее (в целом цены были ниже установленных Челябинским съездом). Что касается земельного вопроса, то в постановлении Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. о возвращении имений их владельцам многие делегаты усмотрели отход от решения о социализации земли, принятого на Учредительном собрании. Уездному комиссару, инженеру К. Р. Петрову пришлось специально брать слово и пояснять, что правительство «не отрицает в принципе социализации земли», но её проведение требует массы подготовительной работы¹⁵⁸.

В принятой резолюции урожай, засеянный весной 1918 г., оставался за посевицами. Владельцам (в т. ч. крестьянам, арендовавшим ранее перераспределённые земли и общинникам, «излишки» земель которых также были перераспределены) возмещалась стоимость заготовленных паров. Отобранное у зажиточных крестьян имущество и сельскохозяйственный инвентарь возвращались, дела о них разбирались местными следственными комиссиями. Делегаты высказались за неприкосновенность наделного землевладения и восстановление арендных отношений, выполнявших роль важного регулятора отношений между различными группами земледельцев, и являвшегося одним из условий формирования и функционирования крупнотоварного крестьянского хозяйства. В выступлениях говорилось, что землепользование везде восстановлено на старых началах. По информации с мест, в большинстве волостей уезда весной 1918 г. было проведено перераспределение («социализация») земли, а также предприняты попытки уравнительного передела земли между «многоземельными» (прежде всего башкирскими) и «малоземельными» волостями. Для разбора земельных конфликтов и подготовки материалов по аграрному вопросу к Учредительному собранию было постановлено создать земельную комиссию в составе 7 человек, представлявших русское и башкирское население уезда. Комиссия немедленно приступила к работе¹⁵⁹.

Значительный интерес представляет вопрос о налогах и организации обложения населения, так как в крестьянском сознании рево-

люция соединялась с освобождением от всех и всяческих платежей государству (любопытно, что в 1917 г. златоустовская деревня почти в 3 раза сократила выплату налогов и сборов), а обложения имущих классов, разные чрезвычайные налоги породили недовольство советской властью. Крестьянский съезд в Месягутово принял решение о возобновлении земских сборов, как недоимок, так и оклада, вплоть до продажи имущества неплательщиков. Одновременно предложение управы лишить неплательщиков права пользоваться земскими мероприятиями было отклонено.

Отвергнута была и идея принудительных займов у населения. Уездные и волостные земские собрания получили право вводить косвенные налоги на товары и продовольствие, «с тем, чтобы... средства пошли на содержание волостных управ и покрытие расходов, вызванных переживаемым моментом». Особым пунктом съезд поручил управе в ближайшие дни разработать вопрос о прогрессивно-подходящем налоге. Открытым (до разрешения в общегосударственном порядке) остался вопрос о возвращении контрибуций. Помощь беднейшему населению и солдатским семьям была возложена на волостные управы, съезд признал желательным восстановление хлебозапасных магазинов¹⁶⁰.

Нашли отражение в деятельности съезда и вопросы образования. По инициативе учителя Дуванской ремесленной школы, учителя Грибкова съезд принял резолюцию «ученье – свет, не ученье – тьма» и поручил уездному земству принять меры к восстановлению занятий в Месягутовской женской гимназии.

Аплодисментами была встречена на съезде речь представителя златоустовского гарнизона полковника Б. В. Алексева, призвавшего к созданию национальных полков. Отчасти мобилизация в уезде была проведена в дни мятежа, масса повстанцев-добровольцев пополнила формирования Сибирского правительства и Комуча, а некоторые отряды были развёрнуты в самостоятельные подразделения (например, отряд саткинца подпоручика А. С. Рычагова – впоследствии генерал-майора колчаковской армии – был развёрнут в Красноуфимскую бригаду)¹⁶¹. Вместе с тем именно мобилизация в Красную армию послужила поводом к массовым крестьянским восстаниям, и отношение деревни к гражданской войне – пусть даже в форме борьбы с «германобольшевизмом» – было неоднозначным. Так, деятели местного земства заявили

уездному организатору агитационно-вербовочного отдела «Народной армии», что в деятельности отдела не видят «никакого смысла» и что в деревне агитаторов будут бить¹⁶². Съезд в Месягутово отметил, что «в крупных селениях уезда военнообязанные образовали сильные организации, действующие далеко не в интересах русского государства». О имевших место разногласиях деревенских «верхов» и подлежащих мобилизации крестьян – прежде всего молодёжи – говорит и ходатайство съезда «о расселении их по небольшим селениям мелкими группами».

Контроль за исполнением своих решений – многие из которых были адресованы военным и гражданским административным властям, земству – съезд возложил на президиум¹⁶³.

Сопоставление принятых на съездах решений с требованиями, высказывавшимися крестьянами в течение лета – осени 1918 г. в переписке с властями и разнообразных «официальных» документах, исходивших из крестьянской среды (ходатайствах и прошениях, отзовах на запросы земельных органов, приговорах и постановлениях сходов и т. п.) показывают, что они соотносятся, но далеко не исчерпывают всего спектра позиций уральских земледельцев. В некоторых вопросах – о мобилизации, восстановлении волостного земства, о возвращении части угодий в пользование собственникам, возобновлении арендных платежей за переданные весной 1918 г. казённые и частные земли – они разошлись с настроениями значительной части крестьянства. Обезличенное решение общих вопросов земельного устройства на съездах не учитывало самой атмосферы деревни с развернувшейся в ней борьбой корпоративных, групповых и индивидуальных интересов, старых обид и счётов, делёжкой земли между конкретными семьями и людьми. Это позволяет поставить вопрос об аутентичности постановлений и резолюций крестьянских съездов и совещаний как выразителей общественного мнения деревни, необходимости их сопоставления и дополнения свидетельствами, приближенными к хозяйственной и социальной практике крестьянства на местах, которое учитывало бы несоответствие общих правовых понятий и категорий, фигурирующих в этих документах, более конкретным и дифференцированным представлениям крестьян.

Деятельность съездов как представительных органов имела важное значение для оформления политического режима «де-

мократической контрреволюции». В ряде случаев они оказали непосредственное влияние на формирование и политическую физиономию местной власти, как это было в Челябинске, окружная администрация которого (комиссар и уполномоченные соответствующих ведомств в «Приуральском районе») была создана Сибирским правительством на основе избранного на уездном съезде Исполкома народной власти. Социалисты и их союзники по демократическому лагерю рассматривали съезды как обязательный элемент механизма государственного строительства и разрешения вопросов местной жизни. Так, на 25 августа 1918 г. в селе Суханка Красноуфимского уезда был назначен партизанский съезд представителей всех освобождённых волостей Златоустовского и Красноуфимского уездов, на котором планировалось обсудить аграрные вопросы. Главный штаб партизан просил выслать распоряжения «из объединения временных правительств» по этим вопросам¹⁶⁴. 7–15 августа 1918 г. состоялся съезд крестьянских, казачьих и мусульманских депутатов в Троицке, две трети участников которого составляли казаки. Съезд рассмотрел вопрос о создании 4 Челябинского округа Оренбургского казачьего войска (в состав округа вошло большинство казачьих станиц Челябинского уезда), и поддержал рекомендацию комитета народной власти о назначении Троицким уездным комиссаром А. Иванова – бывшего земского начальника, в 1917 г. работавшего секретарём уездного комиссара, а при большевиках занимавшего должность секретаря земельного комитета. Иванов был утверждён Временным Сибирским правительством уездным комиссаром, а после колчаковского переворота – назначен управляющим Троицким уездом¹⁶⁵.

В целом решения съездов были ориентированы на крепкое крестьянство, занимавшее ведущие позиции в общественном самоуправлении и хозяйственной деятельности уральской деревни. Со взглядами, настроениями, требованиями этой группы вынуждены были считаться и местная администрация, и правительственные круги контрреволюции, приступившие к разработке своих нормативных актов по земельному вопросу.

Земельный вопрос в документах антибольшевистских правительств. Приказом Комуча от 6 июля 1918 г. закон Учредительного Собрания о земле получал обязательную силу «для всех

губерний России»¹⁶⁶. 24 июля 1918 г. была обнародована декларация Комуча, подтверждавшая “бесповоротный” переход земли в общенародное достояние. Конкретные положения реформы в будущем должно было определить Учредительное Собрание, но уже теперь, опираясь на первые 10 пунктов закона о земле, Самарский комитет вводил запрет на сделки с землёй: купли-продажи, залога и т. д.¹⁶⁷ Принятие такого документа было для эсеровских деятелей политической необходимостью, и должно было укрепить их позиции перед лицом союзников “справа”. В инструкциях, направляемых Самарским правительством на места, прямо требовалось неукоснительно соблюдать первые 10 пунктов закона о земле, принятого Учредительным Собранием 5 января 1918 г. Предполагалось, что земельные комитеты разработают временные правила, до издания которых пользование землёю будет продолжаться на тех основаниях, которые “существуют в настоящее время” (т.е. сложились при советской власти). В том же духе выносили постановления губернские и уездные комитеты, которые приступили к работе и выработке порядка землепользования после освобождения территории Оренбургской и Уфимской губерний в июле – августе 1918 г.¹⁶⁸ Вместе с тем интересы антибольшевистской коалиции вынуждали учредителей идти, как и в 1917 г., по пути ограничения крестьянского движения, а значит – усиления административных начал в политике правительства.

Отношение к первым земельным преобразованиям, проведённым весной 1918 г., у эсеровского руководства было двойственным. Признавая, что к лету 1918 г. была решена первая задача аграрной революции – передача и распределение земель среди крестьян во временное пользование, эсеры отмечали, что “громким лозунгом социализации земли был освящён в сущности разгром помещичьего хозяйства, раздел инвентаря и скота, уничтожение культурных хозяйств и захват ближайшей частно-владельческой земли отдельными деревнями, а в них – зажиточным, крепким крестьянством”, результатом чего стало падение сельскохозяйственной культуры и образование мелкой крестьянской собственности¹⁶⁹. Близкие взгляды на советские аграрные преобразования высказывались и в либеральной публицистике 1917 – начала 1918 г., что создавало условия для компромисса между социалистическим руководством Самарского комитета и цензовыми кругами.

В соответствии с распоряжениями Комуча и его местных органов, все земли поступали в распоряжение земельных комитетов. В отношении наиболее демократичных волостных комитетов этот момент был сформулирован более осторожно. Земли волости брались ими “на учёт”, среди нуждающихся крестьян распределялась земля государственного фонда, и только при её недостатке (и с санкции уездных земельных органов) – частновладельческая. Казённые и частновладельческие земли предоставлялись населению «в одногодичную аренду» за плату, включающую все поземельные налоги. Размер её устанавливался комиссией из заинтересованных ведомств и лиц, с участием уездного земства, что должно было обеспечить соблюдение финансовых интересов казны и самоуправлений. За государственные и банковские земли плата шла соответствующим учреждениям, за частновладельческие – в депозит уездного земельного комитета¹⁷⁰.

Другим важным направлением аграрной политики стала продекларированная правительством поддержка сельскохозяйственного производства и экономически мощных хозяйств – основных поставщиков товарного хлеба. Программные взгляды эсеров по этому вопросу подверглись существенной корректировке уже в 1917 г., при разработке принципов будущей аграрной реформы в Главном земельном комитете, и получили дополнительное обоснование в условиях гражданской войны¹⁷¹. Так, приказ № 124 и составленные на его основе правила предоставляли право снятия посевов (уборки урожая) как в “трудовых”, так и в “нетрудовых” хозяйствах тому, кто их произвёл. Владельцам возвращался необходимый сельскохозяйственный инвентарь, в том числе уборочный¹⁷². В “пользовании” (поскольку собственность на землю отменялась) частновладельцев, арендаторов и заведующих казёнными именьями должно было остаться необходимое количество земли, при обязательном владельца полностью использовать её. На практике это означало приостановку конфискации уцелевших частновладельческих экономий, а также сохранение хозяйств посевищников-кулаков, арендовавших землю у государства, помещиков и односельчан. К частновладельцам приравнивались крестьяне, располагавшие излишками собственных земель (купчих, укрепленных по столыпинским законам, надельных). Одновременно правительство попыталось ограничить внутриобщинные переделы¹⁷³.

Указанные мероприятия должны были содействовать стабилизации хозяйственных отношений в деревне. Вместе с тем они требовали создания на местах сильного и эффективного аппарата власти. Шагом в этом направлении стала реорганизация и объединение деятельности всех земельных учреждений под управлением губернских земельных комитетов, в непосредственное подчинение которых передавались управления земледелия и государственных имуществ, землемерно-межевая и агрономическая службы, дела местных отделений Крестьянского поземельного банка и комиссий по разверстанию башкирских земель¹⁷⁴. Централизация земельного дела на уровне губернии сочеталась с регламентацией всей деятельности волостных земельных комитетов. Важную роль продолжала играть местная земельная и лесная администрация, сохранившая фактическую независимость от низовых крестьянских организаций. Тем не менее, передав комитетам право учёта и распределения земель и создав строго вертикальную систему управления земельным делом, “учредилорцы” рассчитывали сохранить контроль над ситуацией в деревне, справиться с эксцессами и “нормировать земельные отношения”¹⁷⁵.

С восстановлением земельных комитетов, наделённых широкими полномочиями, возник вопрос о их взаимоотношениях с земствами. На основании “Положения”, принятого в 1917 г., представители последних входили в состав уездных и губернских комитетов и их исполнительных органов — советов¹⁷⁶. Что касается низовых комитетов, то фактически они продолжали оставаться частью единой системы крестьянского самоуправления, сформировавшейся в условиях революции и формально представленной волостным земством. Именно на волостное земство была возложена организация комитетов после свержения советской власти. При этом крестьяне во многих случаях восстанавливали не комитет, а “волостной земельный отдел”, руководство которым поручалось одному из членов земской управы. Часто волостное земство, а не комитеты, направляло своих представителей и на собрание уездного комитета¹⁷⁷.

Курс на объединение деятельности комитетов и земств был закреплён в документах ряда вышестоящих учреждений. Так, собрание Стерлитамакского уездного комитета высказалось за самостоятельность волостных земельных комитетов, но с обяза-

тельным участием в них членов земских управ. Совет Уфимского губернского комитета в одном из своих распоряжений в августе 1918 г. (со ссылкой на приказы Комуча) прямо называл волостные комитеты “отделами волостных земств”¹⁷⁸. Очевидно, именно к такому решению склонялись правительственные круги, хотя полнотой реорганизация земельного дела не была завершена.

В целом мероприятия Комуча можно рассматривать как продолжение политики прежнего Временного правительства, в частности, программы так называемых “переходных мер”, разумеется, с поправкой на произошедшие за это время перемены в аграрных отношениях*.

Близкой к позиции Комуча была и аграрная программа Временного Областного правительства Урала, созданного в начале августа 1918 г. в Екатеринбурге из представителей партий эсеров, социал-демократов, энесов, кадетов и близких к ним ценовых кругов. Впредь до общего решения земельного вопроса всероссийской государственной властью правительство оставляло землю в руках фактических пользователей. Одновременно правительство предполагало установить особую плату в пользу государства за перешедшие во время революции к крестьянам земли, и оговорило право разрешения земельных сделок для промышленных и государственных целей¹⁷⁹. Несмотря на претензии екатеринбургского правительства на региональный статус, в реальности его власть распространялась на незначительную часть территории Пермской губернии¹⁸⁰.

В Западной Сибири роль правительственного центра в первые недели после переворота выполнял Западно-Сибирский комисса-

* Содержание программы было раскрыто в выступлении С. Л. Маслова на 1-м съезде советов крестьянских депутатов в мае 1917 г., а также в представленном им осенью законопроект: ограничение земельных сделок; контроль за сельскохозяйственным производством, особенно в помещичьих хозяйствах; создание специального арендного фонда для удовлетворения земельной нужды крестьян, из казённых, удельных и части частновладельческих земель, прежде всего традиционно сдаваемых в аренду или обрабатываемых наймом крестьянского инвентаря; регулирование арендных цен, причём плата за частновладельческие земли должна была поступать владельцу. Программа была рассчитана на переходный период, до окончательного решения земельного вопроса. “Законопроект Маслова” исходил из сохранения частной собственности на землю до Учредительного Собрания (Гинёв В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977. С. 155–160).

риат, созданный в мае 1918 г. в Новониколаевске на основе соглашения правительства П. Дербера и эсеров во главе с членами Учредительного Собрания Б. Марковым, П. Михайловым и другими. По отношению к советским преобразованиям комиссариат занял гибкую позицию, сохраняя те из них, которые признавались эсерами жизненными. В аграрном вопросе он придерживался закона о земле, принятого Учредительным Собранием, выступая за прекращение самовольных захватов земель¹⁸¹.

Более независимым от “революционного наследия” был аграрный курс Сибирского правительства во главе с правым эсером П. В. Вологодским, ряд деятелей которого (в т.ч. министр финансов и фактический лидер правительства И. А. Михайлов) были связаны с влиятельными военными и цензовыми кругами. Так, отвечая на телеграмму А. И. Дутова об отношении к постановлению Учредительного Собрания, отменявшему право частной собственности на землю, представители Сибирского правительства указывали, что считают его “подлежащим пересмотру Сибирским Учредительным Собранием применительно к условиям сибирской жизни”¹⁸². 3 июля 1918 г. министром земледелия Н. И. Петровым был представлен проект постановления об отмене «основного закона о социализации земли», однако публично пойти на отмену социализации правительство не решилось, ограничившись признанием всех декретов, принятых Советом Народных Комиссаров, недействительными¹⁸³.

6 июля 1918 г. в числе первых законов правительство принимает постановление о возвращении владельцам их имений со всем инвентарём, до решения вопроса Учредительным Собранием. “Культурные имения” передавались под контроль органов самоуправления и возврату не подлежали¹⁸⁴.

Как уже отмечали исследователи, в этом акте сказался учёт особенностей сибирского землевладения, отсутствие в Сибири значительного помещичьего хозяйства, подвергшегося разделу¹⁸⁵. Вместе с тем получившая распространение летом 1918 г. трактовка документа как “закона о денационализации земли”, перешедшая потом и в научную литературу, нуждается в уточнении. Предметом постановления были не сами земли, а “имения” (т. е. хозяйства), расположенные на собственных и арендованных землях. Таким образом, постановление предполагало прежде всего

восстановлении хозяйственного заведывания владельцев своими имениями, что находилось в соответствии с законодательством бывшего Временного правительства, ограничившим право распоряжения землёй (продажа, заклад и т. д.) запретом на отчуждение внегородских недвижимостей¹⁸⁶. В примечании к постановлению оговаривались интересы лиц, временно пользовавшихся чужой землёй, в частности, право на компенсацию затрат, что фактически отодвигало возвращение имений до конца полевых работ. В то же время текст документа не определял чётко порядка “возвращения имений”, и в этом смысле носил в значительной степени декларативный характер. Появившаяся 1 августа 1918 г. инструкция возложила осуществление постановления на специальные комиссии, образуемые губернскими и уездными земствами, а также установила разрешительную процедуру рассмотрения вопроса — только после личного обращения владельца или его доверенного лица с приложением всех необходимых документов. Вопрос о правовом и фактическом положении частновладельческих земель, по существу, оставался до конца непрояснённым, хотя отмена Сибирским правительством советских декретов (точнее, признание их “актами незакономерными, а потому юридически ничтожными”¹⁸⁷) и упоминание в тексте документа “собственных” земель означали признание им “де-юре” права частной собственности на землю.

Общие принципы регулирования аграрных отношений и организации земельного дела были определены во “Временном положении об учреждениях, ведающих земельными делами в Сибири” от 25 июля 1918 г. Согласно ему, все земли сельскохозяйственного назначения, находящиеся в фактическом обладании населения, а также частновладельческие земли (все частновладельческие земли, независимо от того, в чьих руках они находились) передавались в ведение органов земского самоуправления. Под “фактическим обладанием” понималось пользование землёй, “как бы переданной в надел”, находящейся у крестьян на основании действующих узаконений (например, наделной, купчей, арендованной) или полученной ими “в установленном порядке” (например, от советских земельных органов), а не захваченной самовольно. Временно им могли также передаваться, для распределения среди населения “на особых условиях”, отдельные участки казённых земель, прежде всего, видимо, уже переданные

крестьянам и распределённые между сельскими обществами весной 1918 г.¹⁸⁸ “Ведение”, понятие которого было разработано в аграрном законодательстве 1917 г., давало возможность земельным органам контролировать использование земельных угодий и регулировать земельные отношения (устанавливать арендные цены, брать часть земли в своё прямое заведывание и т. д.) без формального изменения отношений собственности¹⁸⁹.

Таким образом, центральной фигурой земельного дела на местах становились органы самоуправления. В составе уездных и губернских земских управ создавались земельные отделы. С упразднением земельных комитетов для объединения и координации работы всех земельных учреждений при земствах организовывались советы по земельным делам. В состав губернского по земельным делам совета входили председатель и заведующий земельным отделом земской управы, председатель городского самоуправления, начальник местного управления земледелия и государственных имуществ, заведующий переселенческим районом, представитель окружного суда, а также, при рассмотрении смет и планов, по одному представителю министерства финансов и ведомства государственного контроля. Уездный совет состоял из председателя и заведующего земельным отделом земской управы, мирового судьи по назначению окружного суда, а также представителей управления земледелия и переселенческого ведомства. В функции советов входило рассмотрение вопросов, связанных с реализацией аграрных законов правительства, разрешение земельных споров в пределах ведения бывших земских начальников, рассмотрение жалоб на постановления сельских обществ и действия должностных лиц сельского и волостного управления по земельным делам и пр. Переместив центр работы в земство, передав в его ведение частновладельческие и крестьянские земли, правительство восстановило прежний порядок заведывания казёнными и банковскими землями, непосредственно подчинив соответствующие учреждения министерству земледелия и колонизации Сибири. При последнем также, специально для подготовки реформы и разрешения земельных вопросов, был организован земельный отдел.

Таким образом, в своих основных чертах аграрный курс Сибирского правительства оформился только к августу 1918 г. На

практике проведение его в жизнь представляло собой компромисс с фактически сложившимся на местах потоком аграрного регулирования, направленность которого во многом отличалась от позиции официального Омска. Следствием этого стала значительная корректировка правительственного курса. Так, собственники, а в ряде случаев и административные власти настаивали на выполнении постановления от 6 июля 1918 г., которым декларировалось возвращение имений прежним владельцам. Земельными органами на местах этот документ, являвшийся частью общего курса сибирских властей на восстановление «нормальных» хозяйственных отношений, был встречен очень сдержанно. Вместе с тем напряжённая ситуация, которая возникла в деревне после его опубликования, заставила их ускорить выработку документов, регламентирующих землепользование в новых условиях. 28 июня 1918 г., в своём первом после перевыборов заседании Курганский уездный земельный комитет, опираясь на постановление уездного съезда, вынес решение о сохранении пользования частновладельческими землями и покосами в 1918 г. теми обществами, которым они достались по большевистскому разделу. Как доносил уездный комиссар, «это законное учреждение своею санкцией большевистских распоряжений... дало крестьянам полную возможность не доверять вышеуказанному моему разъяснению (о предоставлении прежним владельцам всех неиспользованных крестьянами частновладельческих земель. – *П. Н.*)... а впоследствии и не подчиниться и изданному уже Временным правительством закону о денационализации частновладельческих земель, ибо если до этого постановления земельного комитета сенокосы считались только за обществами, то после него стали уже делиться между отдельными крестьянами, а затем и выкашиваться»¹⁹⁰.

27 июля 1918 г. появилась инструкция Челябинской уездной земельной управы, составленная, как указывалось в преамбуле, на основании законов Временного правительства, постановлений казачьего и уездного съездов. Фактически она повторяла и конкретизировала основные положения резолюции съезда¹⁹¹. В тексте инструкции полностью отсутствовали ссылки на постановления сибирских властей, тем более, что постановление о распространении действий узаконений и распоряжение Сибирского правительства на Челябинский, Троицкий и Златоустовский уезды – т.е.

территорию Челябинского округа – было принято только 2 августа 1918 г.¹⁹² Позднее в деловой переписке её будут представлять как “развитие” закона от 6 июля. Но в действительности, очевидно, прямое упоминание о нём было опущено сознательно, хотя документ и не мог обойти вопроса о частновладельческих землях. Бывшие частновладельческие земли объявлялись государственным фондом и, впредь до окончательного решения вопроса о них Учредительным Собранием, за удовлетворением земельной нужды собственников и жителей соседних селений (путём аренды), свободные их доли оставались на руках владельцев, под полную ответственность последних и под контролем уездной управы. Но и в этом случае та часть земель, которую владелец постоянно сдавал в аренду или не обрабатывал несколько лет, до издания правительством специального постановления на этот счёт, переходила в прямое заведование уездной земельной управы, бралась на учёт волостными управами и могла быть сдана в аренду с внесением арендной платы в казну на особый счёт (в депозит управы). Церковные земли, за наделением причта по местной норме, передавались соответствующим сельским обществам.

Так же действовали земельные органы соседних с Челябинским уездов. В Шадринском уезде, как сообщала в конце июля телеграммой в Омск на имя председателя Совета министров частновладелица А. Протопопова, земельная управа считала законом постановление разогнанного Учредительного Собрания. По мнению комиссара, Собрание высказало лишь принципиальный взгляд на вопрос, “но комиссар и управа не находят возможным принимать за закон распоряжение Временного Сибирского правительства, как официально не полученное здесь и известное только из газет”. По сообщению другого информатора, Шадринская земельная управа и уездное земство избрали одну общую линию поведения – “не проводя явочным порядком никаких социализаций, укреплять и удерживать имеющиеся завоевания”¹⁹³.

Инструкцию, аналогичную челябинской, подготовил в конце октября Златоустовский уездный совет по земельным делам. Согласно ей, частновладельческие земли объявлялись государственным фондом и подлежали распределению среди трудового крестьянского населения, в аренду сдавались и излишки наделных земель. Свободные от аренды местным населением частновладельческие земли

могли остаться, по решению совета, на руках владельца под полную его ответственность¹⁹⁴.

Подобное направление работы по урегулированию земельных отношений опиралось на прямую поддержку краевого политического руководства. Так, приказ № 9 от 4 августа 1918 г. за подписью и.д. Челябинского окружного комиссара эсера В. Будеско возлагал толкование законов Сибирского правительства на уездные органы народной власти, в частности, на уездную земельную управу, прямо говорил о недопустимости сгона крестьян с земли¹⁹⁵. Руководитель Челябинской земельной управы, видный уральский социал-демократ Н. Кудрин вскоре был назначен правительством уполномоченным министерства земледелия и колонизации в Приуральском районе. Когда в октябре 1918 г., на одном из своих первых заседаний Челябинский уездный по земельным делам совет вынес решение о возвращении имений бывшим владельцам, уполномоченному удалось настоять на его пересмотре и фактической отмене. В частности, он указал на несоответствие принятого документа специальной инструкции о порядке исполнения постановления от 6 июля 1918 г., согласно которой в каждом случае для производства дела была необходима личная просьба владельца (чего не было в решении совета). Он предложил также свою трактовку закона, разделив вопрос о возвращении имений в “заведывание” владельцев, и положение всех частновладельческих земель, переданных в ведение органов местного самоуправления¹⁹⁶.

Сильные позиции демократического крыла в руководящих структурах “Приуралья”, видимо, придавали определённое своеобразие проводимой на территории края социально-экономической политике. Однако “демократический” облик был характерен, в той или иной мере, тогда для сибирской местной власти в целом, шла ли речь об административных органах или самоуправлении, сформированном в результате выборов осени 1917 г. Этот момент необходимо учитывать при оценке аграрной политики сибирских небольшевиков, лицо которой определялось взаимодействием центральных и региональных, местных учреждений “контрреволюции”. Что же касается сибирского законодательства, то оно, безусловно, как и политика учредителей, исходило на деле из признания сложившейся в результате революции структуры зем-

лепользования. Усилия властей были направлены на создание механизмов, позволяющих контролировать распределение и условия использования отдельных категорий земель, главным образом земель Казны, Банка и частновладельческих угодий, ставших объектами крестьянских захватов. Другим направлением работы правительства и земельных органов на местах (так, впрочем, и не получившим значительного законодательного развития) было восстановление дееспособных средних и крупных хозяйств, прежде всего — «на обочине» крестьянского землепользования, и лишь впоследствии за счёт некоторых занятых крестьянами земель. Решение этого вопроса передавалось в руки земств, что должно было «самортизировать» процесс возвращения угодий прежним владельцам. Ликвидация громоздкой системы земельных комитетов с одновременным расширением компетенции самоуправлений, менее жёсткие, в сравнении с Комучем, формы координации деятельности земельного аппарата на местах, формально-юридическое сохранение частной собственности на землю — всё это позволяет говорить о либеральных элементах аграрного курса в Сибири, предполагавшем относительно мягкие формы вмешательства государства в экономическую жизнь¹⁹⁷.

Общие для «демократической контрреволюции» моменты в разрешении аграрного вопроса позволили достичь компромисса на Государственном Совещании в Уфе в сентябре 1918 г. при выработке платформы будущего «Всероссийского правительства». При обсуждении программы правительства в народно-хозяйственной области наибольшие споры вызвал как раз земельный вопрос. В первоначальном проекте содержалась ссылка на закон о земле, принятый Учредительным Собранием. Против этого выступили «Единство» и кадеты, которых, главным образом, не устраивало то, что вставка о законе 5 января будет иметь официальное значение. В то же время представитель правых эсеров М. Я. Гендельман заявил о принципиальной позиции своей группы: частная собственность отменена, а земля всё же до решения в Учредительном Собрании должна остаться в руках фактических пользователей. На основе этих моментов и был достигнут компромисс. В окончательном варианте соответствующего пункта было записано, что правительство, до разрешения земельного вопроса в Учредительном Собрании, оставляет землю в руках её

фактических пользователей и регулирует землепользование на началах максимального увеличения обрабатываемых земель и расширения трудового землепользования, «применяясь к бытовым и экономическим особенностям отдельных областей и районов»¹⁹⁸. Тем самым оговаривалось сохранение областными учреждениями выработанных ими подходов в регулировании аграрных отношений с одновременным признанием права на существование различных типов хозяйств – как небольших «трудовых», так, видимо, средних и крупных.

Глава 2. Организация земельного дела в период смены власти (лето — осень 1918 г.)

Одновременно с разработкой нормативных актов и законоположений по аграрному вопросу проходило складывание новой системы отношений между «деревней», со всем многообразием интересов различных групп сельского населения, и «городом» — политическими, военными и гражданскими учреждениями антибольшевистского лагеря.

Становление системы земельного дела. Процесс формирования управленческого аппарата на территориях, контролируемых силами «демократической контрреволюции», проходил в сложных условиях, связанных с гражданской войной, экономическим кризисом и глубокими изменениями в отношениях населения и власти, которые произошли с 1917 г. Его характерной чертой стало возвращение к системе учреждений периода демократической буржуазной республики, институты которой, в приспособленном и реформированном виде, легли в основу государственного строительства «учредиловцев», а затем и белогвардейцев. В области земельного дела она была представлена, с одной стороны, местными ведомственными структурами (губернские управления земледелия, отделения Крестьянского банка, губернские чертёжные и др.) — материализованным наследием «старого порядка» и связанного с ним государства, а с другой — широкой сетью выборных учреждений — земельных комитетов, отражавших интересы и ожидания различных групп нецензового населения, прежде всего, «мелкобуржуазной демократии» и крестьянства.

Имеющиеся архивные материалы дают возможность проследить становление системы земельного дела, выделить наиболее важные направления деятельности земельных учреждений, механизмы их взаимодействия с земствами и органами крестьянского самоуправления. Основу системы земельного дела составили восстановленные или вновь избранные земельные комитеты и их уездные и губернские исполнительные органы — земельные управы, заменённые земельными отделами земств только осенью 1918 г., а на территории бывшего Комуча — весной 1919 г. Именно на них легла основная нагрузка по практическому регулированию

земельных отношений в самые «горячие», с хозяйственной точки зрения, и сложные в политическом отношении летне-осенние месяцы 1918 г. Этому способствовал и сохраняющийся ещё достаточно высокий уровень политической мобилизации и общественной активности населения, особенно «мелкобуржуазных» слоёв, делавший невозможным исключительно административное, бюрократическое проведение основных аграрных мероприятий. Непосредственное руководство земельным делом сосредоточивалось в руках уездных и губернских учреждений, которым передавалось нормативно-законодательное и практическое регулирование широкого круга вопросов, связанных с использованием земельных и лесных угодий, разбором конфликтов и споров, обеспечением хозяйственных нужд и интересов самых разных категорий сельского населения, государственных и общественных учреждений, армии. Фактически они выступали в роли посредников между «центральной властью» и населением, будучи для него одним из олицетворений реального «государственного начала» (в отличие от центральных учреждений Комуча, Сибирского и других правительств, весьма смутно представляемых крестьянами). Со своей стороны, политическое руководство антибольшевиков рассматривало уездное и губернское звенья земельной организации как важный рычаг аграрного регулирования, тесно связанный с населением, и в то же время ограниченный в своей деятельности определённой правовой регламентацией и своими связями с другими административными и политическими институтами «демократической контрреволюции» – своего рода организованное начало среди «крестьянской стихии».

Формирование губернских учреждений, как правило, происходило путём непосредственного восстановления деятельности земельных органов, существовавших при Временном правительстве. Так, в Уфе был восстановлен губернский комитет, существовавший до 15 декабря 1917 г., во главе с председателем совета комитета, председателем Уфимского уездного комитета И. И. Покровским¹⁹⁹. Таким же образом происходило восстановление подведомственных ему учреждений. Несколько иначе происходило формирование уездных учреждений. В Челябинске земельный отдел бывшего совета некоторое время работал в составе Организационного комитета народной власти. Затем был

образован земельный комитет, в состав которого вошли члены прежней коллегии Земледелия и уездного земельного отдела, и уездная земельная управа в качестве его исполнительного органа. С 1 июля была проведена ликвидация сохранявшихся при ней, от бывшего земельного отдела совета, отделов и подотделов: межевого, лесного и др. 15 июля приступил к работе новый состав управы, избранный на уездном съезде по принципу группового представительства: два представителя от крестьян, по одному от башкир и казаков. Возглавил земельную управу известный уральский социал-демократ, земский и общественный деятель Н. Н. Кудрин, один из руководителей Челябинского общества сельского хозяйства. С сентября 1918 г. управа действовала на правах земельного отдела уездного земства²⁰⁰. В Стерлитамаке уездная земельная управа была избрана на заседании уездного земельного комитета, созванном уездной земской управой; большинство на собрании составляли представители волостей, главным образом, волостных земств. В состав управы вошли 3 представителя русского и 2 представителя башкирского населения, в т.ч. член уездной земской управы Ш. Тукаев. Председателем управы был избран уполномоченный по организации Троицкого волостного земства П. А. Старцев²⁰¹. В отличие от губернского звена, состав уездных земельных органов значительно обновился.

Отсутствие на местах в первые месяцы после переворота налаженного административного аппарата и властной вертикали ставили деятельность земельных органов, возможность эффективно контролировать и проводить в жизнь свои мероприятия в прямую зависимость от соотношения сил на местах, кредита доверия, которым пользовалась новая власть, личных качеств и личного авторитета входивших в их состав людей. Так, в состав Челябинской управы вошли Иван Пашнин – один из лидеров фронтового казачества уезда, и видный башкирский деятель Иждовлет Ижбулатов, являвшийся одним из руководителей мусульманской секции уездного съезда. Товарищем (заместителем) председателя Стерлитамакского уездного комитета стал один из крупнейших сельских предпринимателей И. М. Клеменков²⁰². Выдвижение в состав земельных учреждений известных деятелей было особенно важно в обстановке, требовавшей разрешения массы дел непосредственно на местах, в ходе поездок по уезду с целью ула-

живания конфликтов, разъяснения мероприятий новой власти, инструктирования волостных и сельских властей²⁰³.

Материалы Челябинской управы дают возможность более подробно охарактеризовать структуру и распределение обязанностей сотрудников земельных учреждений. Первоначально штат управы состоял из 5 (позднее 3) членов, секретаря (заведовал делопроизводством и денежной отчётностью, осуществлял наблюдение за исполнением распоряжением коллегии управы и земельного совета, вёл журнал заседаний) и его помощника, 3 делопроизводителей-статистиков, осуществлявших сбор сведений по использованию надельных, частновладельческих, казённых и банковских земель, контроль над деятельностью волостных управ, канцелярскую работу по земельным спорам, подготовку к рассмотрению передельного производства, 2 помощников делопроизводителей-писцов, в т. ч. 1 машиниста, курьера. Впоследствии штат служащих отдела вырос на 6 человек за счёт включения в его состав юрисконсульта, лесного техника, 2 землемеров (для судебно-межевых разбирательств) и ряда других служащих²⁰⁴. В Уфимской губернии в штат уездных земельных комитетов входили 3–5 членов управы, секретарь, несколько делопроизводителей и технических сотрудников (регистратор, счетовод, писцы, курьер). К управе могли быть прикомандированы землемеры и агрономический персонал, находившийся в распоряжении губернского земельного комитета и земства²⁰⁵. Таким образом, штат земельных учреждений, особенно уездных, оставался очень небольшим (10–12 человек), сравнительно с объёмом возложенных на них обязанностей.

Значительный объём работы, в т. ч. «живой», на местах, правовая неопределённость и необходимость разрешения «политических» вопросов в условиях столкновения интересов различных групп крестьянства обусловили высокую текучесть кадров, и прежде всего на выборных должностях, сопряжённых с персональной ответственностью за принимаемые решения. Так, уже на первом заседании восстановленного Уфимского губернского земельного комитета три члена комитета сложили свои полномочия, а руководитель комитета и члены совета в своих должностях оставались временно, до следующей сессии комитета в полном его составе²⁰⁶. Сняли свои кандидатуры при выборах и фактиче-

ски уклонились от избрания в члены управы руководившие первым заседанием восстановленного Стерлитамакского комитета А. Н. Корецкий (единогласно выдвинутый в председатели управы) и Ф. Л. Турецкий, а избранные в члены уездной управы М. В. Легасов и С. В. Валеев вскоре сложили свои полномочия²⁰⁷. Только в сентябре, после завершения полевых работ, к месту службы прибыл член Челябинской уездной земельной управы, крестьянин Окуневской волости Т. М. Васильев (избранный в её состав на состоявшемся в июле уездном съезде).

Неукомплектованность земельных учреждений необходимыми специалистами была связана также с постоянными мобилизациями служащих в действующую армию и непростым финансовым положением земельных органов. Мобилизации земельных работников как офицеров и чиновников военного времени развернулись на занятых силами «демократической контрреволюции» территориях уже в июне – июле 1918 г. Так, из 30 служащих землемерно-технического отдела Оренбургского губернского земельного комитета были призваны 6 человек, в т. ч. 3 межевых инженера (ведущие специалисты, на которых, как видно по документам, строилась деятельность отдела) и 3 землемера; 6 из 20 сотрудников межевого отдела Челябинского уездного комитета²⁰⁸. В сентябре 1918 г. были призваны 3 сотрудника Челябинской уездной земельной управы: статистик, секретарь-делопроизводитель и один из членов управы. После реорганизации управы в земельный отдел уездного земства весной 1919 г. около половины штатных должностей оставались вакантными, либо были заняты малоопытными сотрудниками с испытательным сроком²⁰⁹.

Что касается финансирования земельных органов, то в первые месяцы после переворота оно осуществлялось за счёт разнообразных местных источников и правительственных кредитов. В сентябре 1918 г. Уфимским губернским земельным комитетом была разработана и представлена на места смета на содержание уездных и волостных комитетов. Содержание уездного комитета устанавливалось в 23160 рублей, волостного – 2725 рублей. Всего же на содержание шести уездных и двухсот десяти волостных комитетов ежемесячно было необходимо около полумиллиона рублей, которые ещё только предстояло получить²¹⁰. Особенно непростым было положение волостных комитетов. Учреждая

их в 1917 г. как уступку крестьянскому движению, Временное правительство фактически не организовало их нормального финансирования²¹¹. Поэтому, начиная свою деятельность, волостные комитеты сталкивались с отсутствием средств, и не знали, на какие деньги они должны существовать, местные или за счёт казны – как спрашивал один из комитетов. В качестве временного шага, до получения кредитов от правительства, губернский земельный комитет разрешил волостным комитетам вносить все текущие доходы на счёт уездного земельного комитета с тем, чтобы тот направлял средства непосредственно на финансирование земельных учреждений, и лишь излишки по расчётам переводил в депозит губернского комитета²¹². Объявив волостные комитеты «отделами волостных земств», Самарский комитет рассчитывал и на финансовую поддержку своей земельной организации со стороны органов крестьянского самоуправления.

На «сибирской» территории права волостных комитетов передавались волостным земским управам, а земельные управы переводились на положение отделов уездных и губернских земств, а значит, должны были содержаться на средства органов самоуправления. Тем не менее, учитывая чрезвычайно сложное финансовое положение земств, правительство продолжало поддерживать земельные учреждения, кредитуя и выделяя средства на возмещение соответствующих расходов уездных и губернских земств. Так, Челябинской земельной управой в июле, сентябре и октябре 1918 г. «заимообразно» от Челябинского окружного комиссара было получено 20 тыс. рублей²¹³. В ноябре 1918 г. через уполномоченного министерства земледелия и колонизации Сибири в Приуральском районе местные земские управы получили часть средств на возмещение расходов по содержанию земельных отделов (Камышловская и Троицкая управы по 10 тыс. рублей, Златоустовская 5 тыс. рублей). Челябинская управа получила 32867 рублей, большая часть которых пошла на погашение долгов²¹⁴. В большинстве уездов Южного Урала сбор налогов стал налаживаться только осенью 1918 г., когда была произведена раскладка земских и государственных платежей, сформирован податный и административный аппарат. Однако и тогда, несмотря на начавшееся поступление денег от населения в земские кассы, а также на счёт земельных учреждений за аренду государственных и

частновладельческих земель, лес, штрафы и т. д., финансирование земельного дела сталкивалось со значительными трудностями. В декабре 1918 г. председатель Челябинской уездной земской управы и уездного по земельным делам совета Н. М. Такунцов, представляя в земельный отдел министерства земледелия смету на содержание уездных земельных учреждений, ходатайствовал об ассигновании кредита хотя бы на 2-3 месяца 1919 г. Одновременно уездная земельная управа ходатайствовала перед городским самоуправлением об отпуске 1 тыс. рублей из «городных» денег, т.к. имевшихся в её распоряжении средств не хватало даже на зарплату служащим. О трудном положении земельного отдела сообщало правительству, испрашивая кредит, Златоустовское уездное земство²¹⁵.

Часть территории Оренбургской и Уфимской губерний представляла собой прифронтовые районы, переходившие, в течение лета – осени 1918 г., из рук в руки. Только в октябре 1918 г. стали формироваться земельные учреждения и агрономическая организация в Орском уезде, оставленном большевиками²¹⁶. Тогда же, в октябре, началась подготовка к эвакуации Оренбургского губернского земельного комитета и других подведомственных ему учреждений. 20 ноября 1918 г. землемерно-технический отдел губернского комитета, вместе с частью материалов губернского и уездного комитетов, проделав часть дороги на подводах и пробыв в пути, в общей сложности, 21 день, прибыл в Троицк. Помещение для отдела и служащих отведено не было, губернский межевой архив и все ценности отдела были сложены в палатке, затем в сарае без надлежащей охраны, а сами работники отдела остались без крова и пищи. Только в конце декабря были получены первые деньги из казначейства. Тогда же из Оренбурга в Троицк было отправлено имущество уездного земельного комитета. Часть сотрудников уездного комитета и губернский комитет оставались в Оренбурге, однако связь с ними была утрачена²¹⁷. В большинстве уездов Уфимской губернии эвакуация земельных учреждений также прошла в октябре – декабре 1918 г., совпав по времени с колчаковским переворотом и ликвидацией основных институтов «учредилки».

Организационные и финансовые трудности, с которыми пришлось столкнуться антибольшевикам в налаживании земельного

аппарата, ограничивали возможности нормальной деятельности земельных учреждений. В этих условиях любая организация земельного дела могла быть эффективной только при соответствии проводимых мероприятий интересам и нуждам деревни, учёте позиций влиятельных групп крестьянства, поддержке их со стороны органов крестьянского самоуправления.

Особенности земельной работы летом – осенью 1918 г. Работа по распределению свободных земель и обеспечению крестьян необходимыми угодьями оставалась одним из приоритетных направлений деятельности земельных органов. Однако откладывание проведения аграрной реформы в полном её объёме на будущее внесло свои коррективы. Прежде всего они проявились в свёртывании начатых весной 1918 г. межевых и землеустроительных работ, ликвидации соответствующих подразделений местных земельных отделов и управ (на «сибирской» территории), или проведение их в зависимости от «настойчивых требований населения» (на территории Комуца)²¹⁸. Среди сотрудников земельных учреждений также не было единства относительно необходимости продолжения землеустроительных работ. Так, 12 июля 1918 г. землемер Чулошников сообщал руководству землемерно-технического отдела Оренбургского губернского земельного комитета соображения агронома Скрипицына, совместно с которым он был занят работой по обустройству культурных имений в районе с. Дедово. Скрипицын, в частности, считал, что будет изменение земельной реформы, и не был намерен «прилагать лишний труд и растрату денег»²¹⁹. В то же время в некоторых уездах продолжались проводимые уездными земельными комитетами работы по отводу участков под культурные имения (так, в Оренбургском уезде в дополнение к намеченным были запланированы 4 новых имения), обмежеванию и распределению лугов в заводских дачах и т.д.²²⁰

Сами крестьяне продолжали обращаться в уездные земельные органы с просьбами о «наделении» землёй, продолжая, очевидно, считать их хозяевами и непосредственными распорядителями всей земли в уезде (как это было при советской власти). По материалам Челябинской уездной земельной управы (данные по 20 волостям), последняя в июне – декабре 1918 г. 38 раз вступала в переписку по вопросам предоставления земли (в связи с хода-

тайствами о наделении и заарендовании угодий, а также по своей инициативе): с обществами (12 раз), группами крестьян (9 раз), отдельными лицами (17 раз)²²¹. В отличие от весны 1918 г. когда передаваемые крестьянству во временное пользование казённые и банковские земли сразу переходили на положение крестьянских наделных, теперь предоставление угодий осуществлялось на началах аренды. Вместе с тем земельные органы не форсировали распространение арендных отношений на уже занятые и засеянные крестьянами участки казённых земель. Соответствующая работа началась уже после окончания полевых работ, осенью 1918 г. При этом земельные органы стремились найти компромисс между интересами старых арендаторов и новых пользователей, и предлагали обществам, самовольно захватившим арендуемые другими крестьянами угодья, внести за них необходимую плату и тем самым легализовать свои права²²².

Распределение земель государственного фонда (к которым земельные органы на местах относили и излишки частновладельческих земель) осуществлялось через волостные и сельские власти, тем более что низшая земельная администрация на местах – участковые заведующие, лесничие, объездчики и т. п. – ещё не была полностью восстановлена и укомплектована. В ряде случаев для этого назначались специальные совещания из представителей нескольких волостей, прилегающих к казённо-оброчным статьям, в других предоставление земли непосредственно возлагалось на волостные управы, а результаты распределения затем докладывались соответствующим чиновникам для заключения договора на сданные в аренду участки²²³. Осенью 1918 г. Сибирское правительство юридически оформило этот порядок, специальным распоряжением обязав участковых заведующих государственным земельным фондом предоставлять списки сдающихся в аренду казённо-оброчных статей (прежде всего перешедших в «фактическое обладание» крестьянства) волостным земствам для их распределения на земских собраниях²²⁴. Волостные управы выступали в роли посредников при обращении крестьян в государственные земельные учреждения, препровождая необходимые документы и подтверждая реальную нужду просителя в пахотных и сенокосных угодьях, лесных материалах, предоставляя сведения о составе семьи и хозяйства, занятиях просителя²²⁵.

Комуч сконцентрировал работу по распределению земли в руках земельных комитетов, под контроль которых передавались даже аренда башкирских и крестьянских земель. На практике комитеты, как и земства, могли лишь легализовать реально сложившиеся отношения землепользования, особенно учитывая зависимость всех волостных и сельских институтов от крестьянской общины. Волостные управы и комитеты, в распоряжении которых находился принятый весной 1918 г. частновладельческий инвентарь и рабочий скот, принимали меры к уборке посеянного при советской власти хлеба, выделке заготовленных мочал и т. д.²²⁶

Распределение лесных материалов. В связи с приближением зимы важным направлением совместной работы земельных органов и волостных земств стало распределение лесных материалов, порядок которого в основных своих чертах сложился ещё осенью 1917 – весной 1918 г., и предполагал ведущую роль крестьянских организаций (волостных и сельских земельных комитетов и советов) в использовании лесного фонда²²⁷. В Челябинском уезде распределение леса производилось на районных совещаниях с участием волостей, приписанных к определённым лесничествам. Отпуск леса осуществлялся лесничими по проверенным и освидетельствованным сведениям о печах (в размере 0,5 погонной сажени на печь в месяц); в первую очередь отводился секвестированный (т. е. изъятый у порубщиков) лес. При этом нуждающимся домохозяевам и на общественные нужды лес мог быть отпущен на льготных началах или даже бесплатно. В ряде случаев населению отводился также заготовленный на частновладельческих участках лесной материал. Так, постановлением совещания района Беловодского лесничества 13 августа группе домохозяев – демобилизованных солдат-фронтовиков были отведены дрова в частновладельческом имении. Осенью лес начал вывозиться, несмотря на протесты частновладельцев²²⁸.

На волостные управы и местную милицию возлагалась охрана леса, заведование общественными (принадлежащими сельским обществам) и частновладельческими лесами, рубка в которых производилась с их разрешения и при содействии лесничих, в том числе и самими частновладельцами²²⁹.

В Уфимской губернии, как показывают материалы Стерлитамакского уездного земельного комитета, распределение леса так-

же осуществлялось по разрешениям местных земельных управ, которым владельцы лесных дач, управляющие имениями, городские власти представляли прошения с указанием конкретных потребностей. Отвод осуществлялся лесничими, с взиманием с бывших собственников платы по таксе. Для хозяйственных надобностей владельцев, на общественные нужды лес мог быть отпущен бесплатно. Так, землевладелец М. Е. Осиповой было разрешено вырубить хворост из своей дачи для укрепления берегов реки. 1500 возов хвороста, «не взимая таксовой стоимости», было отведено городской управе для распределения среди населения г. Стерлитамака. Разрешался также вывоз из бывших частновладельческих дач леса, заготовленного при советской власти²³⁰.

Вместе с тем действия властей по организованному и планомерному распределению лесных материалов оказались неспособны пресечь массовые порубки, развернувшиеся в разных районах Южного Урала, занятых антибольшевиками. По самым приблизительным оценкам, количество леса, самовольно вырубленного крестьянами, начиная с осени 1917 г., значительно превосходило легально отпущенное местными земельными и лесными учреждениями. В материалах Оренбургско-Тургайского управления земледелия и государственных имуществ сохранились сведения о вырубке крестьянами леса в Окуневском, Иванковском, Куртамышском, Боровском, Аркарагайском, Михайловском, Семиозерном, Каминском и других лесничествах Оренбургской губернии²³¹. В Челябинском уезде, многие волости которого испытывали нехватку лесов (вывоз дров и строевого леса за пределы уезда был официально запрещён), на каждой крупной станции шла бойкая торговля самовольно вырубленным из казённых и частновладельческих дач лесом. Этому способствовало и долгое отсутствие на местах независимого лесного аппарата (лесничие, объездчики и т. д.). Ни волостные управы, ни милиция, состоявшие из местных жителей, не принимали никаких реальных мер для борьбы с рубщиками. Официальные проверки давали картину полного благополучия, хотя частным образом представители местных властей и отдельные крестьяне сообщали о расхищении лесов, о «весьма высоких» ценах на дрова и строительные материалы, недоступных для бедного населения и общественных учреждений. Так, Введенская волостная управа и руководители общественных

учреждений волости (участка, фельдшерского пункта, библиотеки, церкви) ходатайствовали об установлении твёрдых цен на лесные материалы (что на практике только бы упорядочило продажу вырубленного леса) и просили уездные власти принять меры к прекращению спекуляции, расписавшись, таким образом, в собственной неспособности воздействовать на население²³².

В некоторых случаях местные власти сами оказывались в роли самовольных порубщиков. Так, Кочердыкская волостная управа Челябинского уезда в начале лета 1918 г. распорядилась заготовить 100 погонных сажен берёзовых дров для отопления зданий местных правительственных и общественных учреждений. При этом управа не имела ни от кого разрешения на это. Прибывшим к месту службы заведующим 8 участка государственного фонда вывоз остатков леса был прекращён, т. к. налицо был факт самовольной порубки. Однако составлять протокол на весь состав волостной управы он не решился. Уполномоченный министерства Земледелия и Колонизации Сибири в Приуральском районе разрешил управе вывезти лес, взыскав деньги по цене установленной инструкцией уездной земельной управы²³³.

В Бирском уезде Уфимской губернии один из волостных земельных комитетов, сообщая совету Усть-Иванковского лесничества о многочисленных самовольных порубках, прямо просил ускорить приём частновладельческих лесов, состоящих на учёте комитета. Остановить порубки, по мнению членов комитета, могла лишь лесная стража. Такие же обращения поступали и непосредственно от заведующих имений. При этом представления на задержанных представлялись уездному уполномоченному КОМУЧа, ввиду отказа местных властей помочь в отобрании вырубленного леса и взятии штрафа, а предписания о взятии леса под наблюдение лесничих председателям сельских комитетов объявляли под расписку. В августе было получено распоряжение не производить отпуска леса из дач, взятых на учёт земельными комитетами, однако вряд ли это решение могло остановить самовольные порубки²³⁴. Понимая это, местные земельные органы ходатайствовали об упрощении порядка отвода и распределения лесов, как, например, Стерлитамакская земельная управа, просящая губернский комитет дать право на отвод лесосек в казённых и частновладельческих лесах землемерам²³⁵.

Община и обычное право. Регулирование землепользования на казённых и частновладельческих землях требовало от земельных работников на местах значительной гибкости и учёта позиций разных групп земледельцев. Наделение безземельных и малоземельных крестьян, сохранение товарного хозяйства предпринимательских слоёв деревни – крестьян-собственников, крупных арендаторов, верхов сельского кулачества не могло не привести к противоречиям с интересами сельских обществ, в чьё пользование поступили соответствующие земли. В условиях развернувшейся весной – летом 1918 г. борьбы за передел земли на первый план выступили не столько социально-классовые и имущественно-хозяйственные различия, сколько групповые и корпоративные интересы, обусловленные специфической «горизонтальной» иерархией аграрного общества, в центре которого была крестьянская община. Наиболее неустойчивым оказалось положение различных «периферийных» (по отношению к общине) групп сельского населения – мелких и средних землевладельцев–«помещиков», хуторян и отрубников, разночинцев и т. д. Исчезновение или ослабление внешних по отношению к деревне факторов, связанных с политикой дореволюционного государства, насаждавшего и поддерживавшего институт частного землевладения и выступавшего гарантом существовавших социальных отношений, а также изменение экономической ситуации (разрушение рынка и свёртывание товарного производства, коснувшееся как среднего, так и зажиточного крестьянства) – создавало принципиально иную расстановку социальных сил на селе, выдвигало механизмы регулирования хозяйственной деятельности, опиравшиеся на традиционные правовые представления крестьянства.

Вместе с тем надо отметить, что и само традиционное мировоззрение деревни, при всей его «цельности», отнюдь не представляло собой монолита, давая возможность выбора стратегий и практик поведения. Тенденция к размыванию «обычая» проявилась в российской деревне в пореформенное время, и особенно в 1900-х гг., в условиях конфликтов и противоречий, связанных со столыпинской реформой и носивших, как показало исследование П. Н. Зырянова, в значительной степени «поколенческую» окраску. Как отмечают исследователи, в условиях коммерциализации экономической жизни авторитет обычного права падал, но

не заменялся новыми гражданскими ценностями. Это приводило к неустойчивости поведения крестьян, особенно молодёжи²³⁶. Ссылкой на «обычай» можно было обосновать как сложившийся, устоявшийся порядок земельных отношений (заимочно-захватное землепользование или сохранение ревизской развёрстки земли, прикрывавшие фактическое складывание семейной земельной собственности), так и уравнительные требования, с которыми выступали молодые, нередко безземельные, крестьяне²³⁷.

В 1917 г. обычное право, опиравшееся на морально-этические нормы и практику («обычай») регулирования повседневной и хозяйственной жизни крестьян, подверглось весьма существенному воздействию со стороны «революционного правосознания», носителями которого были прежде всего люмпенизированные группы сельского населения и солдаты-фронтовики. Произошла актуализация уравнительно-передельных настроений, в условиях революции причудливо пересекавшихся с радикально-социалистическими установками и идеями переустройства крестьянской жизни, проводниками которого выступала сельская интеллигенция и «полуинтеллигенция» (учителя, кооператоры, служащие различных сельских учреждений – результат культурных процессов и политики государства 1880–1900-х гг.).

Мировоззрение последней нашло своё отражение в теории «трудового начала» как основного инструмента для объяснения повседневной бытовой и хозяйственной жизни русской деревни²³⁸. Политически ангажированным вариантом этих представлений стала теория «общинного социализма», разработанная народниками. С точки зрения этих представлений, приобретших позднее научный статус, сердцевиной трудовой этики крестьянства и всего крестьянского мировоззрения является принцип уравнительного землепользования. Земля рассматривается крестьянами как дар Божий, принадлежащий всем, кто обрабатывает её своим собственным трудом. «Традиционное крестьянское мировосприятие, исходя из этого, исключает правомерность частной собственности на землю... В понимании крестьян собственностью человека является только то, что создано личным трудом»²³⁹.

На односторонность такого интеллигентского понимания крестьянского мировоззрения указал в своё время участник народного движения Н. А. Морозов. «В среде молодёжи на все

лады повторялось, – писал он, – что простой народ даже не понимает, как это земля, которую создал Бог, может быть в частной собственности». Автор воспоминаний привёл состоявшийся у него разговор с крестьянином, прикупившим в складчину с другими барскую землю и собиравшимся разделить её. На вопрос – зачем же делить, ведь земля общая – крестьянин отвечал ему: «Божия там, где никто не живёт... А где люди, там она человеческая... Увидишь, как хозяйничать на ней всем вместе... Своя-то выгоднее, да и спору меньше...»²⁴⁰ На недовольство «кондовых», «настоящих» крестьян усилением уравнительных порядков, желание «выписаться из общества» указывал такой вдумчивый наблюдатель крестьянской жизни, как Г. И. Успенский, отмечавший также, что в основе «поэзии крестьянского труда» лежит индивидуальное хозяйственное начало²⁴¹.

Крестьянские приговоры и наказания 1905–1907 гг., содержащие тезис о «ничьей» земле и зачастую используемые для непосредственной реконструкции крестьянского менталитета, также составлялись под влиянием устной и печатной (листовки и прокламации, « типовые » приговоры и т. д.) пропаганды, которую вели в деревне различные партии, и нередко при непосредственном участии местной демократической интеллигенции. На это указывает стиль и орфография документов. Политическая деятельность оставалась новым моментом в социальном опыте крестьянства, и оно охотно прибегало для достижения своих целей к помощи «со стороны»²⁴². Ещё в большей степени это относится к крестьянским документам 1917–1918 гг., насыщенным общественно-политической (социалистической) лексикой, причём понимание (интерпретация) одних и тех же лозунгов крестьянами и представителями демократической общественности, даже вышедшими из крестьянской среды, было различным. Исследователи-современники, представлявшие марксистский и либеральный лагеря (С. М. Дубровский, Л. Н. Литошенко), подчёркивали временный, «отрицательный» характер крестьянского требования отмены частной собственности, направленного прежде всего на экспроприацию помещичьего землевладения и ликвидацию сословно-правового неравенства крестьян, и на главный мотив крестьянского движения – «жадное стремление приумножить своё собственное достояние». «Уравнительность господствовала

только в дележе награбленного»²⁴³. Крестьянский «коллективизм» и «индивидуализм» имел корпоративный характер.

Вне общины: разночинцы и припущенники. В условиях революционного «земельного передела» и слома прежних аграрных отношений одной из самых уязвимых категорий сельских жителей оказалось «постороннее» население (крестьяне-разночинцы), проживавшее на арендуемых ими государственных и общинных землях. Интересы последних при распределении угодий зачастую вообще не принимались во внимание, либо находились на далёкой периферии; расплётённые по отдельным селениям (в которых их доля обычно не превышала 3–8 % дворов) и фактически безземельные, они оказались и наименее защищёнными. Ещё в более сложном положении оказались беженцы, не имевшие ни осёдлости, ни хозяйства. Земельные органы с немалым трудом и не всегда успешно пытались отстаивать их права. Так, Челябинская земельная управа в конце августа 1918 г. предложила наделить землёй (в аренду) нескольких разночинцев, проживающих в с. Алабуга, из прилегающей к селу оброчной статьи. При этом количество земли, которое могли получить просители, было значительно меньше норм, принятых в Алабужском сельском обществе. Волостные власти (народная управа в составе председателя, секретаря и 9 председателей сельских управ) первоначально постановили удовлетворить прошение разночинцев, как занимающихся исключительно земледелием. Со своей стороны, Алабужское сельское общество, в распоряжение которого была передана эта земля весной 1918 г., на своём собрании постановило отказать разночинцам от статьи. Под влиянием позиции, занятой обществом, изменила своё решение и волостная управа, постановившая передать статью, «как прилегающую и находящуюся в нарезке общества» самому обществу, которое должно было наделить «наиболее нуждающихся и бедных разночинцев и безземельных», а просителям (один из которых прожил в Алабуге 20 лет) предложила переехать «на другое место». Хотя это решение было признано незаконным, сведения о передаче им угодий в деле отсутствуют²⁴⁴.

С мест между тем сообщали, что «местное население в настоящее время притесняет во всём и всех без исключения разночинцев», «разночинцы от земельного и лесного надела в обществе

устранены» (т. е., очевидно, и на арендных началах). В некоторых сёлах трава (сенокосные угодья), выделенная на разночинцев, делилась на всех жителей. Заявления о выделении им леса и земельных угодий, представляемые сельским властям, «терялись». На сельских сходах им не давали говорить, совершенно устранив, таким образом, от решения каких-либо вопросов²⁴⁵. В то же время общинные верхи, распоряжавшиеся окрестными угодьями, нередко чувствовали себя полными хозяевами деревни.

В разряд безземельных попала и часть коренных местных жителей, которым сходы, по тем или иным причинам, отказали в предоставлении надельной земли – приписное население, проживавшие в общинах крестьяне других обществ и члены их семей, и т. д. Все они, как и разночинцы, должны были быть наделены необходимыми земельными угодьями весной 1918 г., когда общества получали в своё пользование казённые, банковские и частные земли, однако на практике многие из них остались без земли. Так, постановлением сельского схода не был наделён А. К. Малков, проживавший в с. Сладко-Карасинском Челябинского уезда, где им «по закону 14 июня 1910 г.» была укреплена земля в размере 3,5 душевых наделов, обрабатывавшихся частью личным, частью – наёмным трудом. Сам Малков был гражданином соседней Таловской волости, а общество постановило не допускать к пользованию землёй селян других обществ²⁴⁶. Без земли осталась и семья пропавшего без вести на войне крестьянина д. Луговой Варламовской волости Челябинского уезда И. И. Першукова, постоянно проживавшего с женой и двумя детьми в доме своего тестя в Плотниковском сельском обществе Окуневской волости. При весеннем распределении земли и Плотниковское, и Луговское сельские общества на жену и детей Першукова земли не дали, Луговское – потому, что они живут в д. Плотниковой, а Плотниковское потому, что Першуковы считаются луговскими. Распоряжение волостного земельного комитета Плотниковскому обществу о наделении Першуковых осталось не выполненным, а имевшийся в обществе «излишек» земли был распределён между «богатыми гражданами». Земля была предоставлена Першуковым только после распоряжения уездной земельной управы²⁴⁷. Не был наделён состоящий на приписке и постоянно проживающий в Скоробогатовском сельском обществе той же волости П. А. Ка-

чёсов, хотя наделение его землёй, по мнению уездной земельной управы, являлось «не только нужным, но и обязательным»²⁴⁸. Добиваясь наделения таких крестьян, земельные органы вступали в противоречие со сложившимися в дореволюционное (пореформенное) время имущественно-правовыми отношениями в общине, и прежде всего корпоративными по своему характеру поземельными отношениями и связанными с ними интересами общинной верхушки, которые были определяющими при распределении надельных земель.

Отдельную группу безземельного крестьянства составляло русское старожильческое население в башкирских волостях – т. н. заимщики, арендовавшие башкирские земли. Только в Челябинском уезде на башкирских землях постоянно проживало более 10 тыс. человек²⁴⁹. В условиях революции урегулирование хозяйственных отношений этой группы населения было увязано с разрешением политических вопросов, прежде всего – об автономии Башкирии, провозглашённой осенью 1917 г. Отстранение русской администрации, осуществлявшей распоряжение казёнными, банковскими и частью башкирских земель (леса, земельный фонд на припущенников), и выступавшей гарантом интересов небашкирского населения, формирование автономистами собственных властных структур – юртовых (вместо прежних волостных) и кантональных (районных) управ, стремление к независимому от уездных властей проведению общегосударственных мероприятий – сбору налогов и платежей за землю, продовольственной монополии – всё это определило непростые отношения между коренным башкирским, и различными группами местного небашкирского населения, а также крестьянами соседних «русских» волостей. Так, на отказ заимщиков Сарт-Калмыцкой волости (Челябинский уезд) «войти в автономию» им было заявлено: «Убирайте свои хутора и сёла с нашей земли». Неплательщики (крестьяне, отказывавшиеся вносить арендную плату, сдавать хлеб в башкирские учреждения) подвергались арестам и угрозам. На казённых и банковских землях в черте башкирских волостей развернулись хищнические порубки лесов, в которых принимало участие как башкирское население, так и жители соседних русских селений²⁵⁰.

Проведение советских аграрных преобразований, а затем политики «демократической контрреволюции» также осуществля-

лось со значительными трудностями. Руководство автономистов рассматривало социализацию земли как продолжение колониальной политики царизма, а сословное по своему характеру башкирское вотчинное землевладение – как важное условие сохранения самобытности и самостоятельности башкирского народа, и отстаивало приоритет башкирских учреждений в осуществлении основных мероприятий на башкирской территории²⁵¹. В то же время оно не располагало необходимым для этого хозяйственным аппаратом, который предполагалось только сформировать за счёт реорганизации волостных земских учреждений. Начавшийся процесс национально-государственного строительства привёл к конфликту с местными советскими, а затем земскими учреждениями и административными властями антибольшевиков. Так, в Араслановской волости Стерлитамакского уезда, по сообщению члена уездной земельной управы Клеменкова, волостная земская управа «по настоянию кантонального башкирского самоуправления» преобразовывается в «юртовую башкирскую волость, куда уже поступают распоряжения о взятии всех за землю сборов ни кому другому, как в кантональное правление»²⁵². На практике в башкирских волостях сохранялось известное «двоевластие», проявлявшееся в сосуществовании официально непризнанных кантональных структур и соответствующих советов и волостных управ, формально представлявших интересы башкирского населения перед уездными властями. Разрешению противоречий способствовало включение башкирских деятелей в состав местных земельных учреждений, как это имело место в Челябинском, Златоустовском, Стерлитамакском и других уездах, привлечение их к работе по разрешению споров и конфликтов между башкирским и русским населением²⁵³. Земельные органы проявляли гибкость, последовательно проводя курс на передачу заимщикам и безземельному населению соседних волостей незанятых и неиспользуемых башкирским населением земель, ранее арендовавшихся этими крестьянами. Распоряжения («предложения») такого рода неоднократно направлялись уездной земельной управой волостным комитетам и управам Султаевской, Мухаммед-Кулуевской и других башкирских волостей Челябинского уезда²⁵⁴. Основываясь на резолюции уездного съезда, местные управы устанавливали плату для обществ и разночинцев за самовольно захвачен-

ные и полученные от советской власти башкирские земли. Так, общее собрание Сарт-Калмыкской волостной народной управы отмечало, что советская власть предоставила землю всем «разночинцам, безземельным и малоземельным» без выкупа, т.е. бесплатно, а «владеющим» (т.е. башкирам) оставила «малую часть», и установило плату за захваченную землю других обществ под посев и сенокос 10 руб. за десятину, а за покос — по обоюдному соглашению»²⁵⁵. Стерлитамакский уездный земельный комитет разрешил аренду башкирским землей непосредственно у местного населения, но с ведома земельных комитетов²⁵⁶. В сентябре 1918 г. комиссаром Приуралья было достигнуто соглашение с Башкирским правительством, в соответствии с которым сдача банковских (Крестьянского Поземельного банка) и казённых земель в пределах башкирских волостей должна была осуществляться совместно заведующим районом и башкирской администрацией, а деньги поступать на особый счёт на покрытие налогов и земских сборов с башкир. Однако на практике местные волостные управы продолжали сдавать земли из имений банка без ведома соответствующих чиновников, как поступала, в частности, Метелевская волостная управа²⁵⁷.

Земельные собственники.. Произошедшая смена властей способствовала всплеску разнообразных и противоречивых ожиданий, с которыми пришлось иметь дело земельным работникам на местах. Это выяснилось уже в первые недели после переворота, когда, наряду с просьбами о наделении землёй, в адрес местных учреждений стали поступать обращения частновладельцев, собственников и арендаторов земли. Так, 2 июня 1918 г. (т.е. на второй день после разгона и ареста местного совета) в «Челябинское уездное собрание народной власти» обратился А. Сухонин, доверенный группы жителей д. Решетовки Ново-Кочердыкской волости, с жалобой на действия казаков и разночинцев соседней Усть-Уйской станицы, засеявших 354 дес. на земле, заарендованной его доверителями. Требуя отказать казакам и разночинцам от посева, доверенный указывал, что они «засеяли самовольно, с помощью Красной Армии и большевиков»²⁵⁸.

Пик обращений бывших владельцев пришёлся на июль, что было связано с выходом правительственных документов, регулирующих земельное дело, в первую очередь – постановления Си-

бирского правительства от 6 июля о возвращении имений. Опираясь на него, собственники и их организации («Союз частных собственников», созданный в Кургане в июне 1918 г., и другие) развернули борьбу за восстановление своих владельческих прав. Наряду с обращениями в земельные учреждения, они пытались воздействовать на местные гражданские и военные власти. В Дедовской волости Стерлитамакского уезда, например, все имения были сданы владельцам по приказанию начальника Добровольческого отряда. Не имея подробных инструкций, местная земская управа просила уездный комитет сообщить о порядке использования частновладельческих земель, «раздать ли их населению и за какую плату»²⁵⁹.

Меняется и тональность обращений собственников в земельные органы. Так, И. Ф. Попов, владелец имения в 75 дес. близ с. Кипели, уже 17 июля 1918 г. требовал от Челябинской уездной земельной управы, со ссылкой на «закон 6 июля», немедленного распоряжения о возврате ему земель, предназначенных под пары будущего года, и сенокоса²⁶⁰. Понятно, что позиция земельных органов, выступавших за наделение бывших собственников в соответствии с местными нормами (а именно такое распоряжение сделала и Челябинская управа), уже далеко не всегда устраивала последних, рассчитывавших хотя бы частично воспользоваться результатами текущего хозяйственного года. Особую тревогу последних вызывало хищническое использование принадлежавших им угодий, нарушение севооборота, вырубка леса, уничтожение недвижимого имущества. Так, по словам просителя П. И. Сопельцева (Белоярская волость Челябинского уезда), на его участке оказался вырублен лес, «я, владея им, берёг его, он был огорожен, и вот мои труды попали в руки Минина А., не имеющего своего дома, а продающего вырубленные дрова и брёвна и растрачивающего деньги на пьянство, как он сделал ранее со своим паем... Получившие землю и лес стараются на первых порах получить себе выгоду, уничтожая всякую ценность как леса, и понижая через это урожайность, уменьшая влагу, не надеясь, как видно, на долгое пользование захваченным клочком земли и леса»²⁶¹. В Стерлитамакском уезде наследники Пашкова, обеспокоенные судьбой имения, обратились в уездную земельную управу с просьбой о предоставлении им Ключевского хутора для культурного хозяй-

ства. Управа поддержала ходатайство и просила земство командировать агронома для осмотра машин и орудий²⁶². Своеобразной декларацией земельных собственников стало выступление князя В. Н. Львова на всероссийском торгово-промышленном съезде в Уфе (сентябрь 1918 г.), заявившего от имени «мелких посевищиков» о необходимости возвращения народу его достояния. В документах съезда содержались требования восстановления права собственности и роспуска земельных комитетов²⁶³.

Продолжение отвода угодий безземельному населению, в том числе за счёт «излишков» частновладельческих земель, также непосредственно затрагивало интересы земельных собственников. Местом одного из крупных конфликтов была Ново-Кочердыкская волость, расположенная в южной части Челябинского уезда, районе товарного земледелия, хозяйственное освоение и развитие которого активно происходило в предвоенное десятилетие. Здесь земельная управа, по ходатайству доверенного безземельных разночинцев волости (367 человек), предоставила им под пары 1919 г. и сенокос несколько частновладельческих участков. Владельцы последних с этим решением не согласились, обосновывая оставление земли необходимостью прокормления значительного количества собственного скота. Волостная управа, руководствуясь постановлением уездного съезда о сенокосении мелкими собственниками (хотя фактически речь шла о крупных скотоводческих хозяйствах предпринимательского типа), постановила оставить землю в распоряжении владельцев. В отличие от разночинцев, последние принадлежали к коренным местным жителям, пользовавшимся значительным влиянием в своих сельских обществах и в волости (несколько частновладельцев, как представители своих обществ, были избраны в созданный в волости после переворота организационный комитет народной власти, а один из них, В. И. Собакин, вошёл затем в состав волостной земской управы). Постановление было опротестовано разночинцами, указавшими также новые участки из запасного фонда, которые могли устроить просителей взамен прежних; передаче крестьянам, по их мнению, подлежал и излишек выкошенной частновладельцами травы. Предписание земельной управы, направленное в волость, учло основные требования разночинцев: организовать комиссию с участием заинтересованных сторон,

провести обследование реальной нужды владельцев и наделить разночинцев с привлечением, если необходимо, дополнительных угодий²⁶⁴. Предписание волостным властям, фактически принявшим сторону землевладельцев, было, конечно, формальным шагом. Уже в начале августа в уездной прессе появились сообщения о попытках сгона безземельных крестьян владельцами крупных овцеводческих хозяйств «на юге Челябинского уезда». Опираясь на содействие местной милиции и пользуясь бездействием властей, частновладельцы требовали с крестьян плату – по 30 руб. за десятину. Прибывшему в волость представителю Челябинской уездной земельной управы, местному уроженцу П. И. Цевелеву пришлось столкнуться уже с организованным противодействием деревенских верхов, обвинивших его в большевизме²⁶⁵.

Уже на районном собрании, куда Цевелев прибыл для распределения лесных материалов и разъяснения инструкции управы от 27 июля, определявшей порядок использования частновладельческих земель, один из присутствовавших, секретарь правления Юговской волости К. А. Югов в грубой форме потребовал проведения в жизнь законов Сибирского правительства и роспуска управы, а не проведения её инструкций (Юговская волость состояла из хуторов и крупнополевых крестьянских товариществ, расположенных на купчих, т.е. находившихся в частной собственности, землях, ранее входивших в состав Каминской волости. Козьма Александрович Югов – «коммерсант, зажиточный», в 1917 г. состоял членом Каминского волостного земельного комитета)²⁶⁶. Югов имел в виду постановление о возвращении имений, разосланное по волостям уездным комиссаром. При этом в большинстве волостей района, как указывал в своём отчёте, со ссылкой на крестьянских представителей, П. И. Цевелев, постановление было задержано волостными управами, и только в Юговской разослано сельским властям для исполнения. Проведённое по требованию Цевелева голосование большинством голосов (1 – «против») высказалось за доверие к представителю земельной управы, и инцидент был фактически исчерпан.

В правлении Ново-Кочердыкской волости, где Цевелев делал разъяснения по этим документам, председатель и секретарь сообщили ему, что местная милиция с инструкцией управы не согласна, а проводит в жизнь постановления правительства от 5–6

июля 1918 г., разосланные по волостям уездным комиссаром. По словам председателя правления, частновладельцы требовали с крестьян высокую плату – по 30 руб. за десятину, «...крестьяне спрашивают об этом нас, мы не знаем, что с этим делать, платить или не платить... Крестьяне жалуются, что с них частновладельцы требуют вообще арендную плату» (инструкция управы определяла, что плату с частновладельческих земель – 8–15 руб. – следует вносить на особый счёт управы).

Против Цевелева со стороны местной «буржуазии» была организована травля. По словам частновладельцев, он только расстроил их «неотъемлемое право» на урожай засевщиков, тем более, что некоторые крестьяне уже было согласились уплатить, но после его приезда отказались. На квартире крупного землевладельца и коммерсанта Ф. А. Садова частновладельцами было организовано совещание по земельному вопросу, в котором принял участие и начальник участковой милиции, заявивший, что уездная земельная управа ничего не будет иметь против добровольных соглашений частновладельцев с крестьянами об арендной плате. При этом от прямой встречи с Цевелевым начальник милиции уклонился. Сами крестьяне сочли члена управы большевиком, о чём было доложено старшему милиционеру и составлен соответствующий протокол, а один из жителей отнёс в Усть-Уйскую начальнику участковой милиции заявление на Цевелева²⁶⁷. Примечательно, что последний был достаточно известным в своей волости общественным и хозяйственным деятелем. Весной 1918 г. им была организована крупная трудовая артель на участке частновладельца П. И. Папулова, при участии самого частновладельца и его работников. После получения известия о свержении советской власти в Челябинске, Цевелев возглавил волостной комитет народной власти, а затем на волостном собрании был избран на Челябинский уездный съезд, где вошёл в состав земельной управы. «Для меня, – писал Цевелев в своём докладе председателю управы, – протоколы по обвинению меня в большевизме ещё ярче осветят тот страшно запутанный вопрос о частновладельческих землях, в хаосе которого всё здесь находится»²⁶⁸.

Несомненно, что часть земельных собственников сохраняла свои позиции в жизни деревни, продолжая через систему родственных и патрональных связей оказывать значительное влия-

ние на односельчан и выступая одновременно в роли общинных лидеров. Такая картина была особенно характерна для районов развитого товарного земледелия, хозяйственная жизнь которых определялась возможностями использования значительного фонда вненадельных земель и вовлечением широких слоёв деревни в товарное производство. Так, как показал М. И. Роднов на материалах переписи 1917 г., крупно-крестьянское (фермерское) хозяйство Стерлитамакского уезда формировалось преимущественно на вненадельных землях. В то же время абсолютное большинство крестьян-предпринимателей существовало либо в тесной связи с сельским обществом, либо внутри крестьянского товарищества (группы крестьян, сложивших свои капиталы для оптового, более дешёвого приобретения земли, которую распределяли затем по количеству внесённых денег). В условиях относительно слабого развития рыночных отношений в России, отсутствия развитой сельскохозяйственной инфраструктуры (кредит, система закупки и сбыта, и т. д.) общинные традиции взаимопомощи как бы восполняли слабость рыночных механизмов. Землевладение многих фермеров представляло собой пёструю «смесь» из надельной, купчей, арендованной, укреплённой земли, причём свои надельные земли крестьяне-предприниматели обычно сдавали в аренду однообщинникам²⁶⁹.

Прочные позиции крестьян-собственников в хозяйственной и общественной жизни своих сельских обществ способствовали отсутствию крупных конфликтов при распределении земель среди местного коренного населения весной 1918 г., а также сравнительно лёгкому распределению принадлежащих им угодий (в частности, купчих земель) летом – осенью 1918 г., сохранении за их владельцами после передела земли «в общий оборот» значительной части соответствующих участков²⁷⁰. В том же Стерлитамакском уезде, как докладывала уездному уполномоченному Комуча местная земельная управа, на большей территории уезда весной 1918 г. земля была поделена на наличные души, причём пары в некоторых местах остались неподелёнными. «Там, где большинство крестьян было обеспечено землёю, землепользование производилось по-старому, т. е. без переделов, даже отрубные и хуторские участки, образованные при землеустройстве, остались в прежних границах и в руках прежних владельцев. Земли

частных владельцев, принятые на учёт земельными комитетами, были распределены между нуждающимися, преимущественно безземельными и малоземельными крестьянами»²⁷¹.

Перераспределение надельных, находящихся в наследственном пользовании (заимки и рощисты, «ревизские души» в беспередельных общинах) и даже купчих земель соответствовало нормам обычного права, исходившего из права верховной собственности общины (мира) как публичного института на земли входивших в её состав крестьян. Такие переделы были частью сложившейся в крестьянской среде практики регулирования земельных отношений, а сами крестьяне, даже став земельными собственниками, считали себя вправе вновь переделить землю, «когда они захотят». Даже там, где надельная земля уже воспринималась в виде неделимого земельного владения отдельной семьи и была укреплена в личную собственность, они, по собственным заявлениям, «не допускали мысли передела своих земель без казённой земли» – т. е. условием передела выступало дополнительное наделение общины²⁷².

Иным было отношение к частному землевладению, носившему (прежде всего с формально-юридической точки зрения) некрестьянский характер. Обозначившееся в начале XX в. в южноуральской деревне относительно малоземелье способствовало уравнительным настроениям значительной части крестьян, одним из объектов которых стало формирующееся с конца XIX в. частновладельческое хозяйство, несмотря на крестьянское происхождение многих южноуральских и зауральских частновладельцев – помещиков”. Важно было то, что эти земли находились вне сферы мирского поземельного регулирования, а их владельцы не являлись членами соответствующих сельских обществ. По отношению к ним общинная деревня выступала как единый слой во главе с традиционным деревенским “нобилитетом” – крепким средним крестьянством и кулачеством, в значительной степени сохранявшим патриархальный облик и тесные связи с общиной. Попытки частновладельцев, опираясь на содействие административных властей и игнорируя настроения деревни, вступить в заведывание своими именьями, в частности, сенокосами и выгонами, привели к крестьянским волнениям. Так, землевладельцы Марайской и Шмаковской волостей Курганского уезда сообщали

26 июня 1918 г. уездному комиссару об угрозе разгрома своего имущества и захвата угодий. В ответ на циркуляр комиссара о передаче собственникам неиспользованных земель и сенокосов на крестьянских сходах, со ссылкой на постановления крестьянского съезда и уездного земельного комитета, принимались постановления о пользовании частновладельческими сенокосами и пахотными угодьями (Меньшиковская волость) и выселении частновладельцев (Шмаковская волость). Крестьяне приступили к выселению практически, пригнав стадо одного из частновладельцев с пастбища в село, под наблюдением члена земской управы, и разослав повестки-предупреждения остальным землевладельцам²⁷³.

Конфликт между крестьянами и частновладельцами Курганского уезда уходил своими корнями в середину XIX в., когда для наделения “семейных бедных дворян” из освоенных и распаханых земель старожильческого населения нарезались участки по 80 дес., значительная часть которых была позднее продана крестьянам и купцам²⁷⁴. Весной 1918 г. большая часть имущества частновладельческих участков подверглась «расхищению», а земельные угодья более или менее организовано были распределены среди крестьян прилегающих волостей²⁷⁵.

Даже в тех случаях, когда помещичье хозяйство было связано с крестьянским сообществом традиционными патерналистскими связями, это не помешало ему стать предметом крестьянского дележа. Так, когда известный либерал и крупный уфимский землевладелец, князь В. А. Кугушев предложил крестьянам в ноябре 1917 г. создать на основе его имения трудовую коммуну, “барские” доводы в пользу сохранения хорошо организованного хозяйства не убедили мужиков. Весной сельский сход во главе с фронтовиками принял решение о выселении “Лександрыча” в 24 часа, оставив за ним право взять 2 коровы и 2 лошади по его выбору и домашние вещи, несмотря на многолетние добрые отношения с крестьянами²⁷⁶. В имении частновладелицы К. В. Покровской, племянницы известных челябинских предпринимателей и общественных деятелей братьев Покровских, организаторов уездного общества сельского хозяйства, были сожжены запасы кормов и принадлежащий ей дом. Весной 1918 г. земли имения были распределены между крестьянами Кипельской во-

лости, на долю владелицы оставлено только 3,5 дес. для посева овса. «Из старинного сада, окружавшего дом, расхищены почти все ягодные кустарники... производится порча деревьев, меж которыми много лип, дубов, единственных во всём уезде – словом, сад, из которого многие хозяйства пользовались посадками, совершенно разрушается»²⁷⁷.

Побывавший на Южном Урале и в Зауралье в конце августа 1918 г. исполняющий обязанности товарища министра внутренних дел отмечал: «В селах на почве земельного вопроса в связи с законом Сибирского правительства о денационализации называют опасные осложнения.

Там, где имеются частновладельческие земли, крестьянство настроено враждебно к закону. В некоторых волостях возобновились самовольные аресты частновладельцев, захват их заимок, живого и мёртвого инвентаря, порубки леса и были даже случаи сожжения заимок. Распоряжения властей, направленные к охране законных интересов владельцев, например, о передаче им неиспользованных сенокосов и пашен – не исполняются»²⁷⁸.

Особым вопросом было возвращение земельных угодий мелким собственникам – хуторянам и отрубникам. Выход из общины в целом не получил на Урале большого распространения: 10,5 % хозяйств в Оренбургской и 14,8 % хозяйств в Уфимской губернии²⁷⁹. Часть крестьян ещё до революции оказалась лишена своих земель, участки других были перераспределены весной 1918 г. Так, приговором Пивкинского общества Белоярской волости ещё в ходе земельного передела в 1914 г. 42 домохозяина, прежде всего, очевидно, подавшие документы на выдел из общины, были лишены своих наделов. Приговор был признан незаконным, общество доходило, отстаивая его, до Правительствующего Сената. Неисполненным осталось и распоряжение советских властей о возвращении им части угодий как лицам, непосредственно занимающимся крестьянским трудом. По словам одного из «выходчиков», П. Г. Шилова, «... я лишился участка земли, который удабривал и мой отец, и я сам, чего не при каком положении не могло быть», землю пришлось арендовать²⁸⁰. В этих случаях земельные органы последовательно добивались возвращения собственникам необходимой части угодий. Значительная часть таких конфликтов решалась путём выезда земельных работников непо-

средственно на места. Так, в Карагушевской волости Стерлитамакского уезда граждане деревни Елимбетевой хотели отобрать в своё пользование землю Клеменковского товарищества (товарищества – объединения крестьян, создаваемые на купчих землях), а также не желали выделить землю безземельным крестьянам, пользовавшимся ею на арендном праве. Конфликт был улажен только после командировки в волость товарища председателя уездного комитета Клеменкова²⁸¹. В то же время земли, приобретённые через Крестьянский Банк и по купчим крепостям, рассматривались уездными земельными работниками как крестьянские трудовые, и приравнивались к надельным, а не частновладельческим. В ряде случаев земельные органы поддерживали действия крестьян. Так, по заявлению землевладельца И. М. Глоткина на отобрание обществом купленной им земли, одним из членов Челябинской уездной земельной управы было вынесено заключение: «Жалоба неосновательна, поскольку землю не обрабатывает и крестьянским трудом не занимается»²⁸². Незаконными были признаны действия землевладельца Кондрова (Стерлитамакский уезд Уфимской губернии), самовольно засеявшего несколько десятин из «излишка» своих земель, отведённого ранее малоземельным местным жителям²⁸³. Земельные органы встали на сторону крестьян, засеявших и вспахавших частновладельческие земли в Мелеузовской волости Стерлитамакского уезда²⁸⁴.

Осенью 1918 г., по завершению полевых работ, началась новая волна общинных переделов, связанная с тем, что весной 1918 г. в переделах не всегда участвовали демобилизовавшиеся и возвращавшиеся с фронта солдаты, а при распределении земли принимались во внимание поступившие в распоряжение крестьянства частновладельческие и казённые земли (причём часть крестьян малоземельных обществ изъявляла желание переселиться на свободные казённые и банковские статьи). С другой стороны, многих не устраивала получившая распространение весной 1918 г. практика распределения земли на «наличные души», приводившая к отобранию паёв и сокращению земельных участков тех дворов, в которых были «отсутствовавшие» крестьяне. Во многих общинах такие переделы привели к ликвидации фактически складывавшейся (и признаваемой столыпинским законодательством) собственности крестьянских дворов на занимаемые ими

надельные земли, являясь продолжением развернувшейся ещё в дореволюционное время в общинах групповой борьбы. При этом, как отмечалось в печати, ловкие, наиболее сильные домохозяева повернули переделы в свою пользу, тогда как обычное право потеряло всякое значение²⁸⁵. Так, Резановский сельский сход (Резановская волость Стерлитамакского уезда) 22 августа 1918 г., в разгар полевых работ, постановил простым большинством (менее чем 2/3 домохозяев) приговор о разделе на наличные души всех имеющих у общества земель, включая частновладельческие. Члену волостной земской управы инициаторы приговора сообщили, что земля уже подготовлена к яровому посеву, некоторые домохозяева начали производить вспашку, а распределение земли они произвели «ввиду короткого осеннего времени», и не по числу душ, а по «потребному каждому земельному и малоземельному количеству», что было выгодно, в первую очередь, экономически сильным хозяйствам. При этом из 138 человек, подписавших протокол (из общего числа 228 домохозяев), 25 при опросе было согласно с ним, остальные не были на сходе и внесены заочно, другие воздержались или не были согласны (в самом протоколе подписи 25 «грамотных» и 113 «неграмотных»). По заключению председателя уездного комитета, в обществе были свободные участки для удовлетворения действительно нуждающихся крестьян, а сам приговор был объявлен подлежащим отмене²⁸⁶.

Изменение политической обстановки, правовая неопределённость, возвращение к дооктябрьской (с теми или иными оговорками) системе земельных отношений обусловили и более жёсткое отношение сельских обществ к возможным претендентам на общинные земли, стремление максимально ограничить круг лиц, допущенных к использованию надельных и вненадельных земель, поступивших в распоряжение крестьянства весной 1918 г. Большое значение при этом имели укрепившиеся за время революции представления крестьян о их праве на распоряжение землёй, которые они открыто высказывали в официальной переписке с властями и привлекали для подтверждения законности своих действий. Так, Мало-Рижское сельское общество по поводу возвращения участка купленной надельной земли её владельцу поясняло Челябинской земельной управе, что «...с падением Николая Второго собственности земли не существует, а земля всецело переходит в руки

трудового народа». В ходе земельного передела в октябре 1918 г. общество постановило отобрать и распределить эту землю среди коренных жителей, а собственнику рекомендовало получить надел в своём обществе «в следующий передел»²⁸⁷. Большинство таких приговоров было опротестовано властями. По сведениям делопроизводства уездного по земельным делам совета и сохранившейся переписки Челябинской земельной управы (выборка по 21 волости уезда из 66), из 13 рассмотренных передельных приговоров осени 1918 г. 3 были отклонены советом за те или иные нарушения, по 8 сделаны замечания управой, и лишь 2 признаны²⁸⁸.

Крестьянское самоуправление и земельный вопрос. Возможности земельных органов обеспечить соблюдение интересов земельных собственников в условиях явного или скрытого противодействия крестьянства оказывались весьма ограниченными, что, в общем-то, и не удивительно, учитывая природу системы земельного дела, сформировавшейся в 1917 г. в период аграрной революции. Главными проводниками аграрных мероприятий выступали волостные и сельские крестьянские организации – земельные комитеты на территории Комуча и земские управы на территории Сибирского правительства, представлявшие собой выборные учреждения, фактически независимые со стороны вышестоящих властей. Уездные и губернские земельные учреждения не располагали необходимыми административными и правовыми инструментами, которые позволяли бы им непосредственно воздействовать на местные власти и население. В этой связи показательна ситуация, сложившаяся вокруг Пригородного земельного комитета, образованного гражданами г. Стерлитамака, занимающимися сельским хозяйством. Комитет взял на учёт частновладельческие земли прилегающих к городу волостей (по одним данным – 1700 дес., по другим – около 3 тыс. дес., причём часть земли была получена им «по соглашению» под посев горожанами), и занялся их распределением. Для этого город был разделён на 9 районов, а жителями организован союз посеvщиков, охвативший около 10 тыс. человек. Земля отводилась под посев (0,5 – 1 дес. на посеvщика), огороды (до 1 дес.), пастьбу и сенокосение (до 1 дес.). Действия комитета вызвали протест соседних волостей, безземельные и малоземельные крестьяне которых арендовали часть взятых им земель. 19 августа собрание уездно-

го земельного комитета постановило упразднить Пригородный комитет, «если к тому не встретится серьёзных препятствий», и обязательно приняв во внимание интересы посевищиков. Позднее такое же решение приняло и общее собрание Уфимского губернского комитета. На ликвидации комитета настаивал уездный уполномоченный Комуча²⁸⁹. Однако ликвидировать комитет, пользовавшийся поддержкой значительной части населения уездного центра, оказалось не так-то просто. Комитет продолжал весьма активно заниматься решением земельного вопроса, устанавливая и взимая плату за используемые частновладельческие земли, обжаловал действия частновладельца Стрелкова, отбиравшего, при содействии милиции (и с санкции уездной земельной управы), свой инвентарь, розданный неимущим посевищикам. При этом формально комитет действовал в рамках предписаний Самарского правительства и уездного земельного комитета, трактуя их (в частности, положение о взятии частновладельческого инвентаря на учёт) в интересах земледельческого населения. Фактически его существование признала и уездная земельная управа, организовав в середине сентября переговоры заинтересованных сторон, и даже командировав председателя Пригородного комитета в Уфу. Не сумев добиться упразднения комитета как «незаконного учреждения», земельные органы предложили городской управе принять Пригородный комитет в качестве земельного отдела²⁹⁰.

В то же время нельзя снимать ответственности и с земельных учреждений «демократической контрреволюции», бездействие которых оставляло местные власти (прежде всего волостные) один на один со сложным комплексом аграрных проблем. Так, в соответствии с указаниями Самарского правительства, губернские комитеты должны были разработать временные правила, до издания которых землепользование должно было осуществляться «на тех основаниях, которые существуют в настоящее время» (т. е. фактически сложились при советской власти)²⁹¹. Однако разработка правил, не в последнюю очередь по политическим причинам, затянулась. 18 сентября 1918 г. совет Уфимского губернского земельного комитета прямо предложил Стерлитамакской уездной земельной управе воздержаться от раздела (распределения) земли «до получения от него временных правил землепользования». В свою очередь управа, отвечая на многочисленные запросы с мест,

связанные с текущими полевыми работами (заготовка паров, озимые посевы и т. д.), и с отсутствием на этот счёт «руководящих указаний», предлагала дожидаться высылки правил. Так, в связи с постановлением одного из сельских обществ о разделе купчих земель на «наличные души обоего пола» управа, ссылаясь на разъяснение губернского комитета, просила крестьян «воздержаться от раздела земли»²⁹². Отсутствие внятной и ясной линии на регулирование землепользования подталкивало местные власти и само крестьянство к самостоятельному разрешению наиболее важных для него вопросов, а роль земельных учреждений сводило к позиции сторонних наблюдателей, непосредственно влияло на их авторитет среди населения.

На практике, деятельность низовых органов власти по распределению и использованию частновладельческих и казённых земель вышла далеко из-под контроля вышестоящих властей и правительственных учреждений. В Златоустовском уезде, как отмечал местный земельный отдел осенью 1918 г., все волостные земства, а равно и лесничество, «захватив целые области частновладельческих и казённых земель... по всем земельным вопросам распорядились вполне самостоятельно»²⁹³. Таким же было положение и на соседних горнозаводских территориях, где органы местного самоуправления под нажимом крестьян отказывались признавать права прежних владельцев и продолжали распоряжаться заводскими дачами. Например, земское собрание Нязепетровской волости, основываясь на декларации правительства Урала, постановило впредь до созыва Учредительного собрания передать все земельные угодья, полезные ископаемые и леса в распоряжение волостного земства, и допускать их использование только с его разрешения²⁹⁴. Верхоторский волостной земельный комитет Стерлитамакского уезда взял в своё распоряжение расположенные в волости частновладельческие земли и заведения владельцев Пашковых (в т. ч. пашеку, мельницу, кузню и др.), а также Верхоторскую лесную дачу, и не допустил к исполнению своих обязанностей присланного лесничего (дача охранялась лесниками от комитета и за счёт последнего)²⁹⁵.

Решение основных вопросов социально-экономической жизни, в т. ч. и регулирование земельных отношений, сосредоточивались в руках волостных земств – и на «сибирской» территории,

и на территории Комуча, где большинство волостных комитетов действовали во взаимодействии с волостными управами или на правах их земельных отделов. При этом сама система волостного земства также испытывала большое влияние со стороны традиций крестьянского, общинного по своей природе, самоуправления. Восстанавливаемые волостные органы самоуправления, прежде всего земские собрания, тяготели в своей деятельности к дореволюционному сходу, большинство их участников вообще не являлись гласными, а избирались сходами по конкретному случаю, и представляли собой не аморфное «население волости», а прежде всего свои сельские общества. Здесь же, на волостных собраниях, без участия в выборах остального населения, проходили выборы новых гласных взамен выбывших²⁹⁶. Из Орского уезда в августе 1918 г. сообщали: «До сих пор не восстановлено самоуправление. Советы уничтожены, волостных земств нет. Существует лишь волостной писарь и его делопроизводство. Местами выбран старшина»²⁹⁷. Почти повсеместно выборы членов земских управ и замещение выбывающих гласных проводилось принудительным способом для бесплатной службы (в первые месяцы после переворота волостные сборы, из которых они должны были получать вознаграждение, практически не поступали в земские кассы), а сама служба превращалась в своего рода принудительную мирскую повинность. В Курганском уезде несколько вновь избранных гласных даже обратились к уездному комиссару с просьбой об освобождении их от службы, объяснив ему, что если они сами сложат свои полномочия, то общество отберёт от них наделы за отказ. Как отмечал комиссар, под видом земства фактически продолжала существовать прежняя волость, но в отличие от волостного старшины председатель управы не имел права налагать наказания на подчинённых ему лиц, зато и сам был гарантирован от административного наказания за свою бездеятельность²⁹⁸.

Двойственность положения местных органов самоуправления во многом объяснялась противоречивостью тех задач, которые ставили перед ними власти (распределение лесных и земельных угодий, охрана лесов, сбор сведений по разным вопросам, содействие раскладке и сбору налогов и военно-мобилизационным мероприятиям, организация подводной повинности и т. д.) и само население. Подаваясь на давление со стороны земельных

собственников, будучи малоинициативны в проведении правительственных мероприятий, волостные и в ещё большей степени сельские управы не могли служить препятствием и организованным крестьянским действиям. Фактически же, как отмечает Н. И. Жукова, в волостях возникло стихийное самоуправление в лице волостных и сельских сходов, над которыми, в отличие от дореволюционных, не довлел полицейский аппарат. Оно проявляло себя на протяжении всего периода гражданской войны, причём возможности контроля над ним со стороны властей, даже в условиях сложившегося к осени 1918 г. полувоенного режима, были весьма ограничены²⁹⁹. Важной особенностью крестьянского самоуправления стало стремление максимально расширить круг вопросов, которые оно могло контролировать и разрешать, присвоив себе полномочия тех правительственных институтов, которые были упразднены или ослаблены во время революции. Уездным властям пришлось столкнуться с многочисленными случаями вынесения сходами постановлений по неподведомственным им вопросам, или выходящих за рамки их компетенции. Создаваемая с таким трудом вертикаль власти оказывалась малоэффективной. Товарищ министра внутренних дел правительства Сибири, побывавший на территории Южного Урала в августе 1918 г. с инспекционной поездкой, констатировал, что «волостная и сельская общественная администрация остаётся до сих пор распущенной, неисполнительной, и чувствует себя безнаказанной. Контрольный аппарат уездных, да и губернских центров не налажен»³⁰⁰.

В аналогичном положении оказались и волостные земельные комитеты на территории, занятой «учредилловцами». Будучи проводниками правительственного курса, они в то же время, как низовая крестьянская организация, отражали все колебания и настроения деревни. А значит, в целом ряде случаев, когда последние расходились с программой правительства, они должны были или вступить в конфликт с законом, или бездействовать. Так, из Орского уезда, на части территории которого ещё шли бои, сообщали, что волостные земельные комитеты «не рискуют» действовать в духе законоположений. При этом указывалось, что существующих правил по земельному вопросу недостаточно, и предлагалось перейти к подробному инструктированию всей деятельности комитетов. Население было совершенно не осве-

домлено о происходивших событиях, и испытывало недоверие к прочности новой власти³⁰¹. В другом аналитическом материале, опубликованном в местной печати, прямо отмечались холодное равнодушие и апатия, которыми была проникнута деревня. «Знают и говорят лишь о местных вопросах и нуждах»³⁰². Следствием политической неустойчивости стало замыкание деревни на своих местных интересах, стремление уклониться от участия в проведении «общегосударственных» мероприятий (сбор налогов, мобилизация в армию и т. д.). Типичные заявления крестьян по этому поводу – «кому платить, нет хозяина и твёрдой власти... придут большевики и снова будут взыскивать», «у нас четыре правительства... не давать никакой армии, когда у нас много правительств». Распоряжения властей воспринимались через призму соответствия их ожиданиям деревни, а также авторитет тех или иных правительственных учреждений в глазах крестьян³⁰³.

Таким образом, в условиях регионализации социально-экономической и политической жизни сохранялись различные подходы к регулированию земельных отношений и разрешению земельного вопроса, отражавшие сложный состав политических сил и социально-экономическую специфику территорий, занятых силами «демократической контрреволюции». Ведущую роль в разработке и осуществлении аграрных мероприятий играли местные учреждения, которым удавалось весьма существенно корректировать правительственный курс, обеспечив взаимодействие режима и верхов урало-сибирской деревни. Вместе с тем, предложив программу, основанную на признании фактически сложившегося в результате революции крестьянского землепользования, власти антибольшевиков стремились к укреплению государственного контроля в аграрной сфере. Однако попытка регламентировать землепользование на местах, опираясь на выборные крестьянские организации – волостные земства и земельные комитеты – в реальной социально-политической ситуации лета 1918 г. оказалась несостоятельной. Как и в 1917 г., социалистические «верхи» пытались сдерживать стихийно начавшийся процесс реформирования аграрных отношений в интересах «большой политики», центральной осью которой постепенно становилась гражданская война, требовавшая продолжения выкачки продовольствия и других ресурсов из деревни. В центре встречного крестьянского

движения, в основе крестьянского самоуправления от советов, земельных комитетов до волостных земств оставалась община, выступавшая в роли единственного института, способного оказать сопротивление «экспроприаторской» политике государства³⁰⁴. Неспособность учреждений провинциальной демократии, тесно связанных с населением, защитить интересы средних и мелких аграриев, установить контроль над использованием государственного земельного фонда и лесов, политическая и экономическая заинтересованность правительств антибольшевистского лагеря в восстановлении крупнотоварного земледельческого хозяйства способствовали усилению административного вмешательства в регулирование аграрных отношений, ориентации заинтересованных сил на местный административный аппарат и военные власти как основные инструменты проведения аграрных мероприятий. Сама обстановка гражданской войны, необходимость проведения быстрых и чрезвычайных по характеру мероприятий выдвигали на передний план военную администрацию и облечённых властью правительственных агентов на местах, создавая условия для установления режима военной диктатуры.

Глава 3. Крестьянский вопрос в деятельности учреждений военной диктатуры

Колчаковский переворот и концентрация всей власти в руках военного руководства и фактически безответственного «Российского правительства» открыли новую страницу в истории гражданской войны на востоке страны и в том числе, в регулировании аграрных отношений на занятых белыми территориях Урала и Сибири. Основу формирующегося режима военной диктатуры составили военные и административные структуры «демократической контрреволюции», оказывавшие значительное влияние на социально-экономическую жизнь региона уже с лета 1918 г.

Формирование гражданской и военной администрации антибольшевиков на Южном Урале. Местная администрация на занятой белыми территории была представлена в первую очередь уполномоченными Комуча и комиссарами Сибирского правительства. Институт уполномоченных был сформирован серией приказов Комитета в июне – июле 1918 г., которые определяли их положение в системе государственного управления. Прежде всего им передавалась вся полнота административной власти на местах (приказ № 55 от 27 июня 1918 г.), в т. ч. право давать указания и приостанавливать все распоряжения органов местного самоуправления (приказ № 85 от 6 июля 1918 г.). Такой же властью, только в пределах уезда, обладали уездные уполномоченные. Сам Комуч приказом № 50 ориентировал их на принятое Временным правительством 6 октября 1917 г. «Временное положение об уездных комиссарах», но фактически их права были гораздо больше. При этом уездные уполномоченные, хотя и состояли в определённой связи с губернскими, формально непосредственно подчинялись Самарскому правительству³⁰⁵.

Назначение уполномоченных с такими широкими полномочиями иногда вызывало противодействие местных антибольшевистских учреждений. Так, Временный Комитет Уфимской городской думы выступил против подчинения Самаре через институт губернских уполномоченных. Только 24 июля, в результате закулисных переговоров, председатель Временного Комитета и уфимский городской голова В. П. Гиневский дал согласие на

назначение его губернским уполномоченным³⁰⁶. В другом губернском центре – Оренбурге – первоначально также был создан Комитет уполномоченных от членов Учредительного Собрания, в состав которого вошли член Учредительного Собрания Г. Г. Богданов, уполномоченный от членов Учредительного Собрания (Комуча) П. В. Богданович и секретарь Васильченков. Только 24 августа губернским уполномоченным Комуча в Оренбургском казачьем войске, Оренбургской губернии и Тургайской области был назначен П. В. Богданович³⁰⁷.

Западно-Сибирским комиссариатом были восстановлены уездные и губернские комиссары³⁰⁸. Последние получили право издавать обязательные постановления в пределах полномочий, предоставленных бывшим губернаторам по положению о чрезвычайной охране³⁰⁹. В ведении комиссаров находились основные контрольные, финансовые и административные рычаги местного управления, однако в целом их права были меньше в сравнении с уполномоченными. Осуществляя надзор за деятельностью всех должностных лиц и учреждений (за исключением суда, банка и некоторых других), а также руководство милицией в отношении охраны государственного порядка и имущества граждан, налагать наказания он мог только на непосредственно подчинённых ему должностных лиц. Власть комиссара не распространялась на органы местного самоуправления. Он мог лишь опротестовать их действия в административном суде, причём протест не приостанавливал действия самих постановлений³¹⁰. В этом отношении эсеровский комиссариат более последовательно проводил линию на утверждение местной власти за городами и земствами. Функции комиссаров были определены им так: проведение постановлений и законов Сибирского правительства, содействие организации армии и восстановлению самоуправления³¹¹.

С самого начала своей деятельности уполномоченные и комиссары как по своему положению, так и вследствие обращений населения оказались перед необходимостью активно участвовать в разрешении аграрных противоречий. Многие из них (особенно те, кто был связан с прежней системой управления и теперь вернулся к исполнению своих обязанностей) считали себя, как и в 1917 г., носителями высшей власти в губерниях и уездах, и позволяли себе игнорировать постановления крестьянских съездов,

как решения общественных учреждений, не обязательные к исполнению. Это приводило их к конфликту с выборными земельными органами и самим населением, причём нередко они шли на такой конфликт вполне осознанно. Так, 18 июня 1918 г. Курганский уездный комиссар, по согласованию с руководителями уездного земства издал распоряжение о предоставлении всех неиспользуемых частновладельческих земель и покосов прежним владельцам, что противоречило постановлению уездного съезда, участником которого, кстати, был он сам. Учитывая, что традиционное время сенокосения приходилось на середину июля, в разряд «неиспользованных» попадали практически все частные сенокосы. Между прочим, это постановление расходилось и с позицией, которую занимал Западно-Сибирский комиссариат, хотя и призывавший население прекратить самовольные захваты угодий, но не допускавший отступлений от принятого Учредительным Собранием закона о земле³¹². Санкция земской управы была необходима комиссару потому, что формально сам он не имел права разрешать вопросы, связанные с использованием земельного и сельскохозяйственного имущества, а также участвовать в решении их земельными комитетами³¹³.

Появление постановления спровоцировало крестьянское возмущение, тем более, что избранный на крестьянском съезде уездный земельный комитет принял решение о распределении сенокосов среди крестьян тех сельских обществ, которым они поступили по весеннему распределению земли³¹⁴. Начался захват частновладельческих земель и имущества, а также выселение земельных собственников из принадлежащих им усадеб. Для охраны хуторян комиссаром была привлечена милиция, а позднее в уезд был командирован отряд из 30 человек чехов и милиционеров³¹⁵.

Уездные администраторы, прежде всего ставленники военных властей, выступали сторонниками наиболее жёсткого и непосредственного проведения правительственных мероприятий, в т.ч. и в земельном вопросе, действуя зачастую через голову соответствующих учреждений. Так, назначенный военными властями «административным начальником» Челябинского уезда прапорщик А. В. Баженов (исполнявший в 1917 г. обязанности второго помощника уездного комиссара), утверждённый затем Сибирским правитель-

ством уездным комиссаром, по получении постановления о возвращении имений прежним владельцам от 6 июля 1918 г., поспешил напрямую, минуя местные земельные органы, разослать его по волостям «для сведения и исполнения». Занятие крестьянами некоторых частновладельческих земель (возможно, с санкции уездной земельной управы) он же квалифицировал позднее как «захват крупных овцеводческих хозяйств»³¹⁶. В то же время руководство Челябинского окружного комиссариата, представленное видными социалистами и независимое в политическом отношении от Омска, и уездная земельная управа ориентировались на постановления уездного съезда, в соответствии с которым «излишки» частновладельческих земель подлежали распределению среди нуждающихся крестьян³¹⁷.

Столкнувшись с непоследовательностью, а нередко и с сопротивлением со стороны волостных и сельских властей, комиссары проявили себя как сторонники ужесточения курса и крайних мер, по их мнению, адекватных ситуации на местах. Так, Курганский комиссар Алексеев уже в начале августа 1918 г. настаивал на немедленном введении военного положения, запрещении всяких собраний, изъятии дел о проступках и преступлениях из общей подсудности и т. д.³¹⁸ О необходимости решительных мер говорили и представители правосоциалистических кругов. Видный меньшевистский публицист, редактор челябинской газеты «Власть народа» В. Гутовский писал: «Всякое проявление безвластия... перед лицом населения, с одной стороны, требующего твёрдости, с другой, отвыкшего от подчинения праву и закону – грозит всякой власти дискредитацией и провалом... Без ряда мер, и быть может самых решительных и суровых, подавляющих всякое дезорганизующее действие, с какой бы стороны оно ни производилось... Россия уже не сможет существовать»³¹⁹.

Несколько позже, чем Комуч, Сибирское правительство также встало на путь расширения полномочий административной власти. Так, уже в августе 1918 г. комиссарам была переподчинена милиция, бывшая до этого в ведении земств³²⁰. Без широкого привлечения административных усилий оказывались невозможным ни проведение общегосударственных и земских мероприятий, ни само восстановление органов самоуправления³²¹. В то же время местные администраторы постоянно ощущали недостаток адми-

нистративной власти, особенно в отношении с низовыми структурами крестьянского самоуправления. В сравнении с дореволюционной властью, располагавшей мелкорайонным звеном административного контроля в лице земских начальников (несколько на уезд), опекавших деятельность волостной и общинной администрации, антибольшевики вынуждены были опираться на уездные структуры³²². Функции бывших земских начальников и их уездных съездов, игравших важную роль в регулировании земельных отношений до революции, оказались распределены между различными уездными учреждениями: уездными комиссарами и уполномоченными (утверждение приговоров о переделах надельных земель, контроль за деятельностью волостного и сельского самоуправления), уездными по земельным делам советами на «сибирской» территории и советами уездных и губернских земельных комитетов на территории Комуча (разрешение земельных споров и жалоб на постановления сельских обществ, действия должностных лиц сельского и волостного управления по земельным делам) и др.³²³ При этом штат сотрудников, находившихся в непосредственном распоряжении комиссаров и уполномоченных, был относительно небольшим, что в условиях политической нестабильности серьёзно ограничивало возможности этого ключевого института гражданского управления, превращая его в своеобразную надстройку над различными правительственными, земскими и городскими учреждениями.

Характерной чертой организации управления на занятых антибольшевиками территориях стало тесное сотрудничество гражданских и военных властей. Большая часть края уже с лета 1918 г. находилась на военном положении³²⁴. Фактически военная администрация (в частности, руководство Уральского корпуса, а затем Западной армии белых) играла главную роль в формировании ответственного правительственного аппарата в уездах; при её участии назначались и смещались неудобные армейскому руководству комиссары, что изначально делало этот ключевой институт местного управления ориентированным на военные круги. Следствием этого стало и складывание соответствующего персонального состава комиссаров, представленного такими фигурами, как Курганский уездный комиссар М. В. Алексеев, Челябинский уездный комиссар (а после колчаковского переворота – окруж-

ной комиссар, затем управляющий Приуральем) А. В. Баженов, Троицкий уездный комиссар А. Иванов и другие, составившие позднее костяк гражданской администрации колчаковской диктатуры³²⁵.

Установление режима военной диктатуры потребовало реорганизации аппарата власти, который в значительной части продолжал основываться на законодательных актах революционного 1917 г. Комиссаров заменили управляющие; административные полномочия последних, их контроль над местной хозяйственной и общественной жизнью были значительно расширены. Одновременно устанавливалось верховенство военной власти, в лице главных начальников Самаро-Уфимского (Уфимская губерния, Челябинский и Троицкий уезды Оренбургской губернии) и Южноуральского (территория Оренбургской губернии, Оренбургского казачьего войска и Тургайской области) краёв. Во вновь занимаемых белыми районами именно на них ложилась организация всего гражданского аппарата власти. Так, по занятии белыми Уфимской губернии главный начальник Самаро-Уфимского края генерал Вишнеvский 5 апреля 1919 г. телеграфировал в Омск, что во все уезды им назначены управляющие. 24 апреля он уже докладывал Колчаку о завершении восстановления органов власти: «Административный аппарат в пределах Уфимской губернии налажен»³²⁶.

Случаи вмешательства военных в хозяйственную жизнь деревни были нередкими уже летом 1918 г., но обычно представляли собой самостоятельные действия командиров отдельных отрядов «народной армии» и казачьих частей. Официальная позиция центральных и местных антибольшевистских властей в отношении таких действий была, как правило, отрицательной. Циркулярная телеграмма Комуча (июль 1918 г.) прямо называла требования землевладельцев о возврате земель «незаконными» и предписывала арестовывать их предьявителей. 20 сентября 1918 г. Комитет выпустил специальный циркуляр, осуждавший самовольные действия военных и бывших помещиков³²⁷.

По мере налаживания государственного аппарата на местах руководители земельных учреждений начинают обращаться за содействием к военным властям в тех случаях, когда усилий местной администрации и милиции оказывалось недостаточно,

прежде всего для прекращения массовой вырубке лесов и спекуляции лесными материалами. Так, одним из первых приказов, отданных в день вступления в должность, уполномоченный министерства земледелия и колонизации в Приуральском районе Н. Кудрин предоставил лесничим право, в необходимых случаях, передавать дело учёта и взыскания денег за самовольно вырубленный лес военным властям³²⁸. При содействии военных был восстановлен контроль над использованием банковских земель в башкирских волостях Челябинского уезда³²⁹. С установлением военной диктатуры в ведение последних перешли вопросы, связанные с охраной сельскохозяйственных угодий (прежде всего – казённых) и пресечением различных правонарушений. Как отмечалось в прессе, на казённых землях и имуществах особенно отразилось долгое отсутствие какого-либо хозяина, укрепив взгляд на них как на «ничьи»³³⁰. Так, приказом главного начальника Самаро-Уфимского края от 18 февраля 1919 г. отменялись все изданные в пределах края постановления по лесному ведомству и устанавливался новый порядок административного решения дел о самовольных порубках, поджогах, вспашках казённых земель. Ужесточались наказания за «самоуправство и насилия» над администрацией, лесной и полевой стражей, самовольные порубки и распашку; при порубках «скопом с угрозами и целью уничтожить лес зажиганием» виновные предавались военному суду³³¹. При содействии управляющего губернией к пресечению порубок широко привлекались отряды милиции, арестовывавшие порубщиков и отбиравшие вырубленный лес³³². На основании обязательного постановления главного начальника Оренбургского военного округа от 26 февраля 1919 г. изымались из общей подсудности и обращались к административному разрешению (с наложением штрафа до 3000 руб. или заключением в тюрьму на срок до 3 месяцев) такие преступные деяния, как «неисполнение законных распоряжений, требований или постановлений» правительственных властей, милиции, земских и общественных учреждений; «ослушание» чинов милиции, волостным и сельским начальникам; «оскорбление словом или действием» чинов милиции, служащих правительственных учреждений, полевых и лесных сторожей³³³. В марте 1919 г. правительство утвердило «Положение» об отрядах лесной милиции, организация которых обсуждалась с ноября

1918 г.³³⁴ Расширение масштабов административно-правового регулирования жизни деревни оказало существенное влияние и на деятельность земельных учреждений.

Реорганизация земельных учреждений. Ещё осенью 1918 г. началась реорганизация земельных учреждений, связанная с передачей земельного дела в руки земств в соответствии с «Временным положением об учреждениях, ведающих земельными делами в Сибири» от 25 июля 1918 г. Фактически работа по созданию земельных отделов при уездных и губернских земских управах завершилась уже после колчаковского переворота, зимой – весной 1919 г., когда состоялись очередные земские собрания, принявшие дела прежних земельных управ, рассмотревшие сметы и избравшие новый состав земельных учреждений. Только в феврале 1919 г. передал свои полномочия новому земельному отделу старый состав Челябинской уездной земельной управы, избранный на уездном съезде в июле 1918 г.³³⁵ Ещё в начале января 1919 г. действовала прежняя уездная земельная управа и в Троицком уезде³³⁶. В Верхнеуральском уезде местное земство не имело никаких сведений о землепользовании и заведывании земельными имуществами, земельные комитеты не функционировали, «до сего времени учёта земель не произведено ввиду неполучения определённых распоряжений»³³⁷.

На обязанности земских самоуправлений лежало формирование уездных и губернских по земельным делам советов, а также организация комиссий по возвращению имений владельцам на основании постановления Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. и инструкции от 1 августа 1918 г. Большинство земельных советов было сформировано и приступило к работе поздней осенью 1918 г., после восстановления нормальной деятельности самоуправлений и правительственных учреждений, представители которых входили в их состав: Кустанайский совет (октябрь – ноябрь), Златоустовский совет (октябрь), Челябинский совет (7 ноября), Троицкий совет (31 декабря), Уральский совет, г. Екатеринбург (декабрь 1918 г. – январь 1919 г.)³³⁸.

Осенью 1918 г. через волостные и сельские управы началось возвращение собственникам изъятых у них весной 1918 г. документов на принадлежащие им земельные участки, необходимых для подачи заявлений о возвращении земельных угодий. Специ-

альные комиссии при земствах стали создаваться зимой – в начале весны 1919 г. Так, если в Курганском уезде комиссия уездного земства по возвращению земель приступила к деятельности в начале января 1919 г., то в Челябинском уезде только в середине марта 1919 г., т. е. менее чем за месяц до пересмотра постановления о возвращении имений колчаковским совмином³³⁹. При этом возвращение угодий было обставлено многочисленными формальностями (владелец должен был предоставить доказательства состава и размера имения, прав на него и владения им до октября 1917 г., а также план направления предстоящей деятельности), самое же главное – все претензии владельцев к пользователям могли быть законными только в тех случаях, когда имение им возвращалось комиссией. Что касается урожая 1918 г., полученного крестьянами на частновладельческих землях, то Челябинская уездная земская управа характеризовала претензии владельцев на него как противоречащие законам Сибирского правительства и могущие вызвать «нежелательные последствия»³⁴⁰.

Во вновь занимаемых колчаковскими войсками районах организацию земельного дела приходилось налаживать практически заново. Так, 5 апреля 1919 г. министр земледелия уведомил управляющего Уфимской губернией о том, что «закон Сибирского правительства от 25 июля 1918 г.» распространён на губернии Европейской России, и просил издать распоряжение не восстанавливать земельные комитеты и управы³⁴¹. Соответствующие земельные учреждения – земельные отделы и по земельным делам советы – были организованы здесь значительно позже, весной 1919 г., и практически не успели приступить к работе. Так, в Бирском уезде земство было восстановлено 10 марта 1919 г., и до прибытия эвакуированной управы (28 марта) всей деятельностью руководил избранный на общем собрании служащих президиум. Распоряжения и циркуляры министерства Земледелия рассылались по волостям непосредственно управляющим уездом. 15 мая 1919 г. уездная земская управа постановила считать земельный комитет расформированным, все его дела и имущество принять в ведение вновь организованного земельного отдела, возглавить который на правах члена уездной земской управы было поручено гласному уездного земства Д.М. Ширяеву. Однако уже в конце мая началась эвакуация земских учреждений, в т.ч. земельного отдела³⁴². 12 мая

1919 г. была эвакуирована Белебеевская земская управа и подведомственные ей учреждения, в т.ч. земельный отдел³⁴³.

В условиях режима военной диктатуры менялся сам характер работы органов самоуправления, попадавших во всё большую финансовую и административно-правовую зависимость от правительственных учреждений. С зимы 1919 г. были фактически приостановлены перевыборы и довыборы уездных и волостных земских гласных. Проведение земских собраний, осуществлявших решение основных вопросов деятельности самоуправлений, также оказалось в компетенции военных и гражданских властей колчаковского режима, взявших курс на свёртывание общественной самодеятельности и деятельности выборных институтов. Так, 27 мая 1919 г., на основании распоряжения министра внутренних дел, исполняющий обязанности управляющего Уфимской губернией Соловьёв запретил созыв земского собрания в Бирском уезде³⁴⁴. В проправительственной печати предлагалось отказаться от выборного начала как неприменимого в условиях гражданской войны, и приступить к назначению «деловых управ» из компетентных, знающих земскую работу местных деятелей³⁴⁵. Одновременно со свёртыванием деятельности представительных земских органов были расширены полномочия управ в формировании бюджета, решении финансовых, административных и кадровых вопросов. Земские деятели назначались вышестоящими властями на административные должности. Так, член Белебеевской земской управы М.С. Кудашев исполнял обязанности управляющего уездом, израсходовав 15574 руб. из личных средств на содержание милиции и другие нужды³⁴⁶. Широкое вовлечение земств, прежде всего их распорядительных и исполнительных органов, в проведение правительственной политики, тесное взаимодействие с местными административными и ведомственными институтами способствовало постепенному превращению земской организации в часть хозяйственного аппарата колчаковского режима. На государство возлагалось и финансирование деятельности земских земельных учреждений. Из 25,3 млн руб., испрашиваемых по смете департамента земледелия на 1919 г., 24 млн предполагалось для передачи на места, в т.ч. 7,6 млн – земствам³⁴⁷.

Работа ведомственного земельного аппарата. Важным инструментом регулирования земельных отношений в условиях во-

енной диктатуры оставались местные учреждения министерства земледелия, сотрудники которого осуществляли основную практическую работу по распределению и использованию находящихся под их управлением государственных земель и лесов, а также контроль за использованием лесных запасов на крестьянских и частновладельческих землях. Их восстановление началось почти сразу после переворота и завершилось в основном осенью 1918 г.³⁴⁸ На территории Уфимской губернии было решено сохранить созданную при большевиках организацию управления лесами (в т. ч. новые лесничества, образованные на частновладельческих землях), передав её в ведение управления земледелия и госимущества³⁴⁹. В работе земельных и лесных учреждений сохранялись элементы коллегиальности. В уездах губернии продолжали действовать уездные лесные советы. Наиболее важные вопросы лесного дела (лесные таксы, жалование лесного персонала) рассматривались на съездах лесоводов либо согласовывались с местными отделениями Всероссийского союза лесоводов, представители которого входили в состав советов соответствующих земельных комитетов³⁵⁰.

Одновременно с восстановлением была проведена реорганизация местного правительственного аппарата. Так, приказом управляющего ведомством Земледелия Комуча К. Воробьёва Оренбургско-Тургайское управление земледелия было разделено на два – Оренбургское и Тургайско-Уральское. Другим распоряжением ряд учреждений (губернское управление земледелия, губернская чертёжная и др.) «в целях объединения деятельности учреждений, ведающих в Оренбургской губернии земельным фондом, лесами и подготовкой материалов для земельной реформы» передавались «в состав» (т. е. в непосредственное подчинение) губернского земельного комитета³⁵¹. Фактически свёрнута оказалась работа многих отделений Крестьянского Поземельного Банка, земли которого, за исключением некоторых лесных дач, находились в распоряжении крестьян. Так, в Оренбургском отделении Банка ликвидировались эксплуатационный и землемерно-технический отделы. В ходе начавшейся в октябре 1918 г. «разгрузки» и эвакуации Оренбурга большинство сотрудников отделения (75 человек, включая бухгалтеров, делопроизводителей, землемеров и т.д.) были оставлены за штатом, а небольшая группа

руководящих работников во главе с управляющим отделением С. Н. Протасевым эвакуирована в Челябинск³⁵². Приказом управляющего Уфимским отделением 31 августа 1918 г. были уволены 12 заведующих имениями Банка и ряд других служащих, часть работников была мобилизована в армию или не явилась на службу. В октябре 1918 г. последовали новые увольнения в связи с готовящейся эвакуацией³⁵³.

Определённые коррективы в организацию работы правительственного земельного аппарата вносило и разделение территории Южного Урала летом – осенью 1918 г. между несколькими правительственными центрами. Так, Временное Сибирское правительство, опираясь на сформированный им Челябинский округ и тяготеющие к нему территории, занятые сибирскими войсками, учредило в августе 1918 г. должность уполномоченного министерства Земледелия и Колонизации в Приуральском районе, назначив на эту должность руководителя Челябинской уездной земельной управы Н. Н. Кудрина. В район деятельности уполномоченного были включены Камышловский и Шадринский уезды Пермской губернии, Златоустовский уезд Уфимской губернии, Челябинский, Троицкий и Верхнеуральский уезды Оренбургской губернии, и Кустанайский уезд Тургайской области³⁵⁴.

В течение нескольких месяцев уполномоченным и его сотрудниками была проведена громадная работа по созданию единой земельной организации в Приуральском районе, установлены связи с земельными учреждениями на местах и на сопредельных территориях (в т. ч. Оренбургским губернским земельным комитетом, подчинённым Комучу, с которым решался вопрос об откомандировании участков заведующих государственным земельным фондом), собраны сведения об использовании государственного земельного фонда, начато формирование необходимого штата служащих в Челябинске и на местах. Через уполномоченного было налажено финансирование местных земельных учреждений, в т. ч. земельных отделов при уездных земских управах и уездных советов по земельным делам, а также правительственно-го земельного персонала³⁵⁵.

Колчаковский переворот, ликвидация областных правительств и установление «всероссийской власти» Верховного Правителя сделали возможным возвращение к прежней губернской органи-

зации земельного дела. Восстанавливались Уфимское, Пермское, Тобольское, Оренбургско-Тургаское управления земледелия, а управление Приуральского района расформировывалось. Уполномоченный узнал о расформировании собственного управления из «Правительственного вестника» и, как писал он в письме районному ревизору Пермской губернии Б. И. Ловенецкому, «сам долго не имел ясного представления о всём происшедшем». В течение декабря – начала января 1919 г. им была произведена ликвидация дел канцелярии управления, а местный земельный аппарат должен был поступить в распоряжение восстановленных губернских учреждений³⁵⁶. Одновременно, в декабре 1918 г., была произведена ликвидация дел Главного Управления Земледелия и Государственных Имуществ Урала (бывшего Уральского правительства) и отдела государственных имуществ при бывшем Комуче³⁵⁷.

Сибирское правительство, а затем и колчаковские власти выступили сторонниками расширения полномочий правительственных земельных учреждений, что соответствовало общей тенденции к расширению масштабов администрирования в проведении основных социально-экономических мероприятий. Сохранив участие земских учреждений в распределении земельных и лесных угодий, руководство земельного ведомства стремилось свести его к минимуму, упростив порядок использования казённых земель, не распределённых волостными земствами, «хозяйственным способом» (без устройства торгов), разрешив сдачу земельных угодий, не заарендованных намеченными земством пользователями, другим арендаторам и т. д.³⁵⁸ Специальный циркуляр министерства Земледелия подчёркивал, что распределению на земских собраниях подлежат не все казённые земли вообще, а только находящиеся в «фактическом обладании» крестьянского населения³⁵⁹. Составление списков участков оброчных статей, подлежащих сдаче в аренду через посредство земских учреждений, было также возложено непосредственно на управления госимуществ³⁶⁰. Своеобразным ответом на массовые порубки лесов стало постановление министерства от 31 декабря 1918 г., которым, «в целях упрощения отпуска леса для общественных организаций и населения», разрешалась упрощённая оценка и отпуск леса населению без торгов по фактически установившейся в данной местности цене. При этом, если имеющиеся «очередные» лесосеки были израсходованы или лежали

вдалеке, разрешалось отводить лес в ближних дачах³⁶¹. Очевидно, что и правительство, и местные власти отдавали предпочтение не только «закручиванию гаек», но и вели поиск каких-то реальных решений, соответствующих условиям момента и весьма скромным репрессивным возможностям режима.

Особое место в осуществлении этого своеобразного «бюрократического компромисса» военной диктатуры и крестьянства занимала низшая земельная и лесная администрация во главе с лесничими и участковыми заведующими государственным земельным фондом. Несмотря на значительные финансовые трудности (оклады земельных работников были часто ниже ставок в других правительственных, земских, общественных и кооперативных учреждениях³⁶²), текучесть кадров и недоукомплектованность участков и лесничеств, антибольшевикам в целом удалось сохранить кадровый костяк низшего земельного персонала. В числе тех, кто осенью – зимой 1918–1919 гг. вернулся к исполнению своих обязанностей, было немало опытных и авторитетных среди населения работников, участвовавших в разрешении земельных конфликтов в 1917–1918 гг., а также в подготовке и проведении аграрных преобразований весны 1918 г. Немало преданных своему делу людей было и среди рядовых работников. Так, полевой объездчик 8 участка Башкирцев продолжал исполнять свои обязанности с февраля по сентябрь 1918 г., благодаря чему лес на казённо-оброчных статьях его объезда сохранился; на совершённые порубки им были составлены протоколы, переданные в канцелярию участка. Как указал сам Башкирцев, после переворота он обратился к ревизору Веселову, который сказал ему, чтобы без приказа он не оставлял службу, а жалование получит. «До сих пор служу без жалования и всё это время я несу большие убытки и нужду в своём хозяйстве... Более я сохранял казённые интересы»³⁶³. Вместе с тем рядовые работники были жителями тех же селений, что и возможные (а чаще – реальные) нарушители земельных прав, порубщики и т. д., и были фактически беззащитны перед лицом непосредственного крестьянского воздействия³⁶⁴. Это объясняет, почему многие из них, проработавшие на службе по охране земельных угодий много лет, не пожелали вернуться к своим занятиям.

Находясь в постоянном и тесном крестьянском окружении, представители низшей земельной администрации не могли не

учитывать в своей деятельности насущные потребности и интересы того сельского населения, которое выступало пользователем казённых земель. Так, при сдаче земель в аренду большинство участковых заведующих выступали за предоставление угодий на 2, 3 и более лет, т. е. на срок севооборотов, что позволило бы крестьянам заготовить пары, возместить затраты на обработку и удобрение (установленный ещё Временным правительством в 1917 г. порядок предполагал сдачу земли в аренду на 1 год). «При сдаче на 1 год пахотные земли в оброчных статьях будут использованы не все, и данная площадь не будет удобрена и обработана надлежащим образом» – писал уполномоченному министерства Земледелия в Приуральском районе заведующий фондом 1 участка Пермской губернии. «Земли одногодичной обработки истощены и заросли сорными травами, и не оправдывают расходов на их обработку» – указывал заведующий 6 участком Челябинского уезда³⁶⁵. Как участковые заведующие, так и руководство восстановленного Оренбургско-Тургайского управления земледелия (находящегося с января 1919 г. в Троицке) проводили сдержанную ценовую политику, выступая против резкого повышения арендной платы. Так, участковый заведующий 8 участка Челябинского уезда З. А. Костриков в письме на имя начальника управления от 13 февраля 1919 г. предлагал оставить на 1919 г. ту же арендную плату, которая взывается за пользование землёй в 1918 г. «Увеличение отразится на площади посева, т. к. вследствие неурожая 1918 г. малоимущее крестьянство вряд ли будет в силах арендовать землю по дорогой цене. Сдавать необходимо целыми статьями или крупными частями нуждающимся в земле обществам, что даст возможность, как и ранее, возложить на них ответственность за цельность прилегающих лесов.» В другом письме, обосновывая рассчитанные им арендные цены, заведующий указывал, что они «достаточно выгодные для казны и вполне приемлемые для населения»³⁶⁶.

В то же время порядок распределения части казённых земель при участии земских учреждений рассматривался представителями земельной администрации на местах как громоздкий и «совершенно неприменимый на практике». Так, заведующий 8 участком считал, что передача распределения оброчных статей земским учреждениям приведёт к тому, что до начала весенних работ они

сданы в аренду не будут, а казённая земля будет крестьянами захватываться самовольно, «и мне придётся лишь регистрировать эти захваты, составлять акты, взыскивать штрафы и обострять и без того плохо налаживающиеся отношения с населением. Захваты же при таком положении совершенно неизбежное явление, т. к. на многих оброчных статьях есть подготовка паров на 1919 г., и мне точно известно, что общества, имеющие пары, не будут ждать, когда закончится распределение и оброчная статья будет сдана им на законном основании»³⁶⁷.

Одной из главных задач, поставленных перед земельной администрацией правительством, было восстановление контроля над использованием казённых, банковских и других земель государственного фонда. Как позволяют судить сохранившиеся материалы, в целом эта задача решалась ими достаточно успешно. Так, на 8 участке Челябинского уезда из 54 оброчных статей общей площадью 15792 дес. 23 статьи полностью и 4 частично были использованы «захватным путём» (т. е. без заключения условий на аренду), а остальные находились в долгосрочной аренде или были сданы на один 1918 г. Уже в ноябре 1918 г. заведующий участком отмечал поступление денег как по договорам прежних лет, так и за пользование «захватным путём», «заметно желание плательщиков быть исправными перед казной»³⁶⁸. В кампании по взысканию денег и заключению арендных договоров были широко задействованы волостные власти и милиция. К июню 1919 г. была выплачена значительная часть денег за пользование землёй в 1917 и 1918 гг. (39 тыс. руб. из ожидаемых 83 тыс. – т. е. около половины), заключено 63 арендных договора с сельскими обществами и товариществами на 1919 г., давшие около 68 тыс. руб., взыскано свыше 12 тыс. руб. штрафов. Доходы за июнь составили около 12 тыс. руб.³⁶⁹

Основным исполнительным звеном реализации аграрного курса оставались волостные и сельские власти. На работоспособности волостных и сельских управ сказывалась их громадная загруженность исполнением приказов, распоряжений, запросов самых разных белогвардейских учреждений и организаций. На местные власти было возложено содействие военно-мобилизационным мероприятиям и восстановление воинского учёта, раскладка и сбор государственных и земских платежей, предоставление раз-

нообразных сведений, анкет, ведомостей на необходимые деревне товары. В связи с отсутствием волостного суда некоторые вопросы были возложены на волостные собрания, а исполнение – на местные власти. Местные земские управы рассматривались властями как правопреемники бывших продовольственных управ, вследствие чего на них было возложено приведение в порядок всей документации последних, а также взыскание с населения всех продовольственных долгов, особенно за советский период³⁷⁰. Оказавшись в эпицентре сильного административного воздействия, официальные волостные власти превращались в низовой рабочий аппарат режима, главной задачей которого стало осуществление административно-фискальных мероприятий и, как следствие, падение их авторитета в глазах населения. Так, в Курганском уезде даже в начале 1919 г. должности председателей и членов земских управ в некоторых волостях оставались незамеченными. Как указывал корреспондент местной газеты, причина отказа выбранных лиц «или малые оклады, или взгляд крестьян на эти должности как на отбывание натуральной повинности»³⁷¹.

Принципы и противоречия аграрного курса. Выстроив более жёсткую административную систему (частью которой стали и земельные учреждения), в рамках которой видное место отводилось традиционным для деревни институтам: волостному правлению, сельским старостам, волостному собранию (по существу, «земского» в них осталось очень немного), которые оно попыталось приспособить к решению своих утилитарных задач, правительство Колчака сохранило преемственность в основных моментах аграрной политики. Вместе с тем «всероссийский» характер власти и военные успехи колчаковцев ускорили выработку собственной программы, с тем, чтобы сделать её, хотя бы внешне, более привлекательной для крестьянства. «Из всех изменений, внесённых революцией, – заявлял Колчак, – изменения, происшедшие в области земельных отношений являются наиболее сознательными, действительно важными... Возврата к старому земельному строю не будет и быть не может.» Во главу угла аграрной политики предполагалось поставить «основы права, государственной необходимости и социальной справедливости»³⁷². Главной целью правительства, очевидно, была стабилизация хозяйственных отношений в деревне, которая позволила бы опереться на её люд-

ские и хозяйственные ресурсы и отложить проведение аграрной реформы в полном объёме на будущее.

14 марта 1919 г. Совет Министров принял постановление о предоставлении военным служащим «льгот и преимуществ в отношении земельного и хозяйственного устройства», которое должно было подкрепить создание массовой крестьянской армии³⁷³. 5 апреля 1919 г. постановлением министра земледелия Н. И. Петрова было приостановлено действие постановления Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. о возвращении владельцам их имений, и ликвидированы соответствующие комиссии³⁷⁴. Следующим шагом стала обнародованная 8 апреля 1919 г. за подписью всех членов колчаковского кабинета «Декларация Российского Правительства о земле», с изложением текущих и предполагавшихся шагов правительства в этой области, впредь до окончательного решения вопроса в будущем «Всенародным Национальным Собранием». В частности, было заявлено, что «все, в чьём пользовании земля сейчас находится, все, кто её засеял и обработал, хотя бы ни был ни собственником, ни арендатором, имеет право собрать урожай». Правительство брало на себя обязательство и в будущем обеспечивать безземельных и малоземельных крестьян, в первую очередь из частновладельческой и казённой земли, перешедшей в «фактическое обладание» крестьян. В то же время земли, которые обрабатывались «исключительно» или «преимущественно» силами семьи владельца – земли хуторян, отрубников, укрепленцев подлежали возвращению их законным владельцам. Правительство также заявило, что впредь никакие самовольные захваты земель допускаться не будут и все нарушители чужих земельных прав будут предаваться «законному суду»³⁷⁵.

«Декларация» сообщала, что в ближайшее время последуют законодательные акты «о порядке временного использования захваченных земель» и последующем «справедливом распределении их» (тогда как деревня сопротивлялась практически любой попытке регламентировать землепользование), а также об «условиях вознаграждения прежних владельцев». Правда, общей целью этих законов провозглашалась передача земель нетрудового пользования трудовому населению, широкое содействие развитию мелких трудовых хозяйств «без различия того, будут ли они построены на началах личного или общинного землевладения»³⁷⁶.

Дополнением к «Декларации» стали утверждённые Верховным Правителем правила о порядке производства и сбора посевов на землях, не принадлежащих посевицам («Правила» от 8 апреля 1919 г.). В соответствии с ними каждый крестьянин, произведший посев озимых на не принадлежащей ему земле, должен был заявить об этом до 1 июня 1919 г. местному сельскому старосте, с указанием количества земли, вида хлеба и места посева. Так же (только до 15 мая 1919 г.) должны были поступать и крестьяне, желавшие сделать яровой посев или вспашку земли под посев 1920 г. По выяснению общей площади посевов, которые могли быть произведены на землях, не принадлежащих данному обществу, сельским сходом производился отвод земли для желающих произвести посев или запашку. Все сведения о посевах заносятся старостой в специальную книгу и сообщались волостной управе, которая затем представляла их в уездный по земельным делам совет. Пользователи, кроме общих поземельных налогов, должны были вносить в депозит совета специальный денежный сбор. При этом, как говорилось в документе, «пользование землёй в порядке сих правил не создаёт для пользователей в дальнейшем никаких прав на владение или пользование землёй»³⁷⁷.

Фактически новые пользователи земли переводились на положение её арендаторов. Как говорилось в одном из документов, временный перевод «захватчиков» в арендаторы должен был указать им, что «право собственности на эти земли им не принадлежит». Правда, тут же делалась оговорка: чтобы у крестьян создавалась «уверенность для спокойной работы», за ними признавалось в будущем преимущественное право на приобретение находящейся в их пользовании земли³⁷⁸.

На сибирской территории «Правила» 8 апреля должны были распространяться на пахотные земли имений, не поступившие владельцам и не находящиеся в действительном обладании последних, под которым подразумевалось осуществление владельцем хозяйственного распоряжения и пользования, «никаких новых захватов не может быть допущено». Таким образом, правила не касались земель, переданных владельцам по постановлению комиссий, «частным соглашениям» или «иным способом» (т. е., видимо, и возвращённых владельцами себе силой, при содействии военных властей и т. д.). Под «фактическим обладанием»,

которое давало крестьянам право на распределение не принадлежащих им земель, понималось не «единичное самовольное пользование», а пользование землёй, «как бы отведённой в надел». Спорные случаи должны были разрешаться безапелляционно уездными земельными советами³⁷⁹.

Министерство земледелия и местные управы придавали правилам «исключительно важное значение», как мере к обеспечению спокойствия среди населения и содействия увеличению обрабатываемой площади. Проведение в жизнь этих правил, – указывало министерство, – должно составить в настоящее время «главнейшую заботу» земельных советов, «всё остальное должно находиться в полном подчинении к этой основной задаче.» «В задачи текущего года совершенно не входит какое-либо перераспределение земель в тех или иных целях, – разъясняла населению, основываясь на циркуляре министерства, Троицкая уездная земская управа, – ибо оно могло бы привести к новым раздорам»³⁸⁰. Порядок распределения земли сельскими сходами был достаточно демократичен, а уездные земельные советы санкционировали уже состоявшийся отвод земли (хотя Г. З. Иоффе и называет его «волокитой»). Но крестьянами правила, не без оснований, могли рассматриваться как попытка поставить их в чёткое юридическое положение, установить размеры тех земель, которые были перераспределены, и взять с них плату. Вряд ли поэтому они могли быть встречены населением очень сочувственно, так как землёй крестьяне и так пользовались, не платили за неё, не рисковали потерять её ввиду отсутствия у вышестоящих властей каких-либо сведений. Фактически обмер посевов и заполнение «книг» стали ещё одной мерой, проигнорированной крестьянством. Так, только 3 июня земельный отдел Троицкой управы, вследствие заявления уполномоченных Константиновской волости о неимении ими сведений относительно правил, вторично отправил в волость сами правила от 8 апреля и 2 формы книг, разосланные на места ещё 29 апреля. Вряд ли крестьяне стали бы тянуть в решении такого важного вопроса, если бы действительно хотели ими воспользоваться. На самом деле «Правила» были получены волостной управой ещё 2 мая, но, видимо, так и не были разосланы по селениям³⁸¹. В Уфимской губернии, учитывая огромный интерес крестьянства к газетному слову, правила были опубликованы в «Уфимских губернских известиях» 3 мая 1919 г.³⁸²

Одновременно с принятием «Правил», определявших порядок использования захваченных крестьянами частновладельческих земель, колчаковское правительство подтвердило признание им фактически сложившегося (в т. ч. «захватного») землепользования на казённых землях. В мае 1919 г. увидел свет специальный циркуляр, определявший порядок использования свободных от аренды казённых земель, которым прямо предписывалось предоставить все посевы и распашки 1918 г. за подесятинную плату «тем сельским обществам и частным лицам, трудами или средствами которых означенные посевы или распашки произведены». Как разъясняло позднее руководство министерства земледелия, «указанная статья (статья первая циркуляра от 5 мая) по отношению к казённым землям преследует те же цели, что по отношению частновладельческих земель разрешено Правилами 8 апреля с.г. о порядке производства и сбора посевов, а именно: привлечение всех производительных сил страны к максимальному использованию сельскохозяйственных угодий и обеспечению прав земледельца на продукты его труда.» Дополнительно в июне 1919 г. это распоряжение было распространено и на земли, находящиеся в долгосрочной аренде, поступившие в фактическое пользование населения отчасти самовольно, отчасти по постановлениям земельных комитетов³⁸³. В мае же журнальным постановлением совета министров было приостановлено взыскание земельных сборов и повинностей с казённых и частновладельческих земель, находившихся в период советской власти «в фактическом использовании захватчиков», до издания соответствующего закона³⁸⁴.

Признание за крестьянством права на использование занятых им в 1918 г. казённых и частновладельческих земель («право посещика на урожай») было продолжением линии на регулирование аграрных отношений предыдущих антибольшевистских правительств, и являлось важной частью социально-политического компромисса военного режима и крестьянства. Такой же позиции, по существу, придерживались местные земельные и крестьянские учреждения, ещё до выхода правительственных постановлений («Декларации» и «Правил» 8 апреля) принимавшие решения о сохранении фактического пользования. Так, земское собрание Маминской волости Екатеринбургского уезда постановило оставить пахотные и сенокосные земли за теми же пользователями, как и в

1918 г., с условием использования всех земель и уплаты всех налогов и платежей. Неиспользованные земли владельцы должны были своевременно сдавать в сельский комитет. Вопрос о землях собственников был оставлен открытым³⁸⁵.

Защита интересов фактических пользователей получила отражение и в судебной практике колчаковского режима, при рассмотрении исков владельцев к крестьянам, получившим их земли весной 1918 г. Так, в Троицком окружном суде рассматривался иск частновладельца Д. Ярославцева к группе крестьян Косолаповской волости Челябинского уезда, отказавшимся войти с владельцем в добровольное соглашение о «самовольном посеве» и заплатить деньги. Сумма иска была определена Ярославцевым в 20 тыс. руб. Крестьяне прибыли в суд целым «свадебным поездом» на нескольких подводах. Суд, руководствуясь «указом Российского правительства», решил дело в пользу крестьян, возложив на частновладельца все судебные издержки. Крестьяне остались фактическими пользователями земли, и получили право сделать посев на них в 1919 г. «Для нас, крестьян-землеробов, – писал один из крестьян, Павел Голцеков, – сделалось понятно, наглядно и убедительно, что существующая власть не есть власть помещичья... Когда власть разберётся и законно найдёт нужным меня свести с этой земли, я сойду и знаю, что такая власть зря не сведёт, позаботится обо мне и подобных как безземельных и малоземельных. Могущих и желающих обрабатывать землю, и продукт моего труда сумеет сохранить в моих руках»³⁸⁶.

Таких решений известно немного, поскольку стороны – как владельцы, так и крестьяне – редко прибегали к судебному разбирательству, предпочитая другие, чаще неформальные способы решения вопроса. Решения суда вряд ли носило пропагандистский характер, но вот публикация крестьянского письма в «Вестнике Приуралья», официальном издании окружной администрации, несомненно, имела пропагандистское значение, и должна было подчеркнуть намерение правительства поддержать «трудовое» землепользование.

Характеризуя начатое правительством реформирование аграрных отношений, известный челябинский общественный деятель и публицист А. Туркин писал: «Здоровые реформы в земельном деле, начатые вдумчиво и серьёзно, могут сразу внести быстрое

успокоение в крестьянстве. Сам по себе «большевизм», как таковой, для большинства деревенского населения – равен нулю. Волновали всех выкрики «о земле»... Как только крестьянство услышит, что правительство приступило уже к удовлетворению земельных нужд, насколько это возможно до созыва Национального Собрания – оно сейчас окончательно отвернётся от всех коммунистов... Только спокойствие, доверие и помощь со стороны самого крестьянства – помогут правительству воплотить в жизнь вопрос о земле»³⁸⁷. Как отмечали уфимские корреспонденты в мае 1919 г., «по деревням принялись за хозяйственные работы и не склонны заниматься политикой», «население устало, жаждет мира, законной власти и ограждения своих законных прав от произвола и насилия»³⁸⁸.

Вместе с тем общее направление аграрного регулирования отличалось от вектора настроений и ожиданий крестьянства. Важнейшей задачей правительства, определявшей разработку долгосрочного аграрного курса, было восстановление отношений собственности, поколебленных уравнительным распределением земли весной 1918 г. Выступая 11 февраля 1919 г. в Челябинске на соединённом собрании уездного земства и городского самоуправления и характеризуя взгляд правительства на земельный вопрос, А. В. Колчак заявил, что установление права собственности на землю правительство считает основным положением в деле прочного развития хозяйственной жизни государства. Одновременно политика правительства «будет клониться к тому, чтобы будущее земельных отношений базировалось на мелкой земельной собственности, которую оно считает своей обязанностью всемерно развивать и укреплять за счёт крупного землевладения»³⁸⁹. Что касается путей перехода частновладельческих земель в руки крестьян, правительство отдавало предпочтение приобретению их в «полную собственность». Соответствующие законопроекты разрабатывались в колчаковском министерстве земледелия. Предусматривалось принудительное отчуждение крупных частновладельческих земель, за которые выплачивались государственные компенсации. В свою очередь, получатели земли обязывались оплатить её стоимость³⁹⁰.

Линия на укрепление «начал собственности», «законности» и преемственности в аграрных отношениях нашла своё отражение

в целом ряде шагов, предпринятых правительством и руководством земельного ведомства весной – летом 1919 г.: восстановлении долгосрочной аренды казённых земель, прежде всего свободных от «захватного» крестьянского землепользования (март 1919 г.)³⁹¹, шагах по восстановлению системы земельных банков³⁹², возвращению Церкви причтовых земель, распределённых среди крестьян весной 1918 г. На практике возвращение церковных земель происходило под мощным административным нажимом, и при скрытом сопротивлении волостной и сельской администрации. Так, в мае 1919 г. управляющий Курганским уездом отдал распоряжение земским управам представить ему расписки о возвращении церковных земель, объявив населению, что самовольный посев перейдёт в пользу причта, а также просил доносить ему о случаях упорства крестьян «на предмет посылки военной силы»³⁹³.

В рамках этой линии, определённой уже в «Декларации» 8 апреля 1919 г., находилось и стремление колчаковского руководства передать распоряжение захваченными крестьянами землями непосредственно государственным земельным учреждениям (формально, в соответствии с законом Сибирского правительства от 25 июля 1918 г., все частновладельческие земли находились в ведении земских самоуправлений), и более чётко определить правовой статус их пользователей. «Авторитет правительства, – говорилось в одном из официальных сообщений, – не позволяет ему оставаться молчаливым зрителем того земельного порядка, который произошёл в результате революции, когда население, вопреки закону, отобрало земли у владельцев»³⁹⁴. Одновременно с рассылкой «Правил» о порядке производства и сбора посевов на частновладельческих землях министерство земледелия подготовило «Положение об обращении во временное заведывание правительственных органов земель, вышедших из фактического обладания их владельцев и поступивших в фактическое пользование земледельческого населения». На основании этого документа захваченные крестьянами частновладельческие земли передавались в заведывание местных управлений государственным земельным фондом, на которые возлагалась сдача их в аренду населению (прежде всего фактическим пользователям)³⁹⁵. Комментируя разработку закона, печать указывала, что захваченные крестьянами

земли передаются в распоряжение государства и должны составить арендный фонд для местного населения. «Фактическому пользованию даётся юридическое основание в арендном договоре с государством»³⁹⁶.

На правительственные органы возлагалось также возвращение части земель тем владельцам, кто обрабатывал их преимущественно силами семей, в распоряжение владельцев возвращались усадебные земли вместе с постройками, живой и мёртвый инвентарь, земли, необходимые для ведения промышленных предприятий и показательного хозяйства, а также захваченные земли земств, городов, сельских обществ и земельных товариществ³⁹⁷. Такое возвращение земель не носило характера реставрации, но твёрдо говорило о решимости правительства не допустить новых земельных захватов. «Самовольные захваты земли... после очищения местности от большевиков войсками Российского Правительства, будут преследоваться по всей силе гражданских и уголовных законов», – говорилось в официальном сообщении министерства земледелия. Само право собственности на землю, по мнению министерства, «юридически остаётся непоколебимым»³⁹⁸.

Передача захваченных крестьянами земель в ведение государства на практике должна была вылиться в сложную землеустроительную процедуру (предполагалось установление размера и границ по каждому захваченному крестьянами владению)³⁹⁹. Критики указывали на противоречивость этого шага, с одной стороны, с точки зрения соблюдения принципа частной собственности, с другой – восприятия его крестьянством. Один из членов правительства, Г. К. Гинс, отмечал позднее, что сам процесс принятия земель в ведение государственной власти, и предоставление её крестьянам на началах аренды должен был ассоциироваться у крестьян с восстановлением имений и охраной их государством. По мнению юрисконсультской части министерства земледелия, правительство выступало в отношениях с крестьянами в качестве арендодателя, т. е. фактически «коллективного помещика»⁴⁰⁰.

Хотя «Положение» ещё не было утверждено колчаковским совмином, уже в мае 1919 г. в посылаемых на места распоряжениях появились указания начать принятие соответствующих угодий в заведывание земельной администрации. Министерство земледелия спешило сработать «на опережение», особенно в занимае-

мых колчаковскими войсками европейских губерниях России, где земельный вопрос имел большое политическое значение. Так, в телеграмме управляющего государственным земельным фондом Князева в Уфимское управление земледелия говорилось, что пользование захваченными угодьями под сенокосение, выгон или пашню необходимо «понимать как признаки для обращения земель в заведывание правительственных органов»⁴⁰¹. О том, что частновладельческие земли переходят в собственность государства и конфискуются, несколько ранее, в апреле 1919 г. заявил, со ссылкой на телеграмму министра земледелия, управляющий Уфимской губернией Соловьёв. В ответ на это съезд сельских хозяев направил протест адмиралу Колчаку, с просьбой подтвердить права землевладельцев на лесные дачи и земли⁴⁰². Вмешалось и министерство, сообщившее телеграммой от 15 мая 1919 г. о возвращении владельцам лесных дач, находившихся до этого в ведении правительственных учреждений⁴⁰³.

Установление контроля над «захваченными» крестьянами казёнными и частновладельческими землями было, таким образом, лишь частью правительственной программы аграрного регулирования. 13 июня 1919 г. Совет Министров отменил действие закона Временного правительства от 12 июня 1917 г. об ограничении земельных сделок и принял «Временные правила о порядке разрешения сделок на землю». Совершение сделок ставилось под контроль министерства земледелия. Целью правил была постепенная передача захваченных земель в собственность крестьян. В проправительственной печати этот шаг именовался «правовым одобрением» революционного захвата. «Крестьянство может в самый короткий срок... устроить свои земельные дела и приобрести бесспорный документ на находящиеся в их обладании земли»⁴⁰⁴. Еженедельная крестьянская газета «Деревня», рассчитанная на массового сельского читателя, издание которой было начато в Омске весной 1919 г., указывала цель правительственной политики – «закрепить земли за крестьянами на справедливых началах». Частновладельческие и казённые земли, по мнению авторов газеты, подлежали обязательному переходу в руки связанного с землёй сельского населения, или непосредственно от владельцев, под контролем государства, или от государства, которое само отчуждает их⁴⁰⁵.

Противоречия между этицистскими по характеру правительственными мероприятиями и декларируемой поддержкой земельных собственников (предполагавшей возвращение земель, обрабатываемых «преимущественно» личным трудом, «высококультурных» имений и т. д.) заставили также руководство земельного ведомства дифференцировать свою политику в отношении частновладельческих земель на «сибирской» и «несибирской» (освобождаемой от большевиков) территории. Так, председатель Курганской уездной земской управы, возвратившийся из командировки в Омск, на основании разъяснений, полученных в министерстве земледелия, сделал заявление, что закон о переходе частновладельческих земель в заведывание правительственных органов, готовившийся для европейской России, вышел без примечания, что он не распространяется на Сибирь. «В отношении Сибири следует руководствоваться исключительно законом 6 июля 1918 г.»⁴⁰⁶ В мае – июне 1919 г. земельными учреждениями уезда – уездным по земельным делам советом, комиссией по денационализации имуществ во главе с уездным комиссаром Алексеевым, и возобновившей свою деятельность комиссией «по денационализации частновладельческих земель» – было рассмотрено около 20 дел, связанных с восстановлением прав землевладельцев и арендаторов, возвращением церковной земли⁴⁰⁷. Работа по возвращению земель постоянно корректировалась вышестоящими учреждениями, прежде всего департаментом земледелия, следившим за тем, чтобы не были нарушены интересы не только владельцев, но и крестьян-пользователей, разъяснявшим, что все находящиеся в состоянии захвата пахотные земли могут быть использованы захватчиками без согласия владельцев, «при условии обязательной регистрации использованных земель». Арендная плата за пользование захваченными землями должна была платиться владельцу земли по добровольному соглашению или определяться земельным советом⁴⁰⁸.

Значительная часть дел, намеченных к слушанию, оставалась нерассмотренной ввиду неявки заинтересованных лиц, отсутствия у истцов реальных данных о том, кто учинил «захват», «грабёж» и т. д. Комиссия была вынуждена обратиться к земским управам с просьбой сообщить сведения о земельных захватах в 1918 г., представив соответствующие списки по обществам с указанием

захватчиков и количества захваченных земель по угодьям, а также количества земель, засеянных крестьянами на частновладельческих участках в 1919 г. и приготовленных под пары 1920 г.⁴⁰⁹ Отсутствие таких сведений у уездных властей указывает на скрытое сопротивление крестьянства всей работе по регламентации «захватного» землепользования, нежелание сельской и волостной администрации (в обязанности которой входило заполнение «посевных книг» и предоставление соответствующих сведений в уездные земельные советы) сотрудничать с земельными учреждениями в деле защиты прав собственников. Департамент земледелия специально обращал внимание Курганского земельного совета на правильное истолкование должностными лицами волостного самоуправления «Правил» от 8 апреля 1919 г., которые нередко использовались крестьянами как прикрытие действий по захвату частновладельческих земель. Сам департамент ограничивал захватное пользование теми полосами, которые были засеяны крестьянами в 1918 г.⁴¹⁰ Так, комиссия постановила вернуть частновладельцу А. В. Соловьёву всю его землю ввиду того, что в текущем году она была беспрепятственно использована самим владельцем⁴¹¹.

Таким образом, работа по возвращению земель частным владельцам сдерживалась рамками колчаковского аграрного законодательства, ориентированного на компромисс с широкими кругами крестьянства, и самими возможностями режима контролировать ситуацию в деревне. Как отметил министр юстиции колчаковского правительства А. А. Старынкевич, «государственный аппарат вряд ли будет в ближайшем будущем приобрести такую мощь и силу, чтобы сказать: «крестьяне, отдайте землю прежним владельцам» или «владельцы, отдайте землю крестьянам»⁴¹². Легализацию захватного землепользования в глазах крестьян отмечали и советские земельные работники уже после освобождения края Красной армией. По их мнению, в основе земельных отношений лежал принцип – «кто что захватил и смог удержать, тот тем и владеет». Реальное значение мероприятий по «денационализации» (а точнее, передаче непосредственно не используемых крестьянами земель собственникам) состояло в ограничении новых земельных захватов.

Либеральной направленности аграрного курса объективно противоречили сами условия гражданской войны. Отсутствие необ-

ходимых товаров и дороговизна, массовые мобилизации крестьян в колчаковскую армию⁴¹³, реквизиции лошадей, фуража и различного имущества (подвод и т. д.) вели к снижению хозяйственной активности населения, перемещению его интересов из сферы производства в сферу приспособления и выживания, повышали значение общинной поддержки и взаимопомощи для всех без исключения хозяйственных групп деревни. В многочисленных газетных корреспонденциях отмечалась чрезвычайная дороговизна рабочих рук – необходимого условия ведения крупного предпринимательского хозяйства⁴¹⁴. Удобные частновладельческие земли были переобложены земскими и государственными платежами (в 3 раза в сравнении с крестьянскими), хотя, как отмечали участники состоявшегося в Кургане съезда союза земельных собственников, доходность их значительно снизилась вследствие крестьянских захватов и общей хозяйственной разрухи⁴¹⁵.

В этих условиях не достигала своей цели и другая важная составляющая аграрного курса антибольшевиков – свобода торговли, и в том числе – торговли хлебом, последовательно проводимая в интересах поддержки сельскохозяйственного производства. Показателем экономической неэффективности правительственных мероприятий в деревне стало сокращение запашки на крестьянских и частновладельческих землях, перегонка значительной части товарного хлеба на самогон и массовое пьянство сельского населения. Как сообщали сельские корреспонденты из Курганского уезда, административное руководство которого с лета 1918 г. наиболее активно боролось с крестьянскими захватами, «крестьянами в прошлом году было приготовлено чрезвычайно мало паров, в предположении, что земля у них может быть отобрана»⁴¹⁶. Тем не менее урало-сибирское крестьянство оставалось мощным производителем товарного хлеба. Урожай основной культуры – пшеницы – 1918 – 1919 гг., по данным местных статистиков, составлял 42 и 30 пуд. с десятины соответственно (тогда как в 1917 г. – 12 пуд., а в 1920 г. – 10 пуд., данные приведены по Южной части дореволюционной Оренбургской губернии)⁴¹⁷. О стремлении посевной площади к увеличению сообщали летом – осенью 1919 г., после освобождения края от белых, уездные земотделы Челябинской губернии⁴¹⁸. По данным сельскохозяйственной переписи 1920 г., посевы на территории Челябинской губернии

(включавшей в свой состав север прежней Оренбургской и Курганский уезд Тобольской губерний) составили 92,3 % от посевов 1916 г., тогда как в 1921 г. – уже около 50 %. При этом в Курганском уезде посевы 1920 г. составили 81,9 % от посевов 1916 г., а в Челябинском – даже 101,1 % (мы оставляем в стороне вопрос о точности материалов самой переписи в условиях гражданской войны и качество посевов)⁴¹⁹. По данным переписи, почти 4% крестьянских дворов губернии продолжали регулярно нанимать сроковых и постоянных работников, почти 20 % – засевали более 10 дес. земли на хозяйство, в т. ч. 1,6 % – более 25 дес., т. е. представляли собой сельских предпринимателей⁴²⁰. В целом в Сибири посевы 1920 гг. превышали посевы 1916 г. (104 %), тогда как в производящих и потребляющих районах европейской России их площадь составляла 65–70 % к посевам 1916 г. Это позволило одному из ведущих российских статистиков Л. Н. Литошенко уже в 1922 г. сделать вывод о том, что «условия существования крестьянского хозяйства в тылу белой и красной армий складывались по-разному»⁴²¹. Иными словами, «буржуазно-помещичья диктатура» оказалась гораздо менее разрушительной для деревни, чем политика советской власти с её натуральными повинностями и продразвёрсткой.

В литературе уже проводилось сравнение аграрного законодательства колчаковского и других антибольшевистских режимов. В частности, отмечалось, что правило статус-кво, сложившееся в результате земельного перераспределения 1917 г., не знало исключения в белых режимах периода гражданской войны, а аграрная политика в целом стремилась к компромиссу между крупным частным и крестьянским землевладением под обязательным контролем правительственной власти⁴²². Однако сами основания разрешения земельных дел на юге и востоке России, в «Деникии» и «Колчакии», были неодинаковы. Так, в соответствии с приказом командования Добровольческой армии от 25 июня 1918 г. «Населению Ставропольской губернии», крестьяне-захватчики должны были выдать собственникам третью часть урожая с захваченных земель⁴²³. Декларация генерала Деникина о земельном вопросе так же, как и декларация «Российского правительства», провозглашала курс на обеспечение интересов трудящегося населения, создание и укрепление мелких и средних хозяйств за счёт казён-

ных и частновладельческих земель, одновременно подтверждая сохранение за собственниками их прав на землю. За новыми собственниками земля также должна была укрепляться на правах собственности. Так же, как и на востоке России, отчуждению не подлежали казачьи, наделные и другие категории земель. Вместе с тем, в отличие от документов колчаковского совмина, деникинская декларация не была подтверждена практическими шагами по регулированию земельных отношений⁴²⁴.

Наиболее последовательную попытку реформирования земельных отношений на принципах укрепления мелкого крестьянского землевладения предпринял П. Н. Врангель. Основные документы – «Приказ о земле», «Правила о передаче земель в собственность обрабатывающих землю хозяев» и «Временное Положение о земельных учреждениях» – были приняты 25 мая 1920 г., перед наступлением в Северной Таврии. Все земельные угодья оставались в распоряжении обрабатывающих их хозяев, и закреплялись в собственность крестьян после уплаты, деньгами или натурой, ежегодно одной пятой части урожая. Помещикам было запрещено возвращаться в свои имения и занимать административные должности в местностях, где находились их имения. Основные вопросы землепользования на местах должны были решать избираемые крестьянами уездные и волостные земельные советы⁴²⁵. В сравнении с Врангелем, мероприятия колчаковского правительство могут быть охарактеризованы как «пассивное реформаторство»⁴²⁶.

Вместе с тем важно отметить известную гибкость политики омской власти, проявившуюся в сохранении роли земских учреждений и органов крестьянского самоуправления в проведении аграрных мероприятий, учёте специфики земельных отношений в урало-сибирском регионе, в т.ч. на территории Челябинского округа («Урала»), где сохранялся прежний порядок аграрного регулирования⁴²⁷) и Курганского уезда («Сибири»), где относительно последовательно проводился курс на восстановление частного землевладения), на казачьих и башкирских землях. Примером взаимодействия центральной власти и региональных институтов «контрреволюции» стало осуществление в 1918–1919 гг. аграрного реформирования на землях Оренбургского казачьего войска.

Глава 4. Подготовка и проведение аграрной реформы в Оренбургском казачьем войске

Развернувшаяся в России в 1917–1918 гг. аграрная революция поставила вопрос о реформировании земельных отношений и в казачьих войсках России. Располагавшие значительным земельным фондом на началах своеобразной бюрократической «муниципализации», казачьи войска являлись, по существу, крупными земельными собственниками, делегировавшими часть своих полномочий (право пользования) станичным и поселковым обществам. Необходимость пересмотра земельного устройства казачества обуславливалась как ликвидацией прежнего социально-политического строя, юридически закреплявшего сословную обособленность войскового населения, так и потребностями модернизации самого казачьего хозяйства, усложнением реальных земельных отношений за счёт захватного землепользования, аренды, офицерского и чиновничьего землевладения, укрепления в собственность и перепродажи некоторых категорий войсковых земель и находящегося на них имущества (садов, рощ и т. д.). Вместе с тем условия формирования и правовое оформление казачьего землевладения, особенности несения военной службы, хозяйственный уклад и экономическое положение казачества различных войск определили и различия в подходах к реформированию земельных отношений.

Особенности земельного устройства оренбургского казачества складывались под влиянием природных условий и хода военной колонизации края. Еще в XVIII веке занятия и быт отдельных общин оренбургских казаков отличались большим разнообразием. «Пропитание свое, – писал современник, – получают от жалованья и также от промыслов, которые, по различию мест, суть разные. Живущие на Оренбургской линии за недостатком удобных для земледелия полей питаются большей частью и промышляют скотоводством, а многие и торговлею. Живущие в Башкирии, в Уфимской и Исетской провинциях прилежно упражняются и с пользою в земледелии и получают от продажи избытков хлеба по линии изрядные деньги. Живущие же в собственно так называемой или существенной Башкирии имеют хорошие случаи

пользоваться звероловством, чего они не упускают делать, в рас- суждении выгодных мест, где живут сии оренбургские казаки, и удобность к приобретению того или другого чего, и службы, не требующей далеких походов, и исполнения оной не многими, и то на короткое время и вблизи жилищ своих. Казаки сии вообще зажиточные и живут лучше донских казаков»⁴²⁸. Среди занятий, особенно на юге войска, важное место также занимали рыболов- ство и извозный промысел.

В течение первой половины XIX века администрацией был предпринят ряд шагов к распространению земледелия и улучше- нию скотоводства. В 1818 г. был определен обязательный мини- мальный размер душевых наделов; в 1822 г. каждому казачьему двору вменялось засеять не менее 2 дес. хлеба и четверик овса. С 1835 г. с целью создания семенных и продовольственных за- пасов введены общественные запашки; к 1863 г. продовольствен- ный капитал достигал уже свыше 200 тыс. руб., а сбор зерновых с общественных запашек составлял свыше 2 млн пудов. В 1831 г. был образован войсковой конный завод на Общем Сырте воз- ле п. Репина, в 1851 г. преобразованный в конский рассадник и случною конюшню, в 1852 г. переведенный в район Верхнеураль- ской станицы (существовал до 1861 г.). Предпринимались было попытки создания в станицах конно-плодовых табунов, к покупке каждой станицей племенных быков, но особого успеха они не имели. С 1846 г. начались работы по «приведению в порядок», по образцу Войска Донского, войсковых лесов («боров»); в частно- сти, организация в них заповедных участков на непредвиденные потребности. Развитию сельского хозяйства содействовали так- же стабилизация военно-политической обстановки на границе с киргиз-кайсацкой степью, отмена в 1871 г. кордонной стражи и сокращение сроков службы⁴²⁹.

Началом землеустройства в войске можно считать 1867 г., ког- да было опубликовано положение о размежевании его земель. На основании произведённого тогда обследования и оценки земель (при которой учитывались средняя урожайность, стоимость об- работки, расстояние до рынков и цены) было проведено райони- рование и определены конкретные наделы для станиц и посёл- ков. В зависимости от доходности одной десятины реальный пай колебался от 18 до 48 десятин на мужскую душу. За выделением

усадебного, оброчного, выгонного и других участков в личное пользование казака поступало 40–60 % этого количества⁴³⁰.

Значительный земельный фонд и военная служба определили длительное сохранение наиболее простых, примитивных форм и методов обработки земли, скотоводства, известную небрежность казака-хозяина. Короткий полевой сезон, а также недостаток свободного времени заставляли производить все работы ускоренным темпом. Этому отвечала и структура казачьего хозяйства, хорошо обеспеченного рабочей силой, скотом, сельскохозяйственными машинами. Особенно мощными были хозяйства засушливой степной полосы, имевшие до 6 членов семьи, около 3 рабочих лошадей, 12–15 десятин посева и пр. Это позволяло создавать дополнительные запасы хлеба и фуража на случай неурожайного лета⁴³¹.

Наиболее распространенной на территории войска была залежно-переложная система полеводства, с бросанием земли на 8–10 лет. Часть земель сдавалась под пастьбу скота “киргизам” (казахам), нередко целыми аулами занимавшим земли в пределах бывшего Новолинейного района. В северной полосе войска преобладало пестрополье, с некоторым севооборотом (чередование пара, посева, покоса и пр.). Часть земель была поделена и передана в долгосрочное заимочное пользование; многие казаки жили на заимках и зимой, имея дом в поселке. Где позволяли условия (разнообразии угодий, водные источники), там постепенно возникали хутора и выселки. Рост населения станиц, увеличение расходов, связанных с военной службой, развитие рыночных отношений стимулировали освоение новых земель. С 1900 г. за 12 лет площадь распашки выросла в войске на 59 %, но в пересчете на душу населения – только на 0,65 десятин. Погоня за посевными площадями привела к сокращению сроков залежи, особенно в 1-м отделе, где не было значительных массивов свободных войсковых земель, до минимума. “Хлеба высевают друг за другом несколько лет непрерывно, пока земля не откажет в урожае. Поля засорены, расплылись, приобрели склонность к заплыванию и образованию поверхностной корки”, — писал в 1912 г. в своем докладе и.о. войскового агронома Крылов⁴³². Показателем серьезных трудностей, с которыми сталкивалось казачье хозяйство, были периодические неурожайи, ставившие и крестьянское,

и казачье население губернии (несмотря на его лучшую обеспеченность землёй) на грань голода.

К 1917 г. распаханно было 10,5 % всей земли войска, а всего в станичных наделах находилось 82,5 % земель ОКВ (в 1900 г. – 57,7 %), доля свободных войсковых земель сократилась с 36,7 % до 11,1 %⁴³³. Внутринадельное расселение сдерживала отдаленность запасных земель и, в связи с этим, высокие расходы на переезд, значительная часть этих земель представляла собою сухие, невозделанные степи. По данным войскового хозяйственного правления (1912 г.), около 80 % казаков малоземельных посёлков так и не переселились на отведённые уже дополнительные наделы. В ряде поселков 1-го и 2-го отделов на дальние поля казаки выезжали за 30–40 верст. Значительной была удаленность пашни от усадьбы и в северных районах, достигая 5–18 верст⁴³⁴.

Войсковыми учреждениями предпринимались определённые шаги по совершенствованию казачьего хозяйства, включавшие в себя законодательные меры (укрепление в собственность рощ и садов, ограничение сроков передела и др.), содействие в организации переселений (выбор и распланировка участка землемером, отпуск леса, кровельного железа в кредит), закупку на средства войскового капитала и передачу казакам, на условиях кредита, разных сельскохозяйственных орудий. По данным Т. К. Махровой, с 1898 по 1914 г. войсковое хозяйственное правление закупило для снабжения казаков сельскохозяйственных орудий и машин на сумму 1 093 581 руб.⁴³⁵ Закупки продолжались и в условиях мировой войны, причём значительная часть инвентаря приобреталась казаками самостоятельно, закупалась кооперативами и т. д.⁴³⁶

Большое внимание уделялось агротехнической перестройке казачьего хозяйства, развитию сельскохозяйственного образования и агрономии. В 1909 году в дачах Атаманского лесничества была открыта войсковая низшая сельскохозяйственная школа I разряда, рассчитанная на 20 стипендиатов и 40 своекоштных учеников, с приготовительным классом при ней (первый выпуск состоялся уже в 1912 г.)⁴³⁷. Важным шагом в этом направлении стало создание в войске участковой агрономической сети (в 1914 г. было организовано 12 участков, по 4 в каждом отделе)⁴³⁸. Становление агрономических участков, налаживание ими работы среди населения совпало с началом первой мировой войны, вызвавшей со-

крашение всех ассигнований и пересмотр структуры остающихся расходов. В условиях войны на агрономов был возложен ряд дополнительных обязанностей, прежде всего оказание помощи семьям военнослужащих по уборке урожая и засеву полей, в форме организации зерноочистительных обозов и прокатных пунктов, обслуживавших все население, в том числе бесплатно семейства призванных⁴³⁹. К 1916 г. штат агрономической организации включал 28 специалистов, в т. ч. 13 агрономов⁴⁴⁰.

Распространение агрономических знаний и навыков, техническая модернизация казачьего хозяйства были также связаны с деятельностью сельскохозяйственных обществ и кооперативов. К 1915 г. 63362 домохозяина-казака (около 73 %) состояло членами кредитных кооперативов, что значительно превышало общегубернские показатели (по данным Е. Нейфельд, к 1917 г. охват населения губернии кредитными кооперативами составлял 35 %, а их членами состояло 132 тыс. человек)⁴⁴¹. Кредитные товарищества осуществляли посредничество по снабжению производителей сельскохозяйственной техникой, устраивали прокатные пункты, зерносушилки, занимались просветительской работой, оказывали содействие развитию племенного животноводства. Важное значение имели проводимые кооперативами хлебозаготовочные операции. Только в 1914 г. ими было принято в залог пшеницы на сумму 600 тыс. руб.⁴⁴² Быстро развивалось, особенно на территории 2-го и 3-го отделов, маслоделие. Казачьи артели объединяли свыше 16 тыс. человек и входили в состав крупнейших кооперативных союзов: Сибирского союза маслодельных артелей (Курган), Союз Приуральских маслодельных артелей (Челябинск), причём в последнем они составляли большинство⁴⁴³. Казаки входили в состав и руководство крупных сельскохозяйственных обществ – Челябинского (в 1913 г. – 445 членов), Орского, Верхнеуральского, а также организуемых при их содействии местных обществ – Покровского, Учалинского, Еткульского⁴⁴⁴. К началу мировой войны вывоз зерна с войсковой территории сменился вывозом полуфабрикатов: муки, крупы, пшени, а Южный Урал превратился в один из крупных центров отечественной крупяной и мукомольной промышленности. Развивались промыслы, прежде всего – пуховязание⁴⁴⁵. О вовлечении казачьего хозяйства в рыночные отношения говорит и широкое распространение аренды – до 30 % казачьих

хозяйств арендовали землю, причём среди арендующих, по оценке войскового агронома, преобладали «средние» и «сильные» хозяйства⁴⁴⁶.

Таким образом, происходившие в казачьем хозяйстве процессы и патерналистская политика государства в отношении казачества не могут быть оценены однозначно. Хотя военная служба, шаги по сохранению корпоративной замкнутости казачьей общины, по мнению исследователей, сдерживали товаризацию казачьего хозяйства, именно организационная и материальная помощь войсковых структур играли решающую роль в процессе «рыночной адаптации казачьего хозяйства» (Т. К. Махрова)⁴⁴⁷. Важное значение имело обсуждение «войсковой общественностью» насущных вопросов казачьей жизни и, в частности, деятельность экономического совещания 1912 г., на котором была выработана программа мероприятий по укреплению и развитию хозяйства оренбургских казаков⁴⁴⁸. Ещё большей стала роль войсковых и станичных структур в условиях начавшейся мировой войны.

Разработка аграрного вопроса в 1917 г. Аграрное реформирование, развернувшееся после революции 1917 г., объединило широкую группу общественных и хозяйственных работников, представителей демократической казачьей интеллигенции, депутатов и руководителей органов казачьего самоуправления, широкий круг заинтересованных лиц на местах. Работу по подготовке реформы непосредственно возглавили руководители соответствующих отделов управы и члены войскового правительства, в частности, руководитель землеустроительного отдела И. Леонтьев, чиновник хозяйственного правления, затем – член войскового правительства А. Выдрин, агроном 1 военного отдела К. Каргин, член войсковой управы, бывший землемер, депутат I Государственной Думы Т. Седельников и др.

Проведение реформы было тесно увязано с общегосударственным разрешением ряда других вопросов: сохранением обособленности («самобытности») казачьих областей и организацией управления ими, кругом полномочий и прав войска как казачьей общины. Разногласия по этим вопросам имелись внутри самого войскового сословия, где, наряду со сторонниками особой казачьей автономии, сформировалось течение за уравнивание казаков в правах с другими сословиями («саморасказачивание»), пользо-

вавшееся поддержкой казаков-фронтовиков, части казачьей интеллигенции и рядового казачества некоторых войск, например, Сибирского⁴⁴⁹. Временное правительство выступало за создание в казачьих областях гражданского самоуправления, сохранив в компетенции казачьих учреждений отдельные вопросы, связанные с выходом казаков на военную службу, распоряжением войсковыми капиталами и имуществами.

Позиция верхов оренбургского казачества определилась уже в первые месяцы 1917 г., и нашла своё отражение во «Временном положении о самоуправлении», принятом на 1 Войсковом Круге, и предполагавшем создание общего самоуправления («войскового земства») для казачьего и неказачьего населения, причём основу этого самоуправления должны были составить существующие казачьи учреждения: поселковые и станичные сборы, окружные съезды и Войсковой Круг. Территория войска должна была составить отдельную административно-территориальную единицу по образцу Донского, Кубанского и Терского войск. Представления о войске как единой казачьей общине повлияли и на разработку земельного вопроса.

До 1917 г. правовой основой казачьего землевладения оставались «Законы о поземельном устройстве казачьих станиц». При этом существовавшая «муниципализация» казачьих земель ограничивала как право станиц на владение и пользование землёй («под неусыпным контролем хозяйственного правления»), так и право самого войска на распоряжение его землями. Войско, признанное в 1913 г. юридическим лицом, одновременно, по определению Сената, оставалось «государственным учреждением», подконтрольным казачьему отделу Главного штаба и Военному Совету, выступавшему высшим законодательным органом для населения казачьих земель⁴⁵⁰. На территории войска сформировалось значительное частное землевладение, оказавшееся фактически вне юрисдикции войсковых учреждений. До 1906 г. земли и леса ОКВ находились на ином положении, нежели в старых казачьих войсках: Донском, Кубанском, Терском (в последних они составляли “неприкосновенное войсковое имущество”)⁴⁵¹. С 1875 по 1887 гг. офицерами и чиновниками Оренбургского казачьего войска было приобретено в наследственное владение (“потомственную собственность”) около 600 тыс. дес. земли, значитель-

ная часть которой была распродана в руки лиц невойскового сословия. В 1903–1906 гг. вышли дополнительные законодательные акты, подтвердившие права офицеров и чиновников войска на довольствие землёй из станичных юртов. В 1912 г., по данным М. Д. Машина, офицеры и чиновники войска владели более чем 500 тыс. дес. земли, причём процент офицерских и чиновничих земель, как и сами размеры отводимых им наделов были значительно больше, чем в других казачьих войсках⁴⁵². Вместо лучших и расположенных вблизи посёлков земель, отводимых офицерам и чиновникам, казачьи станицы нередко получали неудобные и удалённые, что вело к дальнотемелью (станция Павловская, протяжённость надела которой составляла больше 50 верст, тогда как вокруг самой Павловки располагались офицерские участки), уменьшению количества выгонов (Кардаиловская, Сакмарская, Краснохолмская станицы), лесов (Богуславская, Кизильская, Таналыцкая), лугов (Николаевская, Михайловская, Наследнинская), удобных водопоев (Уйская)⁴⁵³. Из станичных юртовых земель каждой церкви отводилось 300 дес. земли и до 140 дес. – для причта⁴⁵⁴. В собственность лиц войскового и невойскового сословия передавались разводимые ими сады и лесные насаждения, причём участки, занятые садами или рощами, не могли быть зачислены казаку в паевой надел⁴⁵⁵. Только в 1906 г. вместе с объявлением оренбургским казакам Монаршего Благоволения были подтверждены права войска на вечное владение его землями в беспорных границах (с ограничениями в пользовании недрами)⁴⁵⁶. Таким образом, превращение войска в самостоятельного субъекта землевладения до революции так и не было завершено, право казаков на пользование землёй (и казачества в целом на занимаемые им земли) оставалось увязано с несением казаками военной службы и выполнением ими роли одного из охранительных устоев самодержавия. В условиях революции требовался пересмотр всей нормативно-правовой базы казачьего землевладения и землепользования.

Проект решения земельного вопроса, подготовленный в 1917 г., был проникнут своеобразной сословной уравнительностью. Земли войска, включая недра, объявлялись состоящими в достоянии всего войскового населения, и отчуждаться в частную собственность не могли. Ввиду того, что земля должна была при-

надлежать только трудовому народу, и предметом купли-продажи служить не может, – говорилось в докладе земельной комиссии I Круга, – офицерские, частновладельческие участки, земли немецких колонистов, сельскохозяйственных товариществ и крестьянских обществ (бывшие офицерские) должны быть отчуждены в пользу войска на основаниях, принятых Учредительным собранием; с сохранением трудовой нормы за владельцами и без права продажи на сторону помимо войска. Монастырские, церковные, лагерные и другие земли, как утратившие значение (! – П. Н.), должны были быть возвращены в войсковой земельный фонд. Причтовые земли возвращались тем посёлкам, из земель которых они были отведены. Главной целью этих положений было закрепление права войска, в лице Круга и Войскового правления (позднее – Войскового правительства), на земли в условиях революции и пересмотра самого статуса войскового сословия, стремление освободить казачье землепользование от опеки военной бюрократии, сохранив решение основных вопросов в руках войскового чиновничества и станичных верхов, игравших главную роль в казачьем самоуправлении.

В апреле 1917 г. Временное правительство разослало по войскам телеграмму о сохранении собственности на землю до Учредительного собрания⁴⁵⁷. Подтверждая права частных собственников, общественных и государственных учреждений на землю, она давала гарантии неприкосновенности и казачьего землевладения. Со своей стороны, представители войска заявляли, что земля приобретена им по “праву завоевания”, а не на основе царского пожалования, подчёркивая усилия казачества по военной колонизации, защите и хозяйственному освоению территории Южного Урала⁴⁵⁸. Защита прав войска на землю должна была стать одной из самых важных задач казачьих депутатов в Учредительном собрании.

Другой важной частью реформы было проведение широкого землеустройства, с целью изменить существующий в войске порядок использования земли, систему полеводства и сам облик казачьего хозяйства.

К 1 января 1917 г. мужское население войска составляло 267276 душ, а нормы душевого надела, с учётом запаса, выглядели по отделам так: I – 15,5 (условных десятин), II – 23,5,

III – 21,5 десятины, а в целом по войску 20,5 десятины. Всего в границах ОКВ числилось 7448304,8 десятин земли, в том числе 6940579,9 десятин в фактическом владении населения (6116095,1 наделных и 824484,8 запасных), 474407 десятин офицерских участков, в том числе 410169 закреплённых в частную собственность, и др.⁴⁵⁹ Право на наделение землёй должны были получить все лица войскового сословия без различия полов и возраста (по достижении 10 лет; на I круге этот пункт вызвал возражения и был отправлен на доработку). Общего для всего войска порядка землепользования устанавливать не предполагалось, решение вопроса об этом передавалось самим посёлкам и хуторам, а точнее, поселковым и хуторским сборам. В основу реформы предполагалось положить принцип приближения земледельца к его полю, а её итогом должно было стать установление в войске долгосрочного наследственного пользования землёй. Первым шагом к этому могло стать увеличение сроков переделов с 12 лет до 50, и более, как это было сделано в некоторых посёлках 3 отдела, чем устанавливался бы наследственный порядок землепользования. Другим должно было стать устройство отрубного хозяйства, хотя бы частичного, «неполного», а также расселение станиц на небольшие (в несколько дворов) хутора. Особенно это было актуально для поселков I и части II отделов, многие из которых имели свыше 1000 дворов и 50–60 тысяч десятин надела и, вследствие такой неравноценности угодий, были подвержены частым переделам.

Перемена в землепользовании должна была повлечь за собой улучшение приёмов ведения хозяйства и агрономической культуры казачьего населения. Попутно решались вопросы, связанные с развитием транспортной и сельскохозяйственной инфраструктуры (строительство дорог, колодцев, сооружение элеваторов). Основные расходы по проведению работ брало на себя войско, предусматривались льготные кредиты для переселяющихся и т. д.⁴⁶⁰ О своём желании изменить порядок землепользования, расселиться и т. п., заявили многие станицы войска. Начало землеустроительных работ было намечено на лето 1918 г.

Таким образом, программа реформы, вместе с другими шагами по переустройству жизни казачества – пересмотром сроков и условий военной службы, изменением управления казачьи-

ми областями и т. д. – выдвигала на первое место хозяйственные, земельные интересы казачества, открывала дорогу для превращения его из сословной в региональную социально-территориальную общность. В отличие от закреплённого в до-революционном законодательстве взгляда на надел как прежде всего условие для “исправного выхода на службу”, такой подход предполагал эволюцию казачьего хозяйства в сторону высокодоходного товарного производства, тесно связанного с рынком через систему кооперативных связей. Вместе с тем разработчики реформы не предлагали немедленного отказа от сословного, корпоративного начала (муниципализация земли и ограничения в использовании её казаками), что придавало реформированию земельных отношений противоречивый характер, пытались сочетать накопленный в стране и войске опыт землеустройства с традиционным, общинным укладом массы казачества и настроениями революционной уравнительности.

В основу земельной реформы должна была лечь новая переоценка и районирование казачьих земель, по масштабам аналогичная той, которая была проведена в 60–70-е гг. прошлого столетия, и на 50 лет определила земельное устройство ОКВ. С 1915 г. на гражданской (неказачьей), с 1916 г. – на войсковой территории губернии начала свои работы почвенная экспедиция профессора Неуструева. Обследование приобрело комплексный характер, включая изучение почв, рельефа, климата, растительного покрова, форм хозяйствования. В 1917 г. было решено перенести центр экспедиции из Петрограда в Оренбург, где были устроены библиотека, музей, разборочная, позже – лаборатория. Вместе с данными переписей 1916 и 1917 гг., которые разрабатывались организованным в 1917 г. оценочно-статистическим отделом, материалы экспедиции должны были послужить основой для выработки трудовых земельных норм, а также вывода оценочных норм доходности земли⁴⁶¹. С лета 1918 г. экспедиция действовала на правах почвенного отдела Войскового правительства. Недостаток времени и средств, продолжающиеся военные действия вынудили сократить объём работ как на казачьей (1 и 3 округа), так и на гражданской территории. К началу 1919 г. было обследовано около половины земель войска, в том числе весь первый округ, и больше половины губернии в целом. Оставшиеся работы

предполагалось завершить в 1919–1920 гг., в том числе гипсологические, геологические и ботанические – в 1919 г.⁴⁶²

Важное место при подготовке аграрного переустройства отводилось пропаганде и популяризации земельно-мелиоративных и сельскохозяйственных улучшений. Состоявшиеся осенью 1917 г. окружные съезды высказались за развитие мелкоучастковой агрономии, открытие новых сельскохозяйственных школ и ремесленных отделений при училищах и другие культурные начинания, широко поддержанные казачеством на местах. В 1918 г. предполагалось открытие 3 низших сельскохозяйственных училищ: в Никольском поселке Челябинской станицы, Катенинском поселке Николаевской станицы, в одном из поселков около Орска и сельскохозяйственной школы 1-го разряда в поселке Сухтеленском Степной станицы⁴⁶³.

Согласно резолюции 1-го войскового круга, войсковая управа с 5 июня 1917 г. занялась предварительной разработкой земельного вопроса. Было образовано совещание из заведующих отделами: горным, лесным, агрономическим, поземельноустроительным и инженерным (строительным), под председательством члена управы Т. И. Седельникова. Работа совещания регулярно докладывалась в заседании управы и ревизионной комиссии, с участием всех заведующих отделами и приглашенных специалистов от управления госимуществ, крестьянского банка, губернской чертёжной и переселенческого управления, а также почвоведов, геологов, гидротехников экспедиции профессора Неуструева. К ноябрьскому Кругу и Учредительному собранию предполагалось издать книгу о земельном вопросе в ОКВ, и путях его разрешения⁴⁶⁴.

Регулирование текущих земельных дел было сосредоточено в руках временных войскового, окружных и станичных земельных комитетов. 28 июня 1917 г. на Войско, решением правления, было распространено «Положение о земельных комитетах» от 21 апреля 1917 г., сообразно его административно-территориальным особенностям. Организация их растянулась почти на 3 месяца. В состав временного войскового земельного комитета вошли 3 члена войсковой управы, ревизионной комиссии, несколько заведующих отделами, представители округов. Возглавили его член управы И. Шангин и руководитель землеустроительного отдела И. Леонтьев. Соответственно строились временные комитеты в

округах, в них входили представители правления, агроном, заведующий оброчными статьями, лесничий, представители ближайших станиц. До утверждения «Положения» о войсковых комитетах и ассигнования на них денег, большинство их членов исполняли свои обязанности безвозмездно⁴⁶⁵. В составе станичных земельных комитетов были представлены все слои казачества, от бедных казаков до предпринимателей и торговцев, а также разночинцы, с преобладанием состоятельного, зажиточного казачества⁴⁶⁶.

Опубликованный «Наказ окружным земельным комитетам», разъяснения, сделанные в июле-августе 1917 г. руководством 1-го округа в ответ на запросы с мест, позволяют охарактеризовать их позицию и деятельность. На земельные комитеты – прежде всего окружные – возлагался учёт свободных казачьих, войсковых и частновладельческих земель, их равномерное распределение между местным населением и арендаторами (путём сдачи в аренду, причём подчёркивалась важность добровольного соглашения; в крайнем случае – с разрешения окружного комитета), регулирование арендных цен, информирование населения и пр. В то же время, до Учредительного собрания, оставались в силе прежние правила землепользования. Таким образом, круг полномочий комитетов был весьма значительным, действовавшая законодательная база – достаточно противоречивой, требовавшей детального вхождения в каждое конкретное дело. Для немногочисленных станичных, окружных и войскового земельных комитетов, работа сотрудников которых, и без того перегруженных своими прямыми обязанностями, даже не оплачивалась (кроме технического персонала), выполнение подобного регулирования должно было представлять сложную, почти неразрешимую задачу. Собственно говоря, так оно в тот период и было, к разрешению многочисленных земельных споров и конфликтов привлекались представители различных учреждений, в некоторых случаях на места выезжали даже члены Войскового правительства.

Одним из основных направлений в их деятельности стало пресечение самовольных земельных захватов и стихийного пересмотра сложившихся порядков землепользования. Жители Донецкой станицы, например, захватили и разделили между собой и соседними крестьянами офицерские участки – выделенные в своё

время из общих войсковых угодий. Зачастую с мест сообщали об упадке дисциплины, деморализации, неподчинении властям. На местах заменяли лесную стражу из разночинцев, проработавших по 10–15 лет, «своими» казаками. В ряде лесничеств стражники, вместе с группами казаков, «смещали» неугодных им чинов администрации. Некоторые общества поспешили лишить надела казаков, не проживавших («отсутствовавших») в станицах, хотя проект I круга утверждён ещё не был⁴⁶⁷. Одновременно максимально упрощался порядок использования населением войсковых свободных земель и оброчных статей. В частности, была разрешена сдача населению войсковых оброчных статей хозяйственным способом не только под пастьбу и сенокос, но и распашку, сроком на один год (короткий срок прямо указывает на вынужденность такой меры)⁴⁶⁸.

20 сентября 1917 г. открылся Чрезвычайный войсковой круг, одним из главных вопросов на котором были отношения казачества и центральной власти. В одном из заседаний круг постановил: «Оренбургское казачество остаётся вольным, свободным братством, сохраняя свою самобытность, право на свои земли, недра и прочие угодия и собственное ...самоуправление, где хозяином войска является войсковой круг»⁴⁶⁹. Сделано это было накануне выборов и открытия Учредительного собрания.

Атаманом войска и главой Войскового правительства на Круге был избран А. И. Дутов, решительный противник «революционной анархии», что привело к оформлению демократической оппозиции, представленной рядом видных казачьих деятелей (член первой войсковой управы и депутат Круга Т. Седельников, член Войскового правительства М. Копытин, войсковой секретарь А. Завалишин) и частью депутатов Круга⁴⁷⁰. Однако по основным вопросам войскового строительства и сторонники, и противники «жёсткого» курса атамана в тот момент придерживались, по существу, сходных позиций, в т.ч. и в вопросе о земельной реформе⁴⁷¹. Взгляды радикальной части казачества, близкой к большевикам и левым эсерам, выступавшим за национализацию казачьей земли, а не передачу её в собственность казачьих войск (протокол Центрального совета казаков и заявление группы казаков – делегатов Всероссийского Учредительного казачьего съезда Союза казачьих войск от 22 июня 1917 г.), не получили поддержки в органах

казачьего самоуправления и среди самого казачества на местах. За передачу земли казачьим войскам высказался фронтовой казачий съезд, состоявшийся в Киеве в ноябре 1917 г.⁴⁷²

Казачество и советская власть. Политический кризис в Войске, прекращение деятельности Войскового правительства и установление советской власти на большей части территории губернии непосредственно отразились на проводимой в крае аграрной политике.

Попытка казаков сохранить в рамках советов внутреннее самоуправление и, хотя бы до завершения специального обследования, “сохранить обособленность и единство войсковой территории” (предложение земельно-лесной комиссии 1-го окружного съезда)⁴⁷³, как известно, не была принята руководителями советской власти в крае. Сформированный в Оренбурге Временный Совет Оренбургского казачьего войска был распущен, а его лидеры – Т. И. Седельников и М. П. Копытин, а также редактор газеты «Казачья правда» Н. Ф. Турчанинов были арестованы за «агитацию против большевиков»⁴⁷⁴. Управление 1-го округа почти в полном составе отступило в Уральск, правление 2 во главе с атаманом округа В. Н. Захаровым вместе с Войсковым правительством отступило в Тургай⁴⁷⁵. Руководство 3 округа во главе с избранным на съезде в станице Коельской войсковым старшиной А. Н. Половниковым попыталось организовать сопротивление большевикам, однако формируемые в станицах дружины оказались небоеспособны, а принудительно мобилизуемые отряды из молодежи расходились по домам. На местах преобладали растерянность, выжидательные настроения и желание уклониться от участия в гражданской войне. Половников, а затем избранный новым атаманом на чрезвычайном окружном съезде в станице Кособродской фельдшер И. С. Терещенко были арестованы и позднее, в июне 1918 г., расстреляны большевиками. Только в марте 1918 г. на состоявшемся в Троицке уездном съезде, в условиях боевых действий против дутовцев, подступивших к городу, представители казаков вошли в состав уездного совета. К этому времени раскол казачества стал свершившимся фактом. Делегаты уездного съезда, на котором преобладали фронтовики (объявление о созыве съезда ориентировало местные власти и население на выборы делегатов с «демократическими взглядами»), призна-

ли власть советов и роспуск Учредительного Собрания. Одновременно со съездом в окружавших город казачьих посёлках стали формироваться «дружины самообороны», ориентировавшиеся на Войсковой Круг⁴⁷⁶.

Предложение казачьих деятелей оставаться на платформе «трудового казачества» и не примыкать «ни к одной из политических партий», прозвучавшее на 1-м губернском съезде советов, не устраивало руководство губернии, взявшее курс на фактическое упразднение войскового сословия. Съезд принял решение «деньги существующей казачьей власти не давать, совет казачьих депутатов 1 округа распустить»⁴⁷⁷. Созданный после съезда казачий отдел во главе с «комиссаром по ликвидации Оренбургского войска» Н. П. Захаровым объявил себя высшим исполнительным органом в войске. «Инструкция для руководства комиссаров войска Оренбургского», принятая за подписью членов казачьей секции при губисполкоме Захарова и Галина определяла, что основными целями комиссариата является созыв съезда трудового казачества, реорганизация, а фактически – чистка аппарата войскового управления и штаба, с передачей замеченных в «контрреволюции» суду, организация на местах советской власти и проведение в жизнь решений губернского съезда⁴⁷⁸. Одновременно с этим с конца марта 1918 г. в станицах 1-го округа разворачивается повстанческое движение под лозунгом изгнания большевиков с казачьей территории и невмешательства (автономии) казачества, во главе со Съездом объединённых станиц⁴⁷⁹.

На севере Войска в качестве органа общественного самоуправления казачества выступил Челябинский казачий круг. Создание Круга началось в декабре 1917 г., вскоре после установления советской власти в Челябинске и Троицке (в последнем, являвшемся окружным казачьим центром, вооружённым путём), в условиях развернувшегося политического и военного противостояния верхов Оренбургского казачьего войска и нового руководства страны («Дутовщина»). Организаторами Челябинского круга выступили представители демократической казачьей интеллигенции и фронтового казачества, находившиеся в оппозиции к атаману А. И. Дутову и его окружению. В конце декабря состоялось совещание делегатов «подгородных» посёлков и станиц Челябинского уезда, с участием представителей уездного военно-революционного

комитета, где было высказано положительное отношение к переходу власти в руки советов и прозвучала резкая критика курса войскового руководства «на развязывание гражданской войны». В начале января 1918 г. сформировано руководство Круга, в состав которого вошли братья Н. и Г. Арнольдовы, Е. Арнольдова, П. В. Анфалов, один из организаторов и руководителей казачьей демократической партии Л. П. Шахматов и др.; возглавил Круг герой мировой войны, полный георгиевский кавалер, урядник 3 Самаро-Уфимского полка И. В. Пашнин. Представители челябинского казачества участвовали в 1 и 2 съездах крестьянских и казачьих депутатов (январь и февраль 1918 г.), в результате которых был создан уездный совет крестьянских и казачьих депутатов. Ряд делегатов Челябинского казачьего круга, в т. ч. И. В. Пашнин (как представитель своей части) присутствовали на II Чрезвычайном Войсковом Круге, состоявшемся в феврале 1918 г. в Верхнеуральске под председательством А. И. Дутова⁴⁸⁰.

В рамках деятельности Челябинского казачьего круга была начата работа по организации Челябинского округа Оренбургского казачьего войска. В январе 1918 г. избрана временная окружная управа, в феврале вопрос об округе получил поддержку казачьих депутатов уездного съезда советов, но, в связи с признанием советской власти и вхождением представителей казачества в состав исполнительного комитета Челябинского уездного совета рабочих, крестьянских, казачьих и солдатских депутатов (март 1918 г.), решение о создании округа не было проведено в жизнь⁴⁸¹. В состав объединённого исполкома вошло 8 представителей казачества, в т.ч. и некоторые руководители Круга: Н. и Г. Арнольдовы, Г. И. Смолин, И. А. Ушаков, П. А. Печёнкин, Н. Коновалов и др.⁴⁸² В то же время казачьи лидеры стремились сохранить известную политическую самостоятельность. Под председательством Л. П. Шахматова в апреле 1918 г. состоялся съезд фронтовиков, и была предпринята попытка создания собственных (под флагом красного казачества) вооружённых формирований, не встретившая поддержки со стороны уездного руководства. Усиление антиказачьей направленности в политике советской власти и рост напряжённости в казачьих станицах, политические разногласия, недоверчивое и враждебное отношение к казакам со стороны многих представителей местного большевистского руководства способ-

ствоvalи постепенному отходу демократически настроенных казачьих деятелей от сотрудничества с новой властью. Ситуация особенно обострилась после гибели в ст. Изобильной председателя Оренбургского ВРК С. М. Цвиллинга (2 апреля 1918 г.) и новой вспышки вооружённого противостояния на юге губернии.

К апрелю 1918 г., несмотря на вхождение представителей казачества в уездные органы советской власти, политическая ситуация на севере Войска продолжала оставаться сложной. Во многих посёлках 3 округа формировались партизанские отряды; на местах сложилась ситуация «поселкового двоевластия» (Т. К. Махрова), когда, вынужденно уступив руководство станичными и поселковыми учреждениями демократически настроенным фронтовикам, антибольшевистская часть казачества сохранила своё влияние в местной общественной и экономической жизни. Только перевес в силах и отступление Дутова в Тургай позволили большевикам и их союзникам установить политический контроль над северными районами Войска, и приступить к реорганизации жизни на «советских началах»⁴⁸³.

К середине марта 1918 г. большинство учреждений ОКВ прекратили свою деятельность, либо так и не восстанавливались после оставления Оренбурга А. Дутовым. Ряд подготовительных работ проводились землеустроительным отделом – до 4 апреля, когда помещение отдела и квартира его руководителя И. Леонтьева подверглись разгрому, а большинство сотрудников скрылись⁴⁸⁴. Заведывание войсковым имуществом и земельное дело частью сосредоточилось в руках исполнительного комитета 1-го округа, при котором существовал совет заведывающих отделениями управления округа, а также в руках губернского, уездных и станичных земотделов, в состав которых на местах входили как казаки, так и представители крестьян, мусульман, разночинцев. В основу землепользования были положены соответствующие пункты декрета о земле и «основного закона о социализации», в духе которого были приняты постановления губернского и уездных съездов⁴⁸⁵.

Проживавшее в станицах иногороднее население («разночинцы») зачислялись в общества и в большинстве случаев были наделены землей, либо были должны получить её при дополнительном наделении из войсковых, казённых и частновладельческих

земель⁴⁸⁶. Общее число разночинцев, по сведениям войсковых учреждений, составляло около 80 тысяч, большая часть которых проживала во 2-м и 3-м округах, наиболее обеспеченных в земельном отношении, многие занимались неземледельческими промыслами и ремёслами⁴⁸⁷. Вместе с тем, по подсчётам Н. В. Булатовой, сделанным на основании подворных карточек переписи 1917 г., среди разночинцев, проживавших на казачьих землях, сложилась значительная (свыше 20 %) прослойка многосеющих хозяйств, весьма активно, наряду с казачьей верхушкой, занимавшаяся хозяйственным освоением войсковых земель⁴⁸⁸.

Сложнее складывались отношения казаков с крестьянским населением, традиционно арендовавшим свободные войсковые и станичные земли. Вовлечению запасных и части казачьих наделных земель в арендные отношения способствовали низкие арендные цены, причём в условиях войны и сокращения хозяйственной активности казачества, а также спроса на землю «посторонних» арендаторов цены понизились с 3–5 руб. до 70 коп. за дес.⁴⁸⁹ Часть участков, арендовавшаяся постоянно, специально отводилась к границам соответствующих крестьянских обществ и товариществ, многие зажиточные крестьяне имели там свои заимки; во многих посёлках существовала практика сдачи в аренду крестьянам участков пашни бедных казаков, плата за которые шла в пользу общества в счёт погашения долга⁴⁹⁰. Вопрос о переходе этих земель в руки крестьян поднимался весной 1918 г., когда значительная часть соответствующих угодий была взята на учёт земельными комитетами соседних крестьянских волостей для распределения среди населения⁴⁹¹. «Захваты» войсковых и станичных земель возбуждали казачье население, что, наряду со стремлением казачества сохранить обособленность казачьего землевладения, а также неопределённым отношением к советской власти придавало противостоянию двух групп земледельцев политическую окраску⁴⁹². На состоявшемся в Троицке уездном съезде делегаты-казаки настаивали на признании в качестве уездного органа власти окружной управы или казачьего совета, а также сохранении контроля со стороны казачества над принадлежащими ему землями. Создание уездных советов с участием представителей казачества стало результатом компромисса, предполагавшего сохранение юртовых (наделных) земель в распоряжении станич-

ных и поселковых обществ. Удовлетворение потребностей безземельного и малоземельного населения предполагало за счёт войсковых (запасных) и частновладельческих земель⁴⁹³.

В связи с возвращением с фронта казаков-фронтовиков, хозяйство которых за время войны пришло в упадок, в станицах и посёлках был поставлен вопрос о перераспределении земли, значительная часть которой уже была запарена, подготовлена к посеву и засеяна, в т. ч. – крестьянами-арендаторами соседних селений. С организацией казачьих советов в апреле – мае 1918 г. земельный вопрос стал одним из основных в их деятельности. Так, в Усть-Уйской станице перераспределение заарендованных крестьянами земель среди казаков и разночинцев осуществлялось при поддержке местной советской власти⁴⁹⁴. Был взят на учёт участок крупного предпринимателя, мукомола и торговца, купца первой гильдии М. К. Краснопеева (свыше 1000 дес.), из которого предполагалось выделить землю рабочим и служащим принадлежавшей Краснопееву паровой мельницы (50 человек с семьями)⁴⁹⁵. В ряде случаев решения о наделении проживавших на казачьих землях крестьян из свободных участков и земель «отсутствовавших» (не имеющих осёдлости) казаков принимались непосредственно на поселковых собраниях, к посеву допускались бедные казаки и крестьяне других посёлков. В этом можно видеть влияние революционно настроенной части фронтовиков, выступавших за переустройство сложившихся земельных порядков. Совет Еманжелинской станицы даже лишил «стариков», игравших важную роль в традиционной станичной верхушке, права на землю. Как жаловались в уезд 25 мая 1918 г. казаки старше 60 лет (35 человек), у них отобрали землю, тогда как они могут работать самостоятельно либо с семьями. За передачу излишка земли безземельному населению без различия сословия для производства посева по трудовой норме выступал и Челябинский уездный земельный комитет, а затем – и земельный отдел, пополненный представителями казаков⁴⁹⁶. Вместе с тем уравнительная по своему характеру земельная политика новой власти сталкивалась с пассивным сопротивлением казачества. Так, фактически сорванным оказался земельный районный съезд в станице Еткульской в мае 1918 г., а командированный в Еткульскую член уездного земельного отдела, казак Г. И. Смолин

был вынужден ограничиться частным совещанием с приехавшими делегатами⁴⁹⁷. Тем не менее, начавшееся перераспределение частновладельческих, войсковых и казачьих земель нанесло серьёзный удар по отношениям собственности и сословной обособленности казачьего землевладения.

Аграрная политика войскового правительства в годы гражданской войны. В июле 1918 г. Войсковое правительство возвратилось в Оренбург. В течение июля – августа проходило восстановление учреждений и органов войска, ведавших земельным делом, аппарата лесничеств и пр. Многие сотрудники отсутствовали, другие возвращались прямо с театра боевых действий. Значительная часть инвентаря была расхищена или передана в те или иные советские организации, помещения отделов были заняты воинскими частями и т. д.⁴⁹⁸

Большое количество трудоспособного населения, прежде всего – молодёжь, а также домохозяева (составлявшие основу поселковых сходов), было призвано в действующую армию, что не могло не отразиться на самой возможности проведения земельного переустройства. В октябре 1918 г. в рядах только дутовских войск было около 22 тысяч человек; несколько казачьих полков находились в составе войск Комуча и сибирской армии⁴⁹⁹. Мобилизационная нагрузка, приходившаяся на казачество, намного превышала соответствующую нагрузку среди гражданского населения. Так, к декабрю 1918 г. на гражданской территории было призвано только 2 возраста, тогда как казаки мобилизовали 15 возрастов⁵⁰⁰. На 1919 г. в документах Войскового правительства указывалась цифра в 60 тысяч человек в частях, штабах, управлениях и учреждениях войска; в другом источнике – около 50 тысяч⁵⁰¹. По мере приближения фронта из станиц привлекалось почти все годное к военной службе мужское население – в качестве строевых, обозников и т. д., от 17 и до 55 лет. В результате боевых действий казачье хозяйство постоянно испытывало нужду в рабочих руках, сократилось поголовье рабочего скота и посевные площади⁵⁰².

В этих условиях на первый план выдвинулись экстренные, наиболее необходимые меры – организация помощи посёлкам в уборке хлебов (для чего организовывались «технические отряды», с весны 1919 г. согласно постановления круга, даже артели для совместной обработки, построенные на добровольных на-

чалах), размещение и устройство беженцев, главным образом на территории 3-го и 4-го округов, и т. д.⁵⁰³

Работа всех отделов правительства, связанных с землеустройством и землепользованием, была сокращена до практически осуществимых мероприятий. Так, намеченные на 1918 г. землеустроительные работы практически не проводились, за исключением нескольких станиц 1-го округа, прежде всего – пострадавших от обстрелов («сожжённых»), которых пожары подтолкнули ходатайствовать о расселении. В августе 1918 г. Войсковым правительством была утверждена специальная инструкция, в которой рассматривались вопросы разделения земель крупных станичных и поселковых обществ на несколько самостоятельных наделов. Были проведены гидротехнические изыскания на наделах Верхне- и Нижнепавловской станицы, Григорьевской станицы, и рекогносцировки в Татищевской и Угольной⁵⁰⁴. В 3 из них были направлены землемеры. В Павловской конфликтующим сторонам не удалось достигнуть согласия, в Татищевской дело встало за отсутствием рабочих рук. В Донецкой станице, где за раздел выступала меньшая (1/3) часть жителей, не удалось собрать полномочный сход⁵⁰⁵. Реальный опыт этих первых расселений выпукло продемонстрировал основные преграды, с которыми должно было столкнуться землеустроительное дело в будущем. В докладе, подготовленном войсковой земельной комиссией для 3-го Чрезвычайного круга, предлагалось немедленно издать особое постановление, которое, давая широкий простор в распоряжении землями казачеству на местах, в то же время «не давало бы станичным и поселковым обществам чинить отдельным домохозяевам препятствия к выходу на хутора и мелкие посёлки» на более продолжительный срок, и с преимущественными правами на получение выделенного участка при последующих переделах⁵⁰⁶.

Так, в отношении станицы Павловской было подготовлено три проекта раздела, один из которых, если бы согласия обоих обществ не было достигнуто, мог быть осуществлён принудительным порядком властью Круга (хотя комиссия круга и признала принудительные выделы нежелательными). В 1919 г. отдел планировал расширить проведение работ, поскольку требования о производстве землеустройства поступили от посёлков всех округов войска.

Разделение земельных наделов должно было привести к увеличению количества самостоятельных посёлков и децентрализации распоряжения надельными казачьими землями, что непосредственно затрагивало интересы станичной верхушки и зажиточного казачества крупных посёлков, в руках которых концентрировалось распределение и использование юртовых угодий. Так, жители Песчанского выселка Нижнеуфельской станицы (60 домохозяев и 384 души обоего пола), обратившиеся в правительство с ходатайством о выделении особого надела и создании самостоятельного поселкового управления указывали, что их земельные пай, находившиеся среди земель Нижнеуфельского посёлка, использовались нижнеуфельским казаками. В сентябре 1918 г. Войсковое правительство предложило произвести раздел нижнеуфельского надела и между остальными выселками. Для производства раздела был необходим приговор со списками душ мужского пола разделяющихся обществ «до 1 февраля 1919 г., а о принципиальном согласии - немедленно». Между тем собрание гласных станицы дважды – в октябре 1918 г. и в апреле 1919 г. – отклонило землеустроительные работы в 1919 г. «в виду тревожного времени» (жители выселка в феврале 1919 г. подтвердили стремление к созданию самостоятельного посёлка)⁵⁰⁷.

Выделение посёлкам дополнительных наделов и переселение туда части казаков, как показывал уже дореволюционный опыт, также могло столкнуться со значительными трудностями. Многие удобные земли войскового запаса арендовались местным крестьянским и казачьим населением, часть арендаторов образовала на этих землях самовольные хутора и заимки⁵⁰⁸. В условиях революции права подобных арендаторов – «фактических владельцев» – уже принимались органами казачьего самоуправления во внимание, что делало невозможным «освобождение» казачьей земли путём простого сгона крестьян. Иногда казаки и крестьяне, арендовавшие свободные войсковые земли, оказывали прямое противодействие переселяющимся. Так, группа казаков-калмыков предприняла попытку переселения и создания особого посёлка на р. Тогузак. Ходатайство казаков о переселении было поддержано Войсковым правительством, а затем и советскими властями, однако переселению помешали действия казаков соседних посёлков⁵⁰⁹.

Откладывание официальных землеустроительных работ не могло задержать само расселение казаков на наделных землях, инициированное на местах и поддержанное казачьими властями. Косвенным подтверждением этому служит факт разделения и расселения некоторых многодворных станиц (Павловской, Сакмарской) в годы гражданской войны «самостоятельно, не дожидаясь разрешения сверху», как это отметил в 1920 г. земотдел Оренбургского губисполкома⁵¹⁰.

Изменения в казачьем землепользовании в результате первых советских аграрных преобразований, начавшаяся гражданская война заставили органы казачьего самоуправления и земельные учреждения обратиться к комплексу вопросов текущего регулирования землепользования, а также выработки основ земельной политики. Первые постановления Войскового правительства по земельному вопросу, а также постановления окружных властей, были выдержаны в близком Комучу духе. Вступив в члены Комуча, атаман от имени Войскового правительства 15 июля 1918 г. подписал соглашение, согласно которому войско «в вопросах общегосударственных подчиняется Комитету членов Учредительного Собрания, оставаясь автономным в делах местных»⁵¹¹. В приказе Комуча от 6 июля 1918 г. о передаче всех земель в ведение земельных комитетов на основании закона Учредительного собрания говорилось, что казачьи земли остаются, на основании закона, в пользовании казачьих общин на прежних основаниях⁵¹². В Оренбурге был создан местный комитет членов Учредительного собрания, «главноуполномоченным» которого был утверждён Дутов⁵¹³. Объявлялось о восстановлении в губернии и войске земельных комитетов, и принятию к исполнению решения Учредительного собрания по земельному вопросу. Бывшие арендаторы (крестьяне и разночинцы) получали землю от войска на правах аренды; размер платы устанавливался: 3 р. за дес. – пашня, 1,5 – сенокос, 1 руб. – попас скота, что было существенно ниже цен на гражданской территории (для сравнения: Челябинской уездной земельной управой была установлена стоимость 1 десятины пашни в 15 руб)⁵¹⁴. При этом, говоря об аренде казачьих наделных земель неказачьим населением, постоянно проживавшим в станицах, земельный комитет 3 округа подчёркивал: «с несостоятельных разночинцев лучше платы не брать, а с имеющих средства – не выше существовавшей в прежние года»⁵¹⁵.

С июля 1918 г. на территории ОКВ в качестве земельных органов были установлены войсковая и окружные земельные комиссии («Положение о земельных комиссиях», обязательные постановления от 9 и 22 августа 1918 г.). Комиссии и станичные правления должны были осуществлять контроль за распределением и использованием войсковых, казачьих и частновладельческих земель, разрешать возникающие при этом противоречия и споры. Восстанавливалась арендная плата за частновладельческие земли в пользу собственников (под контролем станичного правления)⁵¹⁶.

Эти акты легли в основу земельной политики в войске летом 1918 г. Но они не могли носить постоянного характера, учитывая известное единство казачьих верхов в отношении основных моментов решения аграрного вопроса⁵¹⁷. На состоявшемся в сентябре 1918 г. 3 чрезвычайном Войсковом круге отмечалось, что частновладельческие и офицерские земли уже фактически используются населением во многих местах, без какого бы то ни было общего плана. Так как Учредительное собрание собраться сможет «лишь в очень отдалённом будущем», и на нём будет лишь решаться вопрос о том, на каких основаниях частновладельческие земли должны перейти к войску, войсковая земельная комиссия прямо предложила Кругу единственный выход из создавшегося положения – «практическое осуществление аграрной реформы в общевойсковом масштабе в самом ближайшем времени», то есть по существу, немедленно начать её.

Подтверждались основные моменты реформы, сформулированные в 1917 г.: «доведение площади землепользования... населения до таких размеров, которые обеспечат... благосостояние земледельца», а также установление форм землепользования, при которых «возможно было бы применение наиболее совершенных для данной местности приёмов хозяйства», то есть землеустройство.

Земельная комиссия предложила кругу немедленно, до окончания полного обследования земель, передать все офицерские, частновладельческие, монастырские земли в войсковой земельный фонд, из которого уже сейчас казаки нуждающихся посёлков могли бы получить землю на льготных условиях. При этом офицерские земли, находившиеся в мелком крестьянском владении

(купчие земли), должны были быть оставлены за теми, кто использует их действительно личным трудом, «тем более, что земля досталась им не даром».

В отношении землеустройства кругу было предложено два принципиальных предложения. Во-первых, ограничить власть общества в отношении отдельных домохозяев, желающих выйти на хутора и мелкие посёлка (см. выше). Во-вторых, земельный фонд, составленный из войсковых оброчных земель и частновладельческих, монастырских и прочих участков, не должен был передаваться, при окончательном наделении, в форме обычных прирезок и отводов, одним сплошным массивом. Все свободные земли и участки, перед их распределением, должны были быть разбиты и устроены на отдельные хутора и небольшие посёлки, и в таком виде уже передаваться казакам⁵¹⁸.

На основании доклада комиссии, круг в заседании 29 сентября постановил признать все частновладельческие, монастырские и прочие земли в границах войска собственностью войска, «с момента утверждения настоящего постановления» кругом. За собственниками признавалось право на надел в размерах общевойсковой нормы. Отчуждение земель производилось безвозмездно, впредь до окончательного разрешения вопроса Учредительным Собранием⁵¹⁹.

С установлением на занятых белыми территориях власти «Временного Всероссийского правительства» – Директории, а затем власти Верховного Правителя началась работа по согласованию аграрного законодательства казачьих областей и политики центральной антибольшевистской власти. Одним из центров этой работы стало совещание по делам казачьих войск (своеобразное казачье представительство) при военном министре, инициатором создания которого выступил представитель Оренбургского казачьего войска войсковой старшина Н. С. Анисимов⁵²⁰. При активном участии последнего, 2 февраля 1919 г. права казачьих войск на «неприкосновенность территории и принадлежность земель войску, как общине, со всеми недрами» (до Национального собрания) признал колчаковский Совмин. Журналом Совета Министров от 13 февраля 1919 г. было постановлено издать акты, гарантирующие Оренбургскому казачьему войску неприкосновенность, до созыва Национального Собрания, казачьей территории; признание Войскового круга распорядителем жизни войска на установившихся выборных

началах, до выборов войскового атамана включительно; признание территории войска «Областью Войска Оренбургского»⁵²¹. В начале апреля 1919 г. колчаковское правительство пересмотрело постановление Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. о денационализации земель. Тем самым снимались последние, юридические ограничения на их переход в собственность ОКВ⁵²².

На заседании 9 апреля 1919 г. 3 Очередной Войсковой круг постановил взять все офицерские и частновладельческие земли, отчуждённые ранее из территории войска, на учёт и считать входящими в общинную собственность казаков области войска Оренбургского. Излишки этих земель поступали в земельный фонд войска. Купля-продажа земель на территории войска до «Национального Собрания» воспрещались⁵²³. В общее пользование войска переходили также монастырские земли, за исключением 100 десятин на монастырь (решение 3-го Чрезвычайного круга, 28 сентября 1918 г.), в надел своих посёлков переходили церковные причтовые земли; священникам, в том числе и муллам, отводилось по полному казачьему паю⁵²⁴.

Таким образом, в ведение войска должны были поступить, прежде всего, 96 офицерских и 380 частновладельческих участков (по состоянию на 1917 г.; соответственно 38892,1 и 410169,6 дес.)⁵²⁵, а также, для распределения в будущем среди населения, 363593 дес. войсковых свободных земель и оброчных статей, которые в начале необходимо было обмерить, оценить и соответственно устроить⁵²⁶. Вместе с тем при рассмотрении вопроса о частновладельческих землях следует учитывать характер фактического их использования. Около половины земельных собственников ОКВ составляли крестьянские товарищества, общества и отдельные мелкие собственники, что подтверждают и данные сохранившегося фрагмента ведомости по частновладельческим участкам на 1919 г.⁵²⁷ Национализация этих земель, учитывая позицию, занятую земельной комиссией и войсковым кругом, не могла серьёзно повлиять на казачье землепользование.

Кроме того, постоянно арендовавшие и проживавшие на войсковых оброчных статьях, свободных землях, офицерских участках крестьяне и разночинцы – т. н. фактические владельцы – также подлежали наделению из этих участков (решение 3-го Чрезвычайного круга 29 сентября 1918 г.).

Коренные разночинцы, имевшие оседлость в станицах, проживавшие на участках станичных и поселковых обществ на правах аренды, могли быть наделены после перехода в казачье сословие; в качестве временной меры, ввиду ходатайств ряда посёлков о наделении разночинцев, вопрос передавался на усмотрение обществ. 6 марта 1919 г. круг также, по просьбам депутатов 3 и 4 округов, воспретил облагать посаженной платой, за подножные корма и прочее тех из них, кто участвовал в «казачьем движении», и умеренно-сочувствующих⁵²⁸.

Комментируя некоторые ограничения землепользования неказачьего населения (необходимость перехода в казачье сословие для получения права пользования казачьими надельными землями), один из делегатов Круга указывал на исторические права казачества, добытые им при завоевании края и в ходе борьбы с большевиками, «которые стремятся не только отнять у казаков право на автономию, но даже уничтожить самоё имя «казаки»... Громадная часть казачьей земли непригодна для земледелия и... если допустить свободную, ничем не стесняемую колонизацию гражданского населения на казачьи земли, то в недалёком будущем само казачество стало бы нуждаться в земле»⁵²⁹.

Одновременно «за рамки» реформы выводилась та часть казачества и неказачьего населения, которая поддержала большевиков. С санкции Круга поселковые и станичные общества составляли протоколы о лишении казачьего звания и выселении за пределы войска казаков и разночинцев, сочувствовавших советской власти. Выселяемые лишались права пользоваться своими землями (в т.ч. казаки – надельными), посевами, запасы хлеба, инвентарь, недвижимое имущество подлежали конфискации в пользу войска⁵³⁰. Так, решением окружного съезда 2-го округа осенью 1918 г. были выселены «без права селиться на казачьей земле» жители крестьянского хутора Кирсы (около 300 семейств); были рассмотрены и утверждены протоколы о лишении звания казака и выселении казаков и разночинцев Янгельской, Катенинской и Сыртинской станиц (113 семейств и 92 человека отдельно; выселение было отложено до весны)⁵³¹. Вместе с тем практика выселения, опиравшегося на решения поселковых и станичных собраний, не получила в войске массового распространения. Там же, где такие решения принимались, они реализовывались непоследовательно.

В Усть-Уйской станице 3-го округа, где выселению подлежали 16 казачьих и 15 разночинских семейств, большинство выселяемых перебрались в лесные землянки и «погреб», и продолжали поддерживать тесные связи с родственниками и соседями в станице⁵³².

Дифференцированный подход к неказачьему населению демонстрируют материалы Бердского станичного правления за 1918 г. В марте 1918 г. специальным протоколом были приняты в общество крестьяне, оседло проживающие в станице. Одновременно общество просило Оренбургский уездный земельный комитет не зачислять в общество тех крестьян, кто имеет надел в своей волости⁵³³. В июле 1918 г., после свержения советской власти, станичный сбор отметил, что крестьяне были причислены вследствие нажима на казаков, а само причисление оформлено постановлениями комиссариата трудового казачества. На этом основании казаки постановили исключить 15 крестьянских семейств, а 2 казачьих других посёлков и крестьян с семействами (10 человек) принять в общество. При этом разночинцев, получивших от общества при советской власти паи, сенокосения и огороды, было решено привлекать к несению общественных повинностей до 1 января 1919 г.⁵³⁴

Материалы станичного правления позволяют проследить повседневную жизнь станицы в условиях революции и смены властей, отметив активность станичного общества (выступавшего то в форме станичного сбора с атаманом во главе, то в форме совета казачьих депутатов) в решении насущных вопросов, будь то вопросы, связанные с общественной запашкой и возвращении продовольственного и семенного хлеба, карантинном скота, утверждение торгов на общественную землю или самовольная покупка казаками чужих паёв. Так, общество дважды (в январе и августе 1918 г.) обсуждало циркуляры Войскового правительства о землеустройстве в войске, и оба раза не нашло «никакой пользы в отделении от станицы хуторов, разделении на 2 и более самостоятельных надела, увеличении срока переделов», т. к. «станция по количеству паёв не избыточна», постановив порядок землепользования оставить прежним, а разделение признав нежелательным⁵³⁵.

Важной стороной подготовки к аграрной реформе стала реорганизация войскового «земского хозяйства», начатая в 1917 г. Роль его, по мере проведения изменений в землепользовании казаков, расселении станиц и создании новых посёлков и хуторов, долж-

на была возрастать⁵³⁶. К 1919 г. интересующая нас часть хозяйственного аппарата была представлена лесным, агрономическим, земельно-межевым (землеустроительным), оброчным (войсковые оброчные статьи), строительным с подотделами архитектурным и гидротехническим, ветеринарным, оценочно-статистическим и текущей статистики, страховым отделами, а также экспедицией профессора Неуструева на правах почвенного отдела и войсковой, окружными земельными комиссиями. Все они были укомплектованы, специалисты оброчного, лесного, землеустроительного дела, агрономический персонал получали льготы и отсрочки от призыва (все они считались на службе войска). С 1919 г. значительная часть средств на содержание войсковых управлений и аппарата казачьих войск должна была кредитоваться Верховным правителем, то есть центральной властью. Пропорционально числу населения, финансировались и окружные учреждения 1, 2, 3, а с осени 1918 г. – и 4-го округов⁵³⁷.

С восстановлением штата земельной и лесной администрации на местах была возобновлена работа по хозяйственному использованию свободных войсковых и оброчных земель. Осенью 1918 г., на основании постановления Круга, началось определение порайонных цен на свободные земли и оброчные статьи, для сдачи их населению в 1919 г., а с марта 1919 г. – непосредственно сдача в аренду по новым ценам (как хозяйственным способом, так и с торгов). При содействии станичных властей принимались меры против порубок войсковых лесов и самовольного использования земель под посев и попас скота. Одновременно началась реорганизация оброчного хозяйства, с целью провести его обследование, устроить, подготовить к сдаче в аренду и повысить его доходность. Увеличивались штаты объездчиков и смотрителей⁵³⁸. Продолжалась работа по проектированию дополнительных наделов посёлкам войска, хотя и в меньших, чем прежде, масштабах⁵³⁹.

Были внесены изменения в организацию лесного дела в войске. 4 марта 1919 г. круг утвердил доклад по лесному отделу, регулировавший использование войсковых боров, деятельность лесных чинов и стражи, и т. д. Вместе с ним был представлен доклад окружного правления 3 округа, в котором пересматривалась управление лесами в округах, с передачей части прав Войскового правительства окружным правлениям. В июне 1919 г., войсковой

лесничий подготовил и представил кругу на утверждение проект нового «Положения об общественных лесах ОКВ», в котором рассматривались меры по устройству общественных лесов.

В условиях гражданской войны сохраняла свою актуальность и работа по оказанию агрономической помощи населению. Продолжалось обучение в войсковой сельскохозяйственной школе, велась подготовка к открытию новых учебных заведений, в том числе земледельческого училища с ремесленным отделением в 4 округе⁵⁴⁰. В станице Кочкарской при школе правительство отвело землю для организации культурного хозяйства⁵⁴¹. Весной 1919 г. в распоряжение агронома 3-го округа был передан войсковой лагерь, находившийся на р. Увельке, между Карсинским и 2-м Санарским поселками, в 30 верстах от Троицка. На этой земле была образована образцовая ферма 3-го округа для селекционной работы, создания рассадника и питомника для всех видов животных. Участок охватывал площадь около 2800 десятин, в том числе 300 десятин пашни, 1000 десятин степи, а также лес, выгон, луга и пр.⁵⁴²

С целью аккумуляции денежных средств населения, организации снабжения войска необходимыми товарами был создан Казачий банк.

Необходимо отметить, что централизация политической власти, унификация военного и гражданского управления после колчаковского переворота были сравнительно спокойно восприняты казачьими верхами. Атаман Дутов одним из первых признал Колчака. Попытка группы демократических казачьих деятелей (совместно со сторонниками башкирского лидера А. З. Валидова и руководством актюбинской группы «народной армии») сместить и арестовать Войскового атамана завершилась неудачей, хотя и свидетельствовала о политическом расколе в самом казачьем движении. Вместе с тем она была предпринята уже после того, как демократическая оппозиция, с её планами ограничения власти атамана, потерпела поражение на Чрезвычайном войсковом круге осенью 1918 г., где большинство депутатов поддержали курс Дутова на установление «твёрдой» власти в войске⁵⁴³. Во-многом личный характер носил конфликт Дутова и руководства Западной армии, также представленного группой оренбургских казачьих офицеров (командующий армией генерал-лейтенант М. В. Ханжин, генерал-майор Н. Т. Сукин, начальник казачьего отдела штаба армии есаул Печёнкин).

Причиной конфликта, а также критики дутовского руководства некоторыми омскими политическими деятелями (к которым присоединился и представитель войска при военном министерстве Н. С. Анисимов) стали неудачи и низкая боеспособность казачьих войск на оренбургском фронте, а отнюдь не стремление ликвидировать казачье самоуправление, признанное Колчаком во время его личного посещения войска весной 1919 г.⁵⁴⁴

Оренбургские казахи верхи сыграли важную роль и в урегулировании отношений между Омском и антибольшевистски настроенным руководством башкирского национального движения. Вскоре после перехода Башкирского правительства и частей бывшего Башкирского корпуса на сторону красных несколько депутатов Круга – мусульман объехали башкирские волости Челябинского и Троицкого уездов, с целью установления контактов с башкирскими деятелями на местах, результатом чего стало обращение башкир с просьбой о «присоединении» их к Оренбургскому казачьему войску и представительстве башкирских интересов перед центральной властью. Посетив Круг, Верховный Правитель издал обращение к башкирам, в котором гарантировал «неприкосновенность земли, национального быта, религии и уклада жизни башкир». Была учреждена должность Уполномоченного башкирского народа, которую занял лидер антибольшевистского крыла башкирского движения М. Г. Курбангалеев, начата подготовка к проведению съезда в Челябинске, где должны были быть избраны новые органы руководства национальным движением. Поддержку военного и политического руководства белых (командующий Южной армией генерал Белов, военный министр М. В. Ханжин, глава правительства В. Н. Пепеляев) получил и вопрос предоставления башкирам «казачьего самоуправления» (по образцу Оренбургского казачьего войска)⁵⁴⁵. О попытках выработки колчаковским руководством более реалистичного внутривнутриполитического курса свидетельствует также изменение отношения к казахскому движению «Алаш»⁵⁴⁶.

Аграрная реформа, энергичная подготовка к которой продолжалась всю весну и лето 1919 г., вплоть до оставления войсковой территории, являлась частью общей реорганизации внутренней жизни ОКВ. Итогом всей этой работы стало принятие «Положения об автономном устройстве Области Войска Оренбургского»

(март 1919 г.), и «Временное положение о самоуправлении Области Войска Оренбургского», утверждённое в июне 1919 г. Последнее закладывало основы внутренней жизни войска, военной и гражданской власти, управления земельными и иными имуществами, войсковым земским хозяйством. Интересно отметить, в частности, что округа, станицы и посёлки получали полное право юридического лица, могли приобретать недвижимое имущество, вступать в договора, искать в суде, – чем, по существу, ликвидировалась излишняя чиновная опека.

Сравнение аграрного реформирования в ОКВ с другими казачьими войсками показывает, что на востоке страны (в частности, в Оренбургском, Сибирском войсках) разрешение земельного вопроса отличалось большим демократизмом и более последовательным проведением в жизнь принципов сословной уравнительности, что можно объяснить меньшей остротой сословно-земельных противоречий. Так, 2-й круг Сибирского казачьего войска, состоявшийся осенью 1917 г., высказался за передачу частновладельческих земель в собственность войска без выкупа. 3 круг, состоявшийся в марте – апреле 1918 г., признал власть Совета Народных Комиссаров и Брестский мир, а также принял решение о войсковой социализации казачьих земель, предполагавшей передел юртовых наделов между многоземельными и малоземельными станицами⁵⁴⁷.

В отличие от Урала и Сибири, на юге страны (в Донском и Кубанском казачьих войсках) законодательная деятельность казачьих учреждений проходила под флагом разрешения конфликта между казачеством и крестьянством. Так, официальные постановления и декларации Донского правительства в 1918 – 1919 гг. постоянно подчёркивали готовность казачества к уступкам донскому крестьянству. Утверждённые 7 сентября 1918 г. войсковым кругом «Положение о частновладельческих землях» и «Основные положения земельного устройства казачьего населения Всевеликого Войска Донского» предусматривали принудительное отчуждение помещичьих, офицерских, дворянских, чиновничьих и других частновладельческих земель; предполагалось уравнивание казачьих наделов в различных округах и организация расселения⁵⁴⁸. Однако реальный курс, проводимый в 1918 г. атаманом П. Н. Красновым в земельном вопросе, был направлен на сохранение неприкосно-

венности частного землевладения. Сентябрьский войсковой круг постановил, что никаких мер по отчуждению частновладельческих земель в 1918 – 1919 сельскохозяйственном году «принято не будет»⁵⁴⁹. Землевладельцам, пострадавшим от захватов, полагалось возмещение убытков деньгами или частью урожая (тогда как на востоке страны аграрное законодательство гарантировало право посещика на урожай). Только в июне 1919 г. войсковой круг Всеволодского Войска Донского принял земельный закон об отчуждении частновладельческих земель в особый земельный фонд⁵⁵⁰. Безвозмездно отчуждались земли помещиков, благотворительных, учебных заведений и частично земли Церкви, которые когда-либо были вымежеваны из земель войска. За счёт этих земель должны были наделяться малоземельные крестьянские и казачьи хозяйства. Как и в других казачьих войсках, представители донского крестьянства могли быть уравнены в правах и привилегиях с казаками, если они участвовали в противобольшевистской борьбе. В то же время предусматривалась неприкосновенность станичных юртов, войсковых, надельных и купленных земель сельских обществ, земель, приобретённых при содействии Крестьянского банка, наделов в виде отрубов и хуторов, земель промышленных предприятий⁵⁵¹.

Более осторожную позицию занял Донской круг и в вопросе о земельной реформе в России. В специальной декларации отмечалось: «Убеждённый в исключительной важности земельной реформы, Круг считает недопустимым решение земельного вопроса за пределами войска в форме простой реставрации дореволюционных земельных отношений или ликвидации земельных отношений революционного времени в порядке административных кар и репрессий»⁵⁵².

В отличие от Донского войска, верхи оренбургского казачества заявили, что «все земли в России должны принадлежать трудящемуся населению». «В согласии с этим требованием, – говорилось в резолюции по политическому вопросу, принятой 3-м кругом весной 1919 г., – земли частновладельческие, бывшие офицерские, и монастырские, расположенные на войсковой территории, отчуждены Войсковым кругом в земельный фонд Области Войска Оренбургского для распределения их вместе с войсковыми землями между казаками и гражданским населением, переходящим в казачье сословие... Право на помещичьи, кабинетские, казённые,

удельные и монастырские земли казачество признает за крестьянством и прочим трудовым народом по всей остальной России», и будет отстаивать это право (с выкупом или без выкупа) в Учредительном Собрании⁵⁵³.

Законодательно разрешив основные моменты земельной реформы, войско приступило к первым шагам в их реализации. Развёртывание аграрной реформы происходило в условиях решающих сражений на Восточном фронте, в центре которых оказался Южный Урал. Поражение под Оренбургом, боевые действия, развернувшиеся летом 1919 г. на севере Оренбургской губернии привели к кризису политики белоказачьей власти. Однако судьбу войска решили не столько кризисные явления (наиболее заявившие о себе на территории 1-го округа, значительная часть которого была занята советскими войсками уже зимой – весной 1919 г.), сколько военно-политические события, приведшие к отступлению белых с территории края. Несмотря на существенные противоречия внутри «войскового сословия», включавшего в свой состав, наряду с «рядовым» казачеством, офицерство и чиновников Оренбургского казачьего войска, войсковая казачья организация в целом показала себя в условиях гражданской войны эффективным общественным институтом⁵⁵⁴.

Аграрная политика, проводимая в Оренбургском казачьем войске в 1918 – 1919 гг., подтверждает «бонапартистский» характер мероприятий военной диктатуры в деревне, сочетавшей уравнилельно-этатистские шаги в регулировании земельных отношений с общей «либеральной» ориентацией социально-экономического курса, направленного на восстановление отношений собственности и укрепление мелкого крестьянского землевладения. В этой связи мы теперь можем указать не только на легализацию (в установленных режимом рамках) крестьянских захватов, но и на признание казачьего и башкирского землевладения, носившего сословно-корпоративный характер. Реализация аграрного курса белых на Южном Урале сопровождалась поиском политических решений, выработкой механизмов взаимодействия центральной власти и региональных институтов. Главную роль в регулировании аграрных отношений продолжали играть гражданские институты, в т. ч. местные земельные учреждения и органы самоуправления. Политика колчаковского правительства в сфере регулирования земельных отношений строилась, так же

как и политика «демократической контрреволюции», на основе учёта реалий послереволюционной деревни. Вместе с тем общее направление аграрного реформирования, обозначившееся к лету 1919 г. и основанное на утверждении мелкой земельной собственности, сближало политику омского режима с другими «белыми» правительствами, в частности, крымским правительством Врангеля, также разрабатывавшим планы передачи помещичьих земель в «собственность» крестьян. Оценку мероприятий военной диктатуры в сфере регулирования земельных отношений затрудняет то, что отдельные направления аграрного курса (принятие в ведение государства и укрепление в личную собственность крестьян части захваченных земель) оказались неосуществлёнными в результате отступления колчаковских войск с Урала и политического кризиса режима. О результатах политики в деревне косвенно может говорить отмечаемый в литературе факт отсутствия крупных выступлений против белых на Урале, т. е. как раз там, где существовало помещичье землевладение (в отличие от Зауралья и Сибири, где крестьянские восстания явились одной из причин поражения власти А. В. Колчака)⁵⁵⁵. Проводимый белыми курс в конечном итоге опирался на традиции управления, опыт, идеалы тех общественных сил, которые пришли к руководству антибольшевистским лагерем, фактически вытеснив оттуда правую урало-сибирскую «демократию». Лицо колчаковского («белого») бонапартизма определял либерально-реформистский вариант решения аграрного вопроса, который был максимумом того, на что могли пойти военные и связанные с ними цензовые круги.

С восстановлением на территории Южного Урала советской власти на казачьи районы были распространены «Положение о социалистическом земледелии» и мероприятия политики «военного коммунизма». Фактически свёрнутой оказалась программа землеустроительных работ. С созданием Челябинской губернии в её состав вошла и большая часть бывших земель ОКВ. Другая часть войсковой территории осталась в составе Оренбургской губернии автономного Киркряя. В июне 1919 г. был упразднён (слит с губернским) и войсковой исполком, организованный вскоре после освобождения Оренбурга, и сыгравший важную роль в привлечении казачества на сторону советской власти⁵⁵⁶. На состоявшемся в 1920 г. в Москве съезде трудового казачества казачьи войска были упразднены.

Глава 5. Регулирование аграрных отношений на завершающем этапе гражданской войны: крестьянство и советская власть в 1919–1920 гг.

Восстановление советской власти. В течение июля – августа 1919 г. части колчаковской армии отступили с территории Южного Урала. Завершение гражданской войны на территории края создавало условия для перехода к советскому хозяйственному строительству, осуществлявшемуся в 1919–1920 гг. в русле политики «военного коммунизма».

С восстановлением советской власти было проведено новое районирование края, получившее противоречивые оценки в литературе. Главными его моментами стало разукрупнение уральских губерний (новыми губерниями стали Екатеринбургская и Челябинская), ликвидация Оренбургского казачьего войска, создание Башкирской (с центром в Темясово, а затем в Уфе) и «Киргизской» (Казахской, с центром в Оренбурге) автономий, введение, наряду с уездным и волостным, районного звена управления⁵⁵⁷. По мнению исследователей, новое губернское деление учитывало экономическое и транспортно-географическое тяготение территорий, и оказалось лучше приспособленным для решения широкого круга задач, приобретавших отчётливо местный характер (проведение продрозвёрстки, укрепление политического контроля и подавление вооружённого сопротивления, т. н. политического бандитизма, организация нормированного снабжения населения промышленных центров и т. д.)⁵⁵⁸.

Территория края неравномерно пострадала от боевых действий. Значительная часть сёл и деревень не подвергалась непосредственному воздействию со стороны враждующих сторон, чему способствовал маневренный характер войны и сосредоточение противоборствующих сил в районе крупных населённых пунктов, по линиям железных дорог и трактов. Так, в Курганском уезде Челябинской губернии, по сведениям местного уземотдела, в 5 волостях процент не собранного и оставшегося на корню хлеба составил 80–90 %, в 10 – от 60 до 70 %, в 25 – от 20 до 40 % и в 10 – до 10 % (декабрь 1919 г.). Почти весь овёс был стравлен в снопах во время стояния фронта, сжатый хлеб «совсем не об-

молочен ввиду отсутствия рабочих рук» и «спекуляции трудом». В деревне прошли 2 мобилизации лошадей и «добровольная» закупка, ничем не отличающаяся от принудительной⁵⁵⁹. По сведениям Челябинского губисполкома, в ходе боевых действий на территории губернии было уничтожено около 60 тыс. дес. посевов, 11,5 млн пудов сена и соломы⁵⁶⁰.

Сельское население Южного Урала в массе своей лояльно отнеслось к восстановлению советской власти. С новой властью были связаны не только страх перед возможными репрессиями, но и надежды на улучшение своего положения, и авторитет победившей стороны. Деревня стремилась приспособиться к новым порядкам, что проявилось в проведении мобилизационных и продовольственных мероприятий летом – осенью 1919 г.⁵⁶¹ Более сдержанно встретило коммунистическую власть казачество, особенно в северных районах войска, на территории 2, 3 и 4 округов. Часть башкирского и казачьего населения отступила вместе с войсками Западной и Оренбургской армий, бросив свои дома, хозяйство и имущество⁵⁶². «Враждебные», по отзывам советских работников и агитаторов, настроения были характерны и для районов повстанческого движения 1918 г. в Уфимской и на юге Пермской губерний (Красноуфимский уезд)⁵⁶³. Здесь уже осенью 1919 г. разворачивается дезертирское движение, а позднее крестьянское восстание «Чёрного орла-земледельца».

Новый властный аппарат, основу которого составили организуемые на местах исполкомы и ревкомы, только формировался, а сами местные работники оказались фактически один на один с населением, и должны были проявлять максимум гибкости для выполнения возложенных на них обязанностей. Те или иные решения мотивировались не только действиями вышестоящих инстанций, но и возможным отношением к ним населения. Так, в станице Усть-Уйской осенью 1919 г. крестьянами Кустанайского уезда был опознан скот, угнанный у них после подавления антиколчаковского восстания (141 корова и 43 овцы). Часть скота местные казаки зарезали и продали. Военком (комендант) станицы Кожевников и члены местного ревкома «не рискнули» начать возвращение скота, предоставив дело губернским властям. Причём военком Кожевников, опасаясь местных казаков, не рискнул послать заявление за своей подписью, и предпочёл передать све-

дения лично в губземотдел по окончании съезда председателей ревкомов через члена отдела Кривощёкова⁵⁶⁴.

Для работы среди казачества была направлена большая группа коммунистов и командиров из красноказачьих частей 5 армии и Оренбургской группы войск. Ряд уездных, большинство станичных и поселковых ревкомов возглавили казаки. Значительная часть волостных, сельских и поселковых ревкомов была организована не в результате назначения их вышестоящими органами, а посредством выборов всего местного населения. В Челябинском уезде из 71 станичного и поселкового ревкома только в 8 комитетах были коммунисты, а в остальных были представлены беспартийные казаки и крестьяне⁵⁶⁵. Связь и даже зависимость низовых структур от сельского сообщества и сложившейся практики управления подтвердили участники совещания заведующих уездными отделами управления Челябинской губернии (июль 1920 г.). «Сельсоветы безвластны и предпочитают решать вопросы сходами. Работоспособных волисполкомов во всей губернии из трехсот не более двух – трёх десятков». Перевыборы советов и исполкомов проходили без санкции уездных центров, а сама деятельность импровизированных органов крестьянского самоуправления – собраний граждан и сходов – постоянно выходила за рамки исполнения распоряжений вышестоящих властей. Участники совещания специально установили, что «обсуждению общих собраний сельских жителей подлежат только способы и порядок проведения тех или иных распоряжений и мероприятий местного характера, а не приказы высших органов власти, с отменой незаконных постановлений волисполкомами»⁵⁶⁶. Зависимость местных властей от населения (в лице крестьянской и казачьей общины) подчёркивалась невысокой оплатой и неясностью источников финансирования.

При этом в советах и исполкомах (как и в милиции) были представлено главным образом среднее крестьянство, а не беднота⁵⁶⁷. Мобилизация в Красную Армию бывших унтер-офицеров, многие из которых являлись председателями и секретарями советов, коснулась наиболее «передового», с точки зрения большевиков, элемента деревни, а само сибирское (зауральское) крестьянство характеризовалось местными работниками как «материал, мало подходящий для правильного восприятия идей советской власти»⁵⁶⁸.

Организация земельного аппарата. Одновременно с организацией «политических» структур начинается формирование хозяйственного аппарата для работы в деревне, частью которого стали земельные отделы. Государство связывало с их деятельностью широкий круг вопросов: регулирование земельных отношений и лесного дела, обеспечение посевных компаний и агрономической помощи коллективным и крестьянским хозяйствам, и т. д. Масштабность предполагавшихся и возложенных на земельные органы задач нашла отражение и в структуре формируемых уездных и губернских учреждений, в составе которых предусматривались, наряду с традиционными лесным и землеустроительным (или землемерно-техническим) отделами, горный, агрономический (или сельскохозяйственный), отдел животноводства, оргасев и др.⁵⁶⁹

Гражданская война, эвакуация прежних учреждений и бегство интеллигенции создавали сложности в укомплектовании нового аппарата сотрудниками и специалистами, и обусловили значительный период его организационного становления. «Реорганизационной» по характеру была работа Оренбургского губземотдела и земотдела Войскового исполкома Оренбургского казачьего войска, сформированного весной 1919 г. и просуществовавшего до начала лета (когда советские казачьи структуры были слиты с общегубернскими), а также деятельность центральных земельных учреждений Башкирской республики и Уфимской губернии⁵⁷⁰. Ближе к живой работе оказались уездные земотделы, однако и они сталкивались с трудностями кадрового и финансового характера, а также военным фактором (осада Оренбурга и эвакуация Уфы весной 1919 г.). В Челябинской губернии, где губернский и большинство уездных земотделов были организованы летом – в начале осени 1919 г., их работа вплоть до весны 1920 г. также носила «организационный» характер и была связана с рассмотрением вопросов функционирования отделов и подведомственных учреждений, обеспечением сотрудников и т. д.⁵⁷¹ В условиях постоянных мобилизаций, голода и финансового кризиса текучесть кадров приводила к тому, что, по словам заведующего Челябинским губземотделом Г. Г. Проза, в отдельные периоды оставались только руководители отделов⁵⁷².

Руководящий состав уездных и губернских учреждений – члены коллегий и руководители земотделов – подбирался из числа

авторитетных советских работников, некоторые из которых работали на территории края ещё до начала гражданской войны (заведующий подотделом землеустройства Челябинского губземотдела И. Шадрин, заведующий обобщесхозами Г. Смолин, являвшиеся в 1918 г. членами Челябинского уземотдела, и др.). Часть служащих и специалистов перешла на работу в советский аппарат непосредственно из «белогвардейских» учреждений, земств (агрономы, ветеринарные врачи и др.). Так, в Челябинске отдел труда на запрос губземотдела (сентябрь 1919 г.) разъяснял, что работникам, перешедшим на службу в губземотдел из различных учреждений Сибирского правительства, оплата труда производится со дня их поступления. При этом выяснилось, что ставки и оклады в губземотделе были существенно ниже, чем в сибирских учреждениях, что стало даже предметом специального рассмотрения⁵⁷³. Наряду с профессиональными качествами, рассматривались и вопросы политической лояльности служащих и специалистов, особенно из числа прежних чиновников и «офицеров военного времени», сотрудников казачьих учреждений. Так, документы Оренбургского губземуправления относили учёного лесовода И. Н. Завалишина (казачьего сословия, ст. Городищенской, окончившего Петроградский Лесной институт) к числу «незаменимых» специалистов, лояльных советской власти (3-я категория – «сочувствующие»), а специалиста по охоте при лесном отделе А. М. Фреликова (казачьего сословия) и заведующего лесоустройством А. С. Бурова (мещанина г. Пензы, окончившего Ново-Александрийский сельскохозяйственный институт) к 1-й категории («враждебно настроенных»)⁵⁷⁴. Документы по учёту бывших офицеров и чиновников стали частью делопроизводства всех советских учреждений.

Значительная часть документов и статистических материалов 1917–1919 гг. была вывезена за пределы края вместе с эвакуированными «белогвардейскими» земельными учреждениями. Так, землемерно-технический отдел Оренбургского губернского земельного комитета эвакуировался в г. Красноярск Енисейской губернии, где в декабре 1919 – январе 1920 г. его сотрудников застала мобилизация в белую армию, а затем и перепись Красноярского подотдела труда (в составе отдела к этому времени оставалось 4 человека, включая его руководителя губернского землемера Н. В.

Васильева)⁵⁷⁵. Документы Оренбургского казачьего войска были вывезены частью в Челябинск и далее, по железной дороге, отправлены в Омск, частью – вместе с учреждениями Войска в Казахстан, где попали в руки красных. Часть документов (вся канцелярия войсковых лесничеств и смотрителей оброчных статей, по ящику документов распорядительного и земельно-межевого отделов) были спрятаны на караванной дороге в г. Иргиз⁵⁷⁶. «Белые увезли все документы» – имели основание заявить участники Челябинского губернского съезда уездных и волостных земотделов в марте 1920 г., что выдвигало задачу приведения в известность земель и лесов⁵⁷⁷.

Практическая работа земельных учреждений в первые месяцы их деятельности осуществлялась по нескольким направлениям: сбор информации и приведение в порядок сохранившихся документальных и статистических материалов, принятие на учёт брошенных крестьянских, казачьих и частновладельческих хозяйств, имущества «белогвардейских» организаций, отвод земель рабочим коллективам, содействие организации коллективных и советских хозяйств. Волостным и станичным ревкомам и исполкомам направлялись запросы о количестве земли, инвентаря, посевов⁵⁷⁸. Важным подспорьем для работы в деревне стали налаживание текущего советского учёта, проведение выборочных обследований (Оренбургская губерния, 1919 г.) и переписей (1920 г.). Одним из способов получения информации были непосредственные командировки руководителей и специалистов земельных учреждений на места, а также созыв конференций и совещаний с представителями местных земотделов и советов, материалы которых рисуют картину непростого положения в волостях и станицах освобождённого от белых края.

Самостоятельной задачей стало налаживание связи между земельными учреждениями. Так, как сообщал в своём докладе в ноябре 1919 г. руководитель Миасского уземотдела Леонтьев, инструкции и постановления коллегии губземотдела не поступают в уезд. О неинформированности деревни по вопросам землеустройства говорил в январе 1920 г. вернувшийся из поездки по уезду заведующий подотделом землеустройства Челябинского губземотдела И. Шадрин⁵⁷⁹. Заведующий губземотделом Г. Г. Проза в сентябре 1920 г. выступал за создание института «районных инструкторов» – проводников и толкачей земельной политики.

Волземотделы, по его мнению, состоят из безграмотных людей, не обладающих инициативой, завалены всевозможными требованиями, запросами, анкетами, «так что не только выполнять их, но даже зачастую разобраться в них не в состоянии»⁵⁸⁰.

Советское законодательство (в частности, «Положение о земельных отделах» 1919 г.) рассматривало местные земельные органы как часть общей вертикали управления. На волостные исполкомы возлагалось исполнение распоряжение высших земельных органов, в т.ч. разрешение и контроль допускаемого в отдельных случаях применения наёмного труда, наблюдение за правильным использованием земель. При этом рассмотрение дел по сельскому хозяйству в пределах волостных земотделов должно было производиться «по указаниям губземотдела и уземотделов», в чём просматривается стремление ограничить самостоятельность низовых структур и стоящего за ним крестьянства, введя её в рамки «социалистического строительства»⁵⁸¹. На практике большинство вопросов местной жизни рассматривались и разрешались низовыми органами власти самостоятельно, а функции вышестоящих структур сводились к номинальному контролю: рассмотрению и утверждению протоколов и постановлений волостных съездов и собраний жителей, информированию уездного и губернского начальства о настроениях деревни путём составления сводок, а также осуществлению отдельных разовых мероприятий, прежде всего связанных с посевной и заготовительной кампаниями.

Так, Верхнеуральский исполком и земотдел приняли весной 1920 г. несколько приказов декларативного характера, больше напоминающих обращения к населению: об «охранении» и предупреждении потрав табунами и преждевременном скашивании травы на участках надельных, войсковых, казённых и других землях, о принятии мер к запашке и засеву полей в хозяйствах призванных в армию красноармейцев (этот приказ предполагал как «мирную», т. е., видимо, мирскую, помощь, так и обязательные общественные работы с использованием инвентаря товариществ и советских хозяйств)⁵⁸². Конкретные вопросы землепользования, как показывают информационные бюллетени, составлявшиеся информационной частью уездного подотдела управления, рассматривались волостными и сельскими властями. Так, съезд советов Кирсинской волости, состоявшийся 4 апреля 1920 г., постановил

оставить за гражданами те же земли, которые засеивались ими в 1918–1919 гг., рекомендовав производить запашку и сев полей поблизости от своих посёлков. С целью учёта земли и возможностей пользователей должны были быть созданы поселковые земельные комиссии. Съезды советов Кизильской и Янгельской станиц рассмотрели вопросы отведения земли, по получении семян от государства, под «государственную запашку», с указанием числа десятин каждому посёлку (так, Янгельский посёлок должен был засеять 50 дес., Ново-Воздвиженский – 37 и т. д.). На собраниях и сходах рассматривались вопросы распределения сенокосных и пастбищных угодий между посёлками и отдельными домохозяевами, заготовки фуража для райпродкомов и другие, связанные с повседневной хозяйственной рутинной⁵⁸³.

К весне 1920 г. в основном была завершена работа по учёту крупных частновладельческих и других «некрестьянских» хозяйств, а также имущества, брошенного «белогвардейскими» организациями и учреждениями⁵⁸⁴. Так, регистратор Челябинского губземотдела Калягин осенью 1919 г. обследовал организуемые советские имения Троицкого и Кустанайского уездов: бывший лагерный участок ОКВ (2000 дес.), где при белых была начата организация конефермы и опытного хозяйства, Демиринское имение Поклевских-Козелл (1601 дес.), ферму Яушевых на землях Кособродской станицы (400 дес.) и имение того же торгового дома «Подовинное» в Сысоевской волости Троицкого уезда (2534 дес.), Кустанайскую заводскую конюшню (37500 дес.) и другие, всего 7 имений. 23 октября 1919 г. земотдел постановил признать все имения собственностью республики и принять на учёт, поручив их в будущем сельскохозяйственному отделу по отделению советских имений, и назначить в них заведующих. Решение было утверждено уполномоченным Наркомзёма при Сибревкоме Пономарёвым⁵⁸⁵. На учёт земотдела были взяты Челябинский переселенческий пункт, монастырская заимка в Белоярской волости Челябинского уезда и Воскресенский завод в одноимённой волости⁵⁸⁶. Агроном Кабанов был командирован с целью возвращения племенного скота, угнанного белыми⁵⁸⁷. Тем не менее работа по организации совхозов, как отмечала в сентябре 1920 г. коллегия губземотдела, находилась «в жалком состоянии»⁵⁸⁸. К августу 1920 г. в Челябинской губернии было организовано 37, в Уфим-

ской – 25 советских хозяйств. При этом, по мнению участников Челябинского губернского экономического совещания, большинство совхозов превратились в богадельни, рабочие которых не могут прокормить себя, а сами хозяйства держатся на трудармейцах⁵⁸⁹. В течение 1920 г. так и не были организованы советские хозяйства на частновладельческих землях Меньшиковской волости Курганского уезда, на которые ранее, в 1918–1919 гг., претендовали местные крестьяне, фактически изгнавшие с этой территории прежних собственников⁵⁹⁰.

Что касается обобществлённых хозяйств, то в политике местных земельных органов обобществлённые формы хозяйства занимали подчинённое место по сравнению с единоличными. Так, в циркуляре уполномоченного Наркомзёма, заведующего земельным отделом Сибревкома А. А. Пономарёва от 3 марта 1920 г., направленном губземотделам края, содержалось категорическое требование при осуществлении Положения о социалистическом землеустройстве не увлекаться «скороспелой организацией коммун»⁵⁹¹. Как отметил в своём докладе на коллегии Челябинского губземотдела заведующий обобществлёнными хозяйствами Г. Смолин (сентябрь 1920 г.), работа в основном ограничивалась регистрацией заявлений и распространением существующих законоположений, а также отпечаткой уставов. Губернский отдел располагал всего 6 инструкторами, при участии которых в губернии было проведено 120 организаций и создано 82 коллектива – 55 коммун и 27 артелей (Н. Н. Метельский приводит другие данные – 141 коммуна и 26 артелей, а также некоторое количество тозов)⁵⁹². В состав коллективов входили 910 семей с 5450 едоками, имевшие 2220 трудоспособных членов. При этом если в коммунах был недостаток рабочих лошадей, то в артелях имелся даже избыток. Земля отводилась временно «из тех угодий, что были в наличии». В многоземельном Верхнеуральском уезде почти все коллективы имели «огромные» участки, в Челябинском и Миасском уездах коллективы наделялись из надельных земель своих членов, в «Троицком, Кустанайском и Курганском уездах земля совершенно не отводилась, и коммуны работают на своих душевых наделах и свободных участках с разрешения местных исполкомов»⁵⁹³.

Природа этих коллективных хозяйств видна из того факта, что посев в них производился в основном «поодиночке», а всего было

засеяно, по сведениям обобщельхоза, до 7 тыс. дес.⁵⁹⁴ Крестьянство вступало в колхозы или рассчитывая на помощь и поддержку государства, или желая сохранить свои хозяйства и землю. Колхозы не несли ответственности за результаты продрозвёрстки и получали промышленные товары вне очереди, им оказывалась материальная и продовольственная помощь, семенная суда, члены колхозов освобождались от трудовой повинности, хозяйства обеспечивались инвентарём и ремонтной базой⁵⁹⁵. Так, по данным, приводимым Н. Н. Метельским, в колхозах Челябинской губернии середняки и зажиточные крестьяне составляли 27,88 и 20,55 % соответственно, и 16,8 % составляли кулаки. Около четверти всех колхозов губернии были созданы с преобладанием зажиточного крестьянства⁵⁹⁶.

Несколько иная картина наблюдалась в колхозах Уфимской губернии, где среднее и зажиточное крестьянство составляли соответственно 13,17 и 7,58 %, а кулачество – 0,99 % членов. Однако и здесь больше половины всех хозяйств были созданы на надельных (38 %) и башкирских (14 %) землях, что хорошо коррелирует с выводами Р. А. Хазиева о стремлении состоятельных слоёв деревни защитить своё имущество путём создания ложных коллективных хозяйств⁵⁹⁷. При этом крепкие колхозы были исключены, из 330 хозяйств распалось около 100 (всего в губернии было 50 коммун, 157 артелей и 6 тозов)⁵⁹⁸.

Объём собственно земельной и землеустроительной работы, не связанной с организацией советских и коллективных хозяйств, был незначителен. Земельные органы рассматривали ходатайства населения, разбирали земельные конфликты (в т. ч. на башкирских и казачьих землях), занимались отводом земли городскому населению («под огороды»), учреждениям, предприятиям и воинским частям. Так, в начале 1920 г. Челябинский губземотдел рассмотрел просьбы об отводе земли со стороны Челябинского и ряда других сельскохозяйственных обществ⁵⁹⁹. Было удовлетворено ходатайство Введенского общества об отводе участка в 15 дес. и выдаче ссуды в 10 тыс. руб. (общество должно было зарегистрироваться в совнархозе и уземотделе). Об отводе земли ходатайствовали Троицкий союз кредитных кооперативов, Иваново-Вознесенский губпродком, Челябинский железнодорожный продовольственный комитет и Центросоюз⁶⁰⁰. Курганский уземотдел

уделял в 1920 г. основное внимание распределению земель среди населения и предприятий организаций г. Кургана. Одновременно прикомандированные землемеры составляли планы отвода земель коммунам и артелям на 1921 г.⁶⁰¹

Ограничение и фактический запрет аренды земли создавал запутанные отношения между владельцами и пользователями башкирских и казачьих земель. Так, к конфликтным ситуациям приводил отвод земель вблизи челябинских копей (на наделных землях Челябинской, Миасской и Севастьяновской станиц) различным общественным и профессиональным организациям, воинским частям и отдельным посевицам из пришлого и городского населения⁶⁰². Башкирские кантональные власти, принимая решение о распространении своего управления на местные казённые земли (в частности, на статью Утичью на территории Катайской волости, Яланский кантон), ставили об этом «в известность» Башревком и Башнаркомзём, и одновременно просили Челябинский губисполком санкционировать это решение⁶⁰³. Тогда же, в октябре 1919 г., русское население банковских и башкирских земель в районе Катайской волости ходатайствовало перед Челябинским ревкомом о разрешении создать свой волревком и выделить свои деревни из башкирского кантонального управления⁶⁰⁴. В январе 1920 г. заведующий подотделом землеустройства И. Шадрин сообщил на коллегии Челябинского губземотдела о возможных столкновениях между башкирским населением Яланского кантона и крестьянским населением прилегающих волостей по поводу использования арендуемых ранее башкирских земель. Одновременно Челябинскому уземотделу было поручено командировать своего представителя в Аргаяшский кантон⁶⁰⁵. Кустанайский уземотдел просил Сибревком назначить своего представителя в Кустанай для проведения совместно с представителями Киргизского (Казахского) правительства земельной политики «с тем, чтобы при распределении киргизских земель не были нарушены интересы русского населения». Тот же вопрос, по мнению Челябинского губземотдела, вставал и по отношению к башкирским землям⁶⁰⁶.

Под влиянием политической конъюнктуры менялась и самоидентификация местного земледельческого (в том числе – казачье-го) населения. К 1917–1918 гг. относится попытка создания осо-

бой станицы казаками-калмыками ОКВ. Осенью 1919 г. Токтубаевский и Аджитаровский посёлки Медведевской станицы (большинство населения в которых составляло нерусское и частью – неказачье население) выразили желание перейти «в Башкантион», против чего не возражал и станичный исполком⁶⁰⁷. В 1921 г., после упразднения Оренбургского казачьего войска, вопрос об объединении в одну станицу поставило население нагайбакских посёлков (ходатайство было поддержано Верхнеуральским уездным и Челябинским губернским отделами национальностей)⁶⁰⁸.

Говоря об итогах земельной политики советской власти на Южном Урале, В. А. Лабузов считает, что в 1919–1922 гг. крестьянство края получило около 387 тыс. дес. нетрудовых земель в Оренбургской и 1 млн 180 тыс. дес. в Башкирии (т. е. около 45 % земли, предназначенной к разделу)⁶⁰⁹. При этом значительная часть «нетрудового» фонда – прежде всего удобные земли – до революции уже принадлежала крестьянам, крестьянским товариществам и общинам, и на практике передел привёл к сокращению таких форм землепользования, как участково-чересполосная, хуторская и отрубная⁶¹⁰. Значительная часть этих земель была землеустроена и официально отведена сельским обществам, по видимому, уже после 1920 г. Так, по сведениям Д. М. Шнейдера, относящимся к Башкирии (вместе с Уфимской губернией), в 1919–1920 гг. было распределено 20893 тыс. га, в 1920–1921 гг. – 136679, в 1921–1922 гг. – 419086⁶¹¹.

В Челябинской губернии, по данным Ф. А. Каминского, в 1920 г. в результате межселенного землеустройства было «перераспределено» 99000 дес. земли, а в результате внутриселенного землеустройства (предполагавшего устранение дальнотемелья и чересполосицы) – 17900 дес., что сопоставимо с земельными наделами нескольких сельских обществ или посёлков⁶¹². Отводились и размежёвывались земли для советских и коллективных хозяйств, ограничивались волости и сельские общества, устанавливались нормы земельных наделов. Можно предположить, что значительная часть этого «землеустройства» осуществлялась «упрощенным порядком без участия специалистов», а также носила «бумажный» характер, и была связана с работой по «приведению в известность» земель и лесов. Показательно, что землеустроительные работы, масштаб которых исчислялся десятками тысяч

десятин, осуществлялись в условиях неурожая и фактического голода значительной части сельского населения⁶¹³.

Аграрные отношения и продовольственная политика в деревне. На местах сохранялся фактически сложившийся порядок землепользования, а земельные органы занялись вопросами текущего аграрного регулирования, носившего временный и упрощенный порядок. Так, осенью 1919 г. челябинским губземотделом, в порядке инструкции Наркомзёма, был установлен упрощенный порядок отвода земель во временное пользование коренных и пришлых жителей, учёта и передела земельных угодий, проводимый без участия специалистов⁶¹⁴. Решения об оставлении земли в руках тех, кто засеивал её в 1918–1919 гг., принимали и местные органы власти. Как отмечали работники Оренбургского губисполкома, «кто что захватил и смог удержать, тот тем и владеет». Оставление земли в фактическом пользовании владельцев было характерно и для политики Башревкома на территории Малой Башкирии, и для советских земельных органов Зауралья и Западной Сибири⁶¹⁵.

По мнению известного сибирского историка В. И. Шишкина, в земельной политике Сибревкома основной линией была охрана фактического землепользования трудящегося крестьянства, по принципу экономической мощности – «кто бы ни засеивал землю, лишь бы её было больше засеяно»⁶¹⁶. Часть частновладельческих хозяйств, признанных «полутрудовыми», фактически не была национализирована и осталась в руках прежних владельцев, как и арендованные земли; в ряде случаев бывшие управляющие и владельцы стояли во главе организованных «советских имений»⁶¹⁷. Приводимые факты позволяют расширить рамки сформулированного башкирским историком Р. А. Хазиевым «автономного нэпа»⁶¹⁸, увязав его с общим «либеральным» земельным курсом советской власти в 1919–1920 гг., который основывался на идее сотрудничества со «средним крестьянством» и политике «культурничества». Этот курс был закреплён специальным декретом, разрешавшим оставлять в пользовании трудового крестьянского населения всё имевшееся у него количество земли, которое обрабатывается собственными силами хозяйства. В декрете подчёркивалось, что он издаётся в целях повышения производительности сельского хозяйства, и во изменение соответствующих статей де-

кредитов о социализации земли и социалистическом землеустройстве⁶¹⁹.

Современник событий, российский экономист Л. Н. Литошенко охарактеризовал новый курс как «заигрывание с индивидуальным хозяйством». Это предполагало организацию культурно-агрономической и технической помощи крестьянству, легализацию существующего земле- и лесопользования, проведение землеустройства и ограничение земельных переделов⁶²⁰. Частью этой политики стало взаимодействие региональных (уездных и губернских) земельных учреждений с волостными и сельскими земельными отделами, представлявшими низший слой советских активистов, а в реальности – фактически активную часть крестьянства. Инструментом этого взаимодействия стали съезды и совещания весны 1920 г., отразившие настроения и ожидания деревни после окончания гражданской войны.

Так, комиссия по аграрному вопросу Челябинского уездного съезда волостных и станичных земотделов (81 делегат, 28 февраля – 3 марта 1920 г.) высказалась против ускоренного коммунистического строительства в деревне, а в качестве начальных форм строительства сельского хозяйства на коллективных началах указала на устройство артельных и общественных запасек и советские хозяйства. Авторы доклада высказались в поддержку единоличного и общинного пользования, отметив, что «единоличная форма владения» как основная также должна быть предметом попечения власти⁶²¹.

Разработанный на съезде порядок учёта и регистрации земли отвечал в первую очередь интересам общин. Для распределения должны были отводиться отчуждённые земли, отведённые коллективам, а также земли предприятий, обрабатываемые силами рабочих и «те участки, которые не требуются населению для обработки предстоящим летом». Интересы крестьянского населения (а не коммун и совхозов) были на первом месте, когда комиссия предложила все пахотные земли, приготовленные к посеву 1920 г., по всем видам владений передать в пользование тех хозяев, кто приготовил пары (в т. ч. и переданные совхозам, а также арендуемые за деньги). Исключение было предложено делать только в случае полного передела, бегства пользователя или уличения его в контрреволюции, а также в использовании чужого труда. В

первую очередь земля должна была отводиться местному населению, пришлому – из наделов тех обществ, в которых они живут, а лишь затем – из вненадельных земель⁶²².

Комиссия предложила, учитывая временный характер распределения земель, отводить их пользователям «без различия принадлежности их ранее к тому или иному классу», и руководствоваться «лишь исключительно соображениями хозяйственной целесообразности» принимая во внимание имеющийся в хозяйстве инвентарь, рабочую силу и пр. Коллективам земля должна была отводиться «с учётом интересов местного населения, не вошедшего в коллективы»; в частности, коллективам не должны были отводиться земли, уже отведённые отдельным хозяевам волземотделами. Специально оговаривалось, что земельные переделы должны проводиться в соответствии с инструкциями Наркомзёма. Съезд постановил также организовать добровольные недели вспашки, посева и уборки общими силами в хозяйствах красноармейцев⁶²³.

Постановление Челябинского съезда волземотделов было принято в основу урегулирования временного пользования землями и на состоявшемся в конце марта 1920 г. 1-м Челябинском губернском съезде уездных и волостных земотделов и представителей уездных земельных съездов. Вменив в обязанность «всем отдельным домохозяевам губернии засеять всю имеющуюся у них в распоряжении землю», объявив мобилизацию на период сельскохозяйственных работ всех машин и орудий – отдав таким образом дань политике государственного регулирования – съезд постановил передать оставшиеся свободными угодья во «временное пользование ощущающим недостаток таковой»⁶²⁴.

Решения двух челябинских съездов весьма чётко обозначили вектор настроений южноуральской деревни, и её готовность к сотрудничеству с властью в рамках намеченной на них уравнильно-трудовой программы. Однако советским руководством южноуральский регион рассматривался прежде всего как источник продовольствия для промышленного центра страны и Красной Армии. «Либеральный» земельный курс, таким образом, был тесно увязан с продовольственной политикой советской власти. На территориях, только освобождённых от белых, эта политика проводилась первое время с достаточной гибкостью и

учётом местных условий. Так, в Челябинской губернии в кампанию 1919–1920 гг. кооперативные организации были основными техническими исполнителями заготовок, обеспечившими 93 % зернофуража. На территориях, подчинявшихся Сибревкому, в т. ч. (до весны 1920 г.) и в Челябинской губернии, заготовки велись методом «самотёка», когда развёрстывалась часть «излишков», а другая могла быть продана на рынке (приказ Сибревкома № 5, разрешавший свободную торговлю монополизированными продуктами). Вольная торговля в Уфимской губернии осуществлялась на легальных основаниях до января 1920 г., а в Зауралье была запрещена только в апреле 1920 г.⁶²⁵ Более жёстко проводилась заготовительная кампания в Оренбургской губернии, где уже весной 1919 г. формировались «рабочие дружины», а к концу года действовало 22 (по другим данным – 21) продотряда, насчитывавшие 268 человек⁶²⁶.

Постепенно наращивали свои усилия и продовольственные органы других губерний. По данным Р. А. Давлетшина, число продотрядов в Башкирии (очевидно, с Уфимской губернией) достигло в декабре 1919 г. 74; 33 отряда были сформированы в Челябинской губернии⁶²⁷. При этом, с точки зрения реальных возможностей крестьянского хозяйства, продкампанию 1919–1920 гг. следует признать достаточно успешной, хотя она и дала меньше продовольствия, чем ожидали власти. Так, в Оренбургской губернии к июлю 1920 г. план продрозвёрстки был выполнен только на 33 %, причём на практике крестьянство отдало продрозвёрстке столько зерна, сколько могло отдать⁶²⁸. По данным местных властей, на местах не было излишков хлеба, а население фактически голодало. В Челябинской губернии, по данным разных источников, доля изъятой продукции в кампанию 1919–1920 г. составила от 28,6 % до 61 % валового сбора, в Уфимской – от 16,8 % до 37,7 %, в Оренбургской – 18,2 %⁶²⁹.

Одной из главных задач местных органов стала поддержка и организация посевной кампании, где предполагалось сосредоточить лучшие земельные кадры и агрономические силы. Так, организованный весной 1919 г. земотдел войскового исполкома ОКВ высказался в поддержку сельского хозяйства и организации работы «до полного засева». В специальной инструкции говорилось о национализации хозяйств лиц, бежавших с семьями и

оговаривалось, что те хозяйства, руководители которых (казаки) «по недоразумению» бежали с Дутовым, оставив их на попечение жён и малолетних детей, разрушать не следует⁶³⁰. Челябинским губземотделом осенью 1919 г. были приняты меры по уборке казачьих, крестьянских и частновладельческих хлебов силами 6000 «перебежчиков», что было связано с нехваткой рабочих рук и массовой (до 45 лет) мобилизацией казаков в белую армию⁶³¹. В Челябинском уезде такими отрядами из военнопленных, беженцев и неработающих граждан было убрано около 10 тыс. дес. пшеницы и 6,5 тыс. дес. овса. Более 4 тыс. дес. брошенных полей было убрано в Верхнеуральском, около 2 тыс. дес. – в Троицком уездах. Около 2 тыс. рабочих отправил на уборку брошенных полей Оренбургский губисполком⁶³².

При этом из 259 специалистов и служащих, составлявших до революции штат агрономической организации Оренбургской и Уфимской губерний, только небольшая часть продолжала работать в продовольственных учреждениях⁶³³. В феврале 1920 г. начал организовываться сельскохозяйственный подотдел Челябинского губземотдела, а из 14 агрономических участков в уезде к весне 1920 г. был «заполнен» один⁶³⁴.

17 января 1920 г. СНК РСФСР принял постановление «Об увеличении посевной площади», в соответствии с которым все пригодные, но неиспользуемые для посева хлебов земли засеивались сельскими обществами, а урожай передавался Наркомпроду. Посевная должна была проводиться «в порядке боевого приказа», для чего создавались комиссии (комитеты) по организации засева полей – оргасевы, наделённые чрезвычайными полномочиями. Как показывают документы челябинского губземотдела, подотделы оргасев формировались именно при уземотделах, что должно было приводить к определённым противоречиям с продовольственными структурами, ориентированными, по мнению земельных работников, исключительно на выкачку хлеба. В интересах посевной кампании губземотдел просил губпродком уменьшить заготовки овса, а Сибревком – прекратить мобилизации лошадей⁶³⁵. Волостные и станичные комиссии избирались населением на соответствующих съездах. На практике их формирование происходило также «в порядке боевого приказа» – в двухдневный срок по получению распоряжения из уезда.

С укреплением советской власти в регионе Центр и губернские власти рассчитывали на получение значительного количества продовольствия. Посевная и продовольственная кампания оставались доминантой работы в деревне. Принимая решение о передаче неиспользуемой земли другим гражданам, местные уземотделы и комиссии по обсеменению полей напоминали об ответственности владельцев за оставление её невспаханной и незасеянной⁶³⁶. Именно в связи с организацией расширения посевной площади местные земельные работники предлагали признать целесообразным разрешение в некоторых хозяйствах наёмного труда, с применением оплаты долей урожая⁶³⁷. Однако ни в Оренбургской, ни в Челябинской губерниях продовольственные задания 1919 – 1920 гг. выполнены не были, поскольку не соответствовали реальным возможностям сельского хозяйства южноуральских губерний⁶³⁸. Косвенно это признали и губернские власти. На 1919–1920 гг. задание по развёрстке для Челябинской губернии составляло 21 млн. 160 тыс. пудов, а на 1920–1921 гг. – 10 млн 320 тыс. пудов, но к 1 ноября 1920 г. было собрано только 1 млн 133 тыс. пудов (около 10 %) ⁶³⁹. Сельское население и местные власти пытались добиться снижения или пересмотра продовольственных заданий, ссылаясь на отсутствие излишков, а в ряде случаев прямо противодействовали вывозу хлеба из своих районов⁶⁴⁰. Только в Троицком уезде Челябинской губернии протоколы о сложении развёрстки подали 52 станицы⁶⁴¹.

В этих условиях развёрстка могла быть выполнена за счёт потребностей сельского населения, что означало ставку в продовольственной работе (и вообще – в работе в деревне) на насилие и принуждение. Убедившись в невозможности заготовки хлеба путём самотёка и товарообмена, власти заговорили о «реквизиции всего наличного хлеба», «реквизиции продуктов без учёта каких-либо остатков» (телеграммы Наркомпрода оренбургскому губпродкомиссару и губпродкому, февраль 1920 г.)⁶⁴². Аналогичные распоряжения были изданы председателем губисполкома и губпродкомиссаром Челябинской губернии: «...Развёрстка должна быть выполнена... Никаких учётов продуктов у населения проверки запасов обеспеченности... не производить... у домохозяина всё причитающееся по развёрстке количество изымать, в случае невыполнения... арестовывать его и конфисковывать

все продукты, скот, имущество.. Подлежат аресту руководители советов и продкомов, не выполнившие развёрстку». Уфимский губпродком требовал выполнения 85 % задания по развёрстке к середине июля 1920 г. (с арестом и конфискацией всех запасов хлеба лиц, виновных в укрывательстве)⁶⁴³. Уже в продкампанию 1920–1921 гг. около половины всех заготовленных продуктов в Челябинской и Уфимской губерниях было собрано исключительно силами продотрядов⁶⁴⁴. Для поддержки продовольственной политики использовался различный арсенал средств, от агитации и усиления хозяйственной регламентации (запрещение ранней копки картофеля, уборки сена и т.д.) до продотрядов и административных репрессий в отношении местных советских работников. Так, Челябинское губчека в октябре 1920 г. начало обследование деятельности губземотдела. На заседании специальной междугубернской комиссии было установлено, что губземотделом не был выполнен приказ об обсеменении полей в части, касающейся снабжения колхозов достаточным количеством семян⁶⁴⁵. Назначив в ноябре 1920 г. в Челябинскую губернию нового губпродкомиссара Гринюка, «авторитетного партийного продовольственника», Наркомпрод объяснял это тем, что прежний руководитель, бывший эсер Торопов, возглавлявший продовольственные учреждения уезда с 1917 г., не состоял в коммунистической партии, следствием чего стало отсутствие «политического авторитета» в отстаивании интересов продучреждений. Торопов был назначен заместителем губпродкомиссара⁶⁴⁶.

Следствием запретительных и конфискационных мероприятий в отношении крестьянских хозяйств стало сокращение производства до натурально-потребительского уровня. Так, в Оренбургской губернии в 1920 г. среднее сокращение посевов на одно хозяйство составило от 16 % в Орском до 44 % в Оренбургском уезде (при 30 % в среднем по губернии)⁶⁴⁷. В 1917 г., имея почти такое же количество лошадей, оренбургские крестьяне засеивали на 30 % больше, чем в 1920 г.⁶⁴⁸ Объяснение этого явления мы видим не только в активности боевых действий в 1919 г., т. е. за год до проведения переписи, сколько в близости губернского центра и активности продовольственной работы⁶⁴⁹. Ужесточение продовольственной политики дезавуировало усилия земельных органов и всей работы в сфере землепользования, превращая «диалог» в

отношениях с деревней в монолог, подчиняя аграрную политику задачам «битвы за хлеб». Так, СНК БАССР потребовал в 1920 г. «обязательного засева полностью всей площади озимых полей», с указанием отбирать землю у лиц, не засеявших её и передавать обществу с обязательством произвести засев⁶⁵⁰. Снижение хозяйственных мотиваций деревни выдвигало на первое место другие стратегии, связанные уже с противодействием власти и элементарным выживанием. В регионе, сельское население которого ещё вчера лояльно встречало советскую власть, снабжало части красной армии хлебом, участвовало в мобилизациях, теперь разворачивалось пёстрое по своим лозунгам повстанческое и дезертирское движение. Вместе с тем голодающие станицы и деревни уже не обладали теми возможностями для политического противостояния, какие были ими продемонстрированы в 1918 г., а сосредоточение продовольственных запасов в руках государства создавало условия для патерналистской политики при минимуме ресурсов. Парадокс состоял в том, что именно теперь население гораздо сильнее зависело от власти и её распределительного механизма.

Заключение

Одной из основных задач социально-экономического развития России в конце XIX – начале XX в. стала модернизация аграрного сектора, связанная с перестройкой всего хозяйственного и культурного уклада деревни. Начатое в предвоенное десятилетие реформирование аграрных отношений показало прочность традиционных общинно-корпоративных устоев российского села, незначительно затронутых капиталистической трансформацией, и весьма чутко реагировавших на изменения социально-политической конъюнктуры. Наиболее ярко это проявилось в развернувшейся в 1917 г. аграрной революции, сопровождавшейся ослаблением институтов центральной государственной власти и регионализацией всей политической и хозяйственной жизни. Начавшаяся гражданская война окончательно выдвинула на первое место региональные учреждения, программа деятельности которых в значительной степени определялась кругом местных вопросов и активностью институтов провинциального общества.

В числе регионов, где развернулось военно-политическое противоборство, был и Южный Урал, превратившийся к 1917 г. в один из ведущих аграрных районов страны. «Мягкое» развитие аграрного капитализма в условиях сравнительного многоземелья способствовало сохранению крепкого традиционного общинного крестьянства и одновременно – формированию новых («фермерских» и предпринимательских) слоёв, ориентированных на производство товарной продукции. Интенсификация и формирование современной инфраструктуры сельскохозяйственного производства (в т. ч. развитие кооперации), модернизация структуры землевладения были особенно заметны в районах торгового земледелия, где в руках среднего и зажиточного крестьянства сосредоточилось (путём покупки в индивидуальную и коллективную собственность) более половины всех частновладельческих земель.

Развернувшиеся в 1917 – начале 1918 г. аграрные преобразования носили противоречивый характер, сопровождаясь пересмотром устоявшихся земельных отношений на основе традиционного крестьянского корпоративизма, а также усилением национальных и сословных (на башкирских и казачьих землях)

противоречий. Это проявилось и в деятельности низовых выборных организаций, оказавшихся в центре земельного переустройства – крестьянских, казачьих и башкирских советов, сохранявших специфический «сословный» характер и связи с общиной. К лету 1918 г. землеустройство значительной части безземельного (в том числе «постороннего» – т. н. разночинцев, заимщиков и т. д.) населения не было завершено, сталкиваясь с сопротивлением местного («коренного») крестьянства, и невозможностью урегулирования в короткий срок сложных межкрестьянских отношений. В районах с преобладанием традиционного общинного («бедняцко-средняцкого») крестьянства, слабо связанного с рынком, перераспределение земель сопровождалось почти полной ликвидацией частновладельческих хозяйств, а также хуторского и отрубного землевладения, возникшего в годы столыпинской реформы. Напротив, развитие торгового земледелия являлось сдерживающим фактором, способствовавшим сохранению крупного крестьянского хозяйства (в т.ч. на собственных – купчих и укрепленных в личную собственность землях), арендных отношений, а также сложившейся до революции структуры внутриобщинного землепользования.

Дальнейшая работа по проведению «социализации» земли была фактически свёрнута после чехословацкого переворота, результатом которого стал переход власти в руки «мелкобуржуазной» демократии и военных кругов, опиравшихся на казачество и чехословацкий корпус. Признавая «жизненность» проведённых земельных преобразований, новые власти выступили за возвращение к «нормальным» хозяйственным отношениям, легализовав аренду и подтвердив неприкосновенность существующего крестьянского надельного, башкирского и казачьего землевладения, а также за ограничение земельных захватов, восстановление государственного контроля над казёнными и банковскими землями, распределёнными среди крестьян весной 1918 г. Отсутствие авторитетной центральной власти и политическая аморфность режимов «демократической контрреволюции» обусловили самостоятельную роль местных властей в разработке и проведении основных социально-экономических мероприятий, в том числе и в земельном вопросе. Нормативно-правовой основой аграрного регулирования на местах являлись законодательство Временно-

го правительства и первые 10 пунктов закона о земле, принятые Учредительным Собранием 5 января 1918 г., ссылка на которые позволяла отложить решение непростого для социалистов вопроса об отмене советских декретов; фактически сохраняли своё значение и постановления советских земельных органов. Важную роль в оформлении аграрного курса сыграли крестьянские съезды, состоявшиеся в июне – августе 1918 г., где был рассмотрен целый комплекс вопросов, связанный с организацией хозяйственной жизни, государственным и военным строительством, местным управлением. Разработка аграрного законодательства растянулась на несколько месяцев, что позволило местным властям весьма существенно «корректировать» земельную политику центральных учреждений «контрреволюции», фактически игнорируя или «спуская на тормозах» отдельные мероприятия (такие, например, как возвращение имений прежним владельцам в соответствии с постановлением Сибирского правительства от 6 июля 1918 г.).

Территория Южного Урала оказалась разделена между несколькими антибольшевистскими правительствами: Оренбургского казачьего войска на казачьих землях, Комуча (часть территории Уфимской и Оренбургской губерний), Временного Сибирского правительства, под юрисдикцией которого оказались Челябинский и Троицкий уезды Оренбургской, Златоустовский уезд Уфимской губерний, на территории которых был создан Челябинский округ во главе с окружным комиссаром (комиссаром Приуралья). Создание округа стало результатом компромисса сибирской власти и местных антибольшевистских верхов, что позволяет говорить не столько о «военном» (как утверждалось ранее), сколько «политическом» характере присоединения этих территорий к Омску. На башкирских землях официально признанные волостные власти сосуществовали с кантональной и юртовой администрацией, ориентировавшейся на Башкирское правительство, стремившейся сосредоточить в своих руках решение основных вопросов социально-экономической жизни, что приводило её к противоречиям с гражданскими и военными властями, а также органами земского самоуправления.

Сравнение законодательства антибольшевистских правительств показывает принципиальную близость общего направления политики «демократической контрреволюции» в деревне,

исходившей на деле из признания сложившейся в результате революции структуры землепользования. Усилия властей были направлены на создание механизмов, позволяющих контролировать распределение и условия использования отдельных категорий земель, ставших объектами крестьянских захватов, а также на восстановление дееспособных средних и крупных хозяйств, прежде всего – “на обочине” крестьянского землепользования. При этом на практике проведение правительственных мероприятий в жизнь представляло собой компромисс с фактически сложившимся на местах потоком аграрного регулирования, направленность которого во многом отличалась от позиции официальных Омска и Самары, и была более созвучна уравнилельным настроениям крестьянства. Консолидация антибольшевистского лагеря на Уфимском Государственном совещании сопровождалась сохранением региональных различий в подходах к решению земельного вопроса (признание или отмена права частной собственности на землю, возвращение имений в «заведывание» или «пользование» владельцев), а также в организации земельного дела (восстановление земельных комитетов или передача земельной работы в руки земств).

Становление новой системы земельных учреждений в обеих её вариантах – «сибирском» и «комучевском» – также растянулось во времени. Непосредственное руководство земельным делом осуществляли уездные и губернские земельные комитеты и их исполнительные органы – земельные управы, заменённые земельными отделами земств только осенью 1918 г., а на территории бывшего Комуча – весной 1919 г. Наиболее сложными оказались вопросы комплектования и финансирования земельных учреждений, а также отсутствие эффективного механизма реализации принимаемых решений. Повседневная работа по регулированию аграрных отношений фактически сосредоточилась в руках крестьянских организаций – волостных земельных комитетов и земств, сельских властей, деятельность которых вышла далеко за пределы официального курса, ориентированного на компромисс различных групп сельского населения, и опиралась на традиционные правовые нормы и сложившиеся в условиях революции представления крестьянства. «Самоуправству» сельских властей (за которыми стояли общинные верхи) во многих случаях способ-

ствовало отсутствие внятной и ясной линии на регулирование землепользования со стороны вышестоящих земельных учреждений, связанных формальными рамками, особенно в решении «политических» вопросов (распределение захваченных земель, возвращение имущества и инвентаря собственникам). Попытка регламентировать землепользование на местах, опираясь на выборные крестьянские учреждения, в реальной социально-политической ситуации лета 1918 г. оказалась несостоятельной, следствием чего стало усиление административного вмешательства в регулирование аграрных отношений, ориентации заинтересованных сил в антибольшевистском лагере на местный административный аппарат и военные власти как инструменты проведения аграрных мероприятий.

С установлением военной диктатуры за основу аграрной политики была принята линия Сибирского правительства, отличавшаяся более чётко выраженной либеральной (в экономическом смысле) направленностью. Основу формирующегося режима колчаковской диктатуры составили военные и административные структуры «демократической контрреволюции», оказывавшие значительное влияние на социально-экономическую жизнь региона уже с лета 1918 г., а также органы самоуправления, попадавшие во всё большую финансовую и административно-правовую зависимость от правительственных учреждений. Одновременно со свёртыванием деятельности представительных земских органов были расширены полномочия управ в формировании бюджета, решении финансовых, административных и кадровых вопросов. Широкое вовлечение земств, прежде всего их распорядительных и исполнительных органов, в проведение правительственной политики, тесное взаимодействие с местными административными и ведомственными институтами способствовало постепенному превращению земской организации в часть хозяйственного аппарата колчаковского режима.

В условиях военной диктатуры важным инструментом регулирования земельных отношений стал правительственный земельный и лесной аппарат, восстановление которого на местах в основном было завершено осенью 1918 г. Колчаковские власти выступили сторонниками расширения полномочий ведомственных земельных учреждений, что соответствовало общей тенден-

ции к расширению масштабов администрирования в проведении основных социально-экономических мероприятий. При этом правительство отдавало предпочтение не только «закручиванию гаек», но вело поиск реальных решений, соответствующих условиям момента и весьма скромным репрессивным возможностям режима (признание «де-факто» и «де-юре» крестьянских захватов казённых земель с взиманием соответствующей платы, установлением упрощённого порядка отвода лесных и земельных угодий населению). Особое место в осуществлении этого своеобразного «бюрократического компромисса» военной диктатуры и крестьянства занимала низшая земельная и лесная администрация во главе с лесничими и участковыми заведующими, достаточно успешно решавшая одну из главных задач, поставленных правительством – восстановление контроля над использованием казённых, банковских и других земель государственного фонда.

Основным исполнительным звеном реализации аграрного курса оставались волостные и сельские власти. Выстроив более жёсткую административную систему, в рамках которой видное место отводилось традиционным для деревни институтам, колчаковцы приступили к разработке собственной аграрной программы. Главной целью, очевидно, была стабилизация хозяйственных отношений в деревне, которая позволила бы опереться на её людские и хозяйственные ресурсы и отложить проведение аграрной реформы в полном объёме на будущее. Основу реформы составила «существенно обновлённая доктрина столыпинского бонапартизма» (Ю. Д. Гражданов), предполагавшая, с одной стороны, признание фактических результатов аграрной революции 1917–1918 гг., а с другой – укрепление мелкого крестьянского землевладения на основе частной или личной собственности. Защита интересов «фактических пользователей» нашла отражение в целом ряде законодательных актов и нормативных документов (в том числе и основного – «Декларации Российского правительства о земле» от 4 апреля 1919 г.), в деятельности земельных учреждений и судебной практике колчаковского режима. Одновременно была приостановлена (на территории европейской России и Урала) или существенно скорректирована (в Сибири) работа по возвращению имений владельцам, ориентированная, скорее, на профилактику новых захватов, нежели восстановление прежнего

землевладения. Принятие 13 июня 1919 г. колчаковским совмином постановления о возобновлении земельных сделок (под контролем министерства земледелия) создавало условия для постепенного перехода захваченных земель в собственность крестьян, не дожидаясь окончания гражданской войны. Вместе с тем линия на восстановление института земельной собственности, стремление регламентировать права земельных пользователей на основе «законности» (понимаемой чаще всего как арендные отношения) придавали двусмысленность и неоднозначность аграрным мероприятиям белых.

Достаточно гибко и продуманно колчаковские власти подошли к проблемам казачьего и башкирского землевладения. Гарантировав неприкосновенность «национального быта, земли и самоуправления» башкир и исторические права казачьих войск, правительство адмирала Колчака, по существу, легализовало процесс реформирования аграрных отношений в крупнейшем казачьем войске на востоке России – Оренбургском. Задачи реформы были связаны с тем, что превращение а в самостоятельного субъекта землевладения до революции так и не было завершено, право казаков на пользование землёй (и казачества в целом на занимаемые им земли) оставалось увязано с несением казаками военной службы и выполнением ими роли одного из охранительных устоев самодержавия. В условиях революции требовался пересмотр всей нормативно-правовой базы казачьего землевладения и землепользования.

Основными целями аграрной реформы, разработанной в 1917–1918 гг., стали закрепление за казачеством прав на занимаемые им земли и их муниципализация, проведение широких землеустроительных работ и агротехническая перестройка казачьего хозяйства, переход к мелкообщинному землепользованию, с последующим установлением в е наследственного пользования землёй. Признавались права на землю неказачьего населения, постоянно проживавшего на арендуемых войсковых и собственных (бывших офицерских) землях на территории ОКВ, а также проживавших в станицах разночинцев, при условии вступления последних в казачество. Проведение реформы было тесно увязано с общегосударственным разрешением ряда других вопросов: сохранение социально-правовой и административной обособленно-

сти («самобытности») казачьих областей, несение казаками военной службы и другими, и открывало дорогу для превращения его из сословной в региональную социально-территориальную общность. Вместе с тем, наряду с удовлетворением специфических интересов казачьей общины, реализация реформы должна была способствовать дальнейшему хозяйственному освоению Южного Урала, совершенствованию аграрных технологий, модернизации казачьего и крестьянского хозяйства.

После восстановления войсковых учреждений летом 1918 г. одной из главных задач стало упорядочение фактического землепользования, сложившегося в результате перераспределения казачьих земель весной 1918 г. При этом войсковые и окружные земельные органы последовательно проводили курс на защиту фактических пользователей (установленные в войске арендные цены за землю с разночинцев были одними из самых низких в регионе), а сама политика в отношении землепользования неказачьего населения в 1918–1919 гг. была подчёркнуто благожелательной, при условии его политической лояльности. Одновременно начался процесс перехода в собственность ОКВ частновладельческих земель, а также (с весны 1919 г.) их временное распределение среди населения, проводились первые землеустроительные работы, связанные с расселением «сожжённых» станиц, реорганизовался войсковой хозяйственный аппарат. Развёртывание широких работ по реформированию аграрных отношений в Оренбургском казачьем войске оказалось невозможным как по экономическим, так и по политическим причинам, связанным с переносом боевых действий непосредственно на войсковую территорию, а затем и отступлением белоказаков и войскового правительства с территории Южного Урала.

Говоря об аграрной политике антибольшевистских властей в 1918–1919 гг. на территории Южного Урала в целом, можно отметить, что она строилась на основе учёта реалий послереволюционной деревни. Её эволюция определялась не только логикой режима военной диктатуры, свёртыванием элементов самоуправления и усиления административных рычагов управления обществом, но и социальными условиями гражданской войны, вынуждавшими обе стороны – и красных, и белых – широко прибегать к социальной демагогии и популизму, а также проведению сходных

социально-экономических мероприятий. Политические и хозяйственные условия гражданской войны выдвигали на первое место в разрешении земельного вопроса «временные», этактистские по своему характеру мероприятия по упорядочению фактического землепользования. Вместе с тем общее направление эволюции аграрной политики меньшевиков отличалось от вектора настроений и ожиданий крестьянства. Леволлиберальный курс на восстановление «начал собственности» требовал значительных административных ресурсов, благоприятной социально-экономической ситуации (прекращение гражданской войны, восстановление рыночных связей и товарного производства в деревне), а главное – доверия крестьян к власти Верховного Правительства, что оказалось наиболее сложной задачей для режима. Налоговый гнёт, реквизиции имущества, массовые мобилизации населения и лошадей в колчаковскую армию, разрушительные для крестьянского хозяйства, военно-полицейские методы управления, которым отдавали предпочтение многие гражданские и военные администраторы на местах, военные неудачи обусловили общий кризис политики белогвардейцев, в том числе и в аграрно-крестьянском вопросе.

Советская власть, утвердившаяся на Южном Урале с осени 1919 г., рассматривала южноуральский регион как источник продовольствия для промышленного центра страны и Красной Армии. Осуществлявшийся в 1919–1920 гг. земельный курс был ориентирован на сохранение фактически сложившегося землепользования. Допускалась передача неиспользуемых земель в руки экономически мощных «трудовых» хозяйств, а предпринимаемые шаги по организации советских и коллективных хозяйств носили осторожный характер. Однако ужесточение продовольственной политики в значительной степени девальвировало «либеральные» начинания центральной и местных властей в сфере земельных отношений. Политика военного коммунизма и свёртывание хозяйственной активности казачьих и крестьянских дворов привели к голоду 1920–1922 гг. и упадку сельского хозяйства. В результате незавершённости землеустроительных и агрокультурных мероприятий землепользование сельского населения Южного Урала в 1920-е гг. сохранило основные недостатки дореволюционного времени (дальноземелье, примитивный характер хозяйствования, запутанность наделных границ, наличие неис-

пользуемых и неосвоенных земель), только частично устранённые с началом массовой коллективизации.

В нашем исследовании, проведённом на материалах Южного Урала, мы постарались показать становление и деятельность механизмов регулирования аграрных отношений, изучение которых позволяет в некоторых отношениях пересмотреть существующие характеристики аграрной политики как белых, так и красных. Исследование показало самостоятельную роль местных властей в проведении основных социально-экономических мероприятий. Характер и реальное содержание аграрного курса являлись результатом взаимодействия институтов различного уровня, и во многом определялось кругом местных проблем, специфическим локальным «проблемным багажом». Это делает привлечение местного материала необходимым условием понимания крупных социально-экономических и политических процессов. Становится очевидной необходимость отказа от преимущественно иллюстративного подхода к использованию местных материалов, сохраняющегося и в современных исследованиях, посвящённых гражданской войне. При этом локальные, конкретно-исторические исследования могут выступить не только в роли регионального «среза» российской истории, но и средством обновления исследовательской проблематики, пересмотра устаревших или чересчур общих подходов и схем.

Примечания

¹ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 1–2. М.; Л., 1925; Анишев А. И. Очерки истории гражданской войны 1917–1920 гг. Л., 1925; Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Т. 1–3. Белград, 1930–1931; Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. 1–5. Париж, 1937.

² Дубровский С. М. Очерки русской революции. Вып. 1. Сельское хозяйство. М., 1923. С. 171, 186–189, 191, 224–226, 275. По мнению С. М. Дубровского, лозунг «земли» и требование «воли» от государства и всех государственных тягл был актуальным как для малоземельных, так и для многоземельных районов, что указывает на однотипность социальных процессов в центре страны, где сохранялся «полукрепостнический строй», и на восточных окраинах, где капиталистическое развитие происходило более свободно. Отношения в деревне в целом характеризуются автором как предкапиталистические, а аграрная революция, в ходе которой победу одержало мелкое крестьянское хозяйство – как ликвидация полуфеодального строя (там же. С. 186, 193, 208).

³ Год русской революции (1917–1918 гг.). Сб. ст. М., 1918; Литошенко Л. Н. Социализация земли. Сб. ст. М., 1918; Хрящева А. И. Крестьянство в войне и революции. М., 1921; Кириллов А. И. Очерки землеустройства за три года революции 1917–1922 гг. Пг., 1922; Дубровский С. М. Очерки русской революции. Вып. 1. Сельское хозяйство. М., 1923; Шестаков А. В. Большевики и крестьянство в революции 1917 г. М.; Л., 1927; Аграрная революция. Сб. ст. Т. 1–2. М., 1928.

⁴ Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923.

⁵ Гинс Г. Впечатления и мысли члена «Омского правительства» // Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни. Барнаул, 1991. С. 24, 25–27.

⁶ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. Кн. 2. Часть III. М., 2004. С. 235.

⁷ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1. С. 52.

⁸ Там же. С. 52–55.

⁹ Там же. С. 59–61.

¹⁰ Дубровский С. М. Очерки... С. 227, 242–243.

¹¹ Дубровский С. М. Там же. С. 177–179.

¹² Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале. 1917–1918. М., 1925; Кийков А. А. Южный Урал и Приуралье в годы империалистической и гражданской войны // Пройденный путь. К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Вып. I. Уфа, 1927; Тяняев А. Колчаковщина на Урале. 1918–1919 гг. Свердловск-Москва, 1930; Петров С. Разгром дутовщины. Челябинск, 1940. Так, И. Подшивалов охарактеризовал особенности аграрного развития края перед революцией, отметив преобладание крестьянского землевладения и мелкого трудового крестьянского хозяйства, а также постепенный процесс втягивания южноуральской деревни в революцию, через целый ряд «колебаний и недовольств». Основными факторами, способствовавшими перевесу «кулацких настроений» весной 1918 г., по его мнению, являлись социализация «земли, хлеба и торговли». «Уроки учре-

диловщины» и «испытания белогвардейщины» Подшивалов считал основной (наряду с изменением советского курса в деревне) причиной перехода крестьянства на сторону советской власти (Подшивалов И. Гражданская война... С. 14–26, 106). Более развёрнутые оценки политики уральской контрреволюции прозвучали в исследованиях А. Таяева (коснувшегося аграрной программы Временного Областного Правительства Урала) и С. Петрова, сравнившего казачье и крестьянское землевладение, и сделавшего вывод о преобладании «кулацко-зажиточных групп» в первом как социально-экономической основы «русской Вандеи». Дав содержательную характеристику политики верхов оренбургского казачества в 1917 – начале 1918 г., в т. ч. разработанной 1 Войсковым Кругом программы реформ в земельном вопросе (возвращение войску офицерских участков и др.), автор оценил её как направленную на сохранение обособленности и привилегий казачества, противопоставление интересов казачества и крестьянства. В том же духе им оценивается и программа башкирского национального движения (Петров С. Разгром дутовщины. С. 10–11, 13–14, 17–18, 116). При этом автор опирался преимущественно на опубликованные материалы – статистику землевладения, отчёты по агрономической части ОКВ, газеты.

¹³ Таяев А. Колчаковщина... С. 5–7.

¹⁴ Шарапов Г. В. Решение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917–1920). М., 1961; Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. 2. М., 1966; Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях политики «военного коммунизма». М., 1988; Гужвенко Г. И. Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941; Раимов Р. М. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952; Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919 гг. Челябинск, 1958; Лисовский Н. К. Разгром дутовщины (1917–1919). М., 1964; Аминев З. А. Октябрьская Социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966; Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. Л., Плотников И. Ф., Скробов В. С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969.

¹⁵ Шнейдер Д. М. Аграрные преобразования в Башкирии в 1919–1922 гг. // Из истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. С. 68, 86; Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. Л., Плотников И. Ф., Скробов В. С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 157; Васьковский О. А., Тертышный А. Т. Современная историография истории Урала периода гражданской войны (1918–1920). Свердловск, 1984. С. 47.

¹⁶ Васьковский О. А. Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Вопросы историографии гражданской войны на Урале. Свердловск, 1967.

¹⁷ Васьковский О. А., Тертышный А. Т. В. И. Ленин и проблема банкротства мелкобуржуазных партий на Урале в период гражданской войны // Историография истории Урала переходного периода. Свердловск, 1985. С. 71.

¹⁸ Гинёв В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977; Капцугович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975.

¹⁹ Гармиза В. В. Крах эсеровских правительств. М., 1970.

- ²⁰ Шнейдер Д. М. Провал аграрной политики белогвардейско-эсеровского правительства Комуча в Башкирии // Из истории Советской Башкирии. Уфа, 1967; он же. Аграрные преобразования в Башкирии в 1919–1922 гг. // Из истории Башкирской АССР. Уфа, 1959.
- ²¹ Спирин Л. М. Разгром армий Колчака. М., 1957. С. 33; Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 259; Васильковский О. А., Ниренбург Я. Л., Плотников И. Ф., Пожидаева Г. В., Тертышный А. Т. Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989.
- ²² Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 131.
- ²³ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 181, 182, 187.
- ²⁴ Селивановская Л. А. Социальная дифференциация Оренбургского казачества в конце XIX – начале XX вв. // Уч. зап. Оренб. гос. пед. ин-та. Сер. Ист.-фил. наук. Вып. 13. Оренбург, 1958; Пожидаева Г. В. Разложение казачьей общины накануне 1917 г. (по материалам Южного Урала) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971; Футорянский Л. И. Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март–октябрь 1917 г.). Оренбург, 1972; он же. Землевладение и землепользование в Оренбургском казачьем войске в конце XIX – начале XX вв. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период). Уфа, 1988, и др.; Машин М. Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976; Булатова Н. В. К вопросу о классовой дифференциации иногороднего крестьянства в казачьих станицах Оренбургской губернии накануне Октября (по материалам подворных карточек) // Социально-экономические проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1977.
- ²⁵ Машин М. Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 34–35, 135.
- ²⁶ Машин М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. С. 17–18.
- ²⁷ Футорянский Л. И. Казачество в период гражданской войны // Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск, 1984. С. 52. Следует сослаться на статью В. И. Ленина (Ленин В. И. Русская революция и гражданская война // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 219).
- ²⁸ Хмелевский К. А., Хмелевский С. К. Борьба за власть советов в казачьих районах. Правда истории и вымыслы англо-американских советологов // Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск, 1984. С. 76. Авторы опирались на высказывания Ленина (Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 315–316; он же. Аграрная программа социал-демократии в русской революции (Автореферат) // Там же. Т. 17. С. 165).
- ²⁹ Козлов А. И. Казачество в период Октябрьской революции: итоги и задачи дальнейшего исследования // Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск, 1984. С. 37–38.
- ³⁰ Машин М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. С. 45.

³¹ Там же. С. 47.

³² Там же. С. 94–96.

³³ Там же. С. 91, 93–94.

³⁴ Так, авторы монографии «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале» отметили, что «до белогвардейской оккупации полный раздел и передел земли на Урале не был проведён», а Д. М. Шнейдер вообще отнёс его к 1920–1922 гг., причём «массовое землеустройство трудового крестьянства затянулось почти на весь восстановительный период» (Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. Л., Плотников И. Ф., Скробов В. С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 157; Шнейдер Д. М. Аграрные преобразования в Башкирии в 1919–1922 гг. // Из истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. С. 68, 86). Любопытно отметить, что на незаконченный, полукомпромиссный характер социализации и перераспределения земли внутри крестьянства указывал в 1920-е гг. ещё А. Таяев (Таяев А. Колчаковщина... С. 5–7).

³⁵ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях политики «военного коммунизма». М., 1988.

³⁶ Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989; Метельский Н. Н. Деревня Урала в условиях «военного коммунизма» (1919–1921 гг.). Свердловск, 1991.

³⁷ Емельянов Н. Ф., Пережегина И. Н., Семёнова О. Г. Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. Курган, 1994; Курилов В. Н., Мамсик Т. С. От фундаментальных обобщений – к научному краеведению // История Курганской области. Т. 6. Курган, 2001; Свищев В. А. Южное Зауралье в конце XIX – начале XX в. // История Курганской области. Т. 2. Курган, 1996; Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002; Савельев П. И. Пути аграрного развития России в дискуссиях российских историков // Россия сельская. XIX – начало XX века. М., 2004.

³⁸ Бухарев В. М., Люкшин Д. И. Российская смута начала XX века как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Казань, 1994; Куренных А. А. Крестьянство России в период войны и революции 1917–1920 гг. (историографические аспекты) // Вопросы истории. 1999. № 4; Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. // Россия сельская. XIX – начало XX века. М., 2004.

³⁹ Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923 гг. Т. 1–2. М., 1991. С. 436, 440, 441, 611. Э. Карр непосредственно не рассматривал политику небольшевистских режимов (за исключением Временного правительства), но, характеризуя позицию правых эсеров, отмечал, что эсеры двигались вправо в поисках компромисса с кадетами о компенсации помещикам за экспроприированные земли (там же. С. 436, 716, прим. 25). По мнению О. Фиджес, община была центром аграрных преобразований, а общинные традиции выступали как регуляторы крестьянской революции. Связи между крестьянами неравного экономического статуса оказывались сильнее, чем противоречия между беднейшим и зажиточным крестьянством. Отмечается укрепление крестьянской солидарности как один из основных результатов аграрной революции. Крестьянские восстания (комбедовского периода) автор связывает с борьбой

между крестьянскими институтами революции и теми учреждениями, которые гражданская власть («город») принесла в деревню. Районы с более развитым капиталистическим хозяйством (зернопроизводящие районы) стали территорией контрреволюции (Корчагова М. П. Проблемы аграрной истории Октябрьской революции и гражданской войны в англоязычной литературе (Историкографический обзор) // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 207–208).

⁴⁰ Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского нэпа. М., 1996; Он же. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; Телицын В. Л. «Бессмысленный и беспощадный?»...: Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 гг. М., 2003.

⁴¹ Ёсида Х. Модернизация Российской империи и обычное семейное право крестьян. Споры современников // Новый мир истории России. Форум японских и российских историков. М., 2001; Карпачёв М. Д. Особенности правосознания воронежского крестьянства на рубеже XIX – XX вв. // Землеведение и землепользование в России. Калуга, 2003; Токарев Н. В. Поземельное устройство Тамбовской деревни в период столыпинских преобразований: некоторые социально-правовые аспекты // Там же; Рамазанов А. Г. Правосознание российского крестьянства в революционную эпоху (на материалах Самаро-Симбирского Поволжья) : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995; Посадский А. В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905–1945 годах. Саратов, 2004; Телицын В. Л. Урал в 1917–1921 гг.: красный террор и общинная самозащита // Право, насилие, культура в России. Региональный аспект (первая четверть XX века). Москва–Уфа, 2001.

⁴² Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы первой мировой войны. М., 2004. Необходимо отметить, что автор является уральским исследователем и в значительной степени опирается на уральские материалы.

⁴³ Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов. Саратов, 1974; Он же. Земское самоуправление в России. М., 1990; Он же. Народ и власть (1917 год). М., 1995; Кострикин В. И. Земельные комитеты в 1917 г. М., 1975; Шнейдер Д. М. Из истории крестьянских организаций в начальный период аграрной революции // Из истории социалистического строительства в автономных республиках РСФСР. Уфа, 1975; Семьянинов В. П. Советы в деревне в первый год пролетарской диктатуры. Саратов, 1988; Курёнышев А. А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000.

⁴⁴ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.

⁴⁵ Там же. С. 172.

⁴⁶ Шнурова Л. Н. К вопросу об идеологии белого движения в Сибири (мнение) // Белая гвардия. Альманах. № 5. М., 2001; Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997; Гражданов Ю. Г. Аграрное законодательство режима А. В. Колчака // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995.

⁴⁷ Сичинский Е. П. Из истории Временного областного правительства Урала (К вопросу о «третьем пути» русской революции) // История СССР. 1991. № 1; Кобзов В. С., Сичинский Е. П. Государственное строительство на Урале в

1917–1921 гг. Челябинск, 1997; Лончаков Ю. Т. Аграрная политика временных государственных образований на территории Сибири в 1918–1919 гг. // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997; он же. Законодательство о земельных советах // История «белой» Сибири. Кемерово, 1999; Назыров П. Ф. Регулирование аграрных отношений на Урале и вопрос о частновладельческих землях в 1918–1919 гг. // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XIX веках. Челябинск, 1997; он же. Аграрная революция и политика антибольшевистских правительств на востоке России // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.). Ишим, 2006; Никонова О. Ю. Социально-экономическая программа «демократической контрреволюции» (июнь – ноябрь 1918 г.) // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках. Челябинск, 1997; Дмитриев Н. И. Экономика по Колчаку: поиск путей развития // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. Из других публикаций сибирских исследователей, посвящённых законодательству и политике белых режимов, можно выделить: Гордеев О. Ф. Аграрная политика колчаковского правительства // XX в. и исторический опыт освоения Сибири. Красноярск, 1993; Лончаков Ю. Г. Аграрная политика контрреволюционных правительств на территории Сибири в годы гражданской войны // Классы и политические партии в Октябрьской революции и гражданской войне в Сибири. Новосибирск, 1991; Он же. Аграрная политика временных государственных образований на территории Сибири в 1918–1919 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997; Расторгуев С. В. Аграрная политика колчаковского правительства : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Рынков В. М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918–1919 г.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г. Новосибирск, 2001.

⁴⁸ Кобзов В. С., Сичинский Е. П. Государственное строительство... С. 71–72.

⁴⁹ Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории. Екатеринбург, 2000. С. 54–56.

⁵⁰ Казанчиев А. Д. Взаимоотношения между антибольшевистскими правительствами на территории Башкортостана // Башкирский край. Вып. 7. Уфа, 1997; Он же. Уфимская Директория 1918 года. Уфа, 2003; Назыров П. Ф. Приуральский край в условиях «демократической контрреволюции» // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край. Челябинск, 1993; Он же. Формирование административного центра в Челябинске в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Южный Урал в судьбе России (К 70-летию Челябинской области). Челябинск, 2003; Плотников И. Ф. Гибель Всероссийского Учредительного Собрания. Трагические события на Урале и в Сибири. 1918–1919 гг. Екатеринбург, 2002; Зубков К. И., Побережников И. В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003.

⁵¹ Жукова Н. И. Структура местных учреждений в Зауралье с июня по ноябрь 1918 года // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 1. Курган, 1990; Мальцева Т. В. Из истории сибирского земства (лето – осень 1918 г.) // Сибирь

в период гражданской войны. Кемерово, 1995; Некрасова Л. В. Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск, 1997; Назыров П. Ф. Приуральский край в условиях “демократической контрреволюции” // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край. Челябинск, 1993; Он же. К вопросу об особенностях аграрной революции на Южном Урале (землевладение и социальная структура южноуральской деревни) // Россия на пути от тоталитаризма к демократии: история и современность. Челябинск, 1997; Он же. Кантональное движение и земельный вопрос в Зауральской Башкирии (1917–1919 гг.) // Исторические чтения. Вып. 4. Челябинск, 1998; Он же. Аграрная история гражданской войны (опыт локального исследования) // Горизонты локальной истории Восточной Европы. Челябинск, 2001; Он же. Формирование административного центра в Челябинске в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Южный Урал в судьбе России (К 70-летию Челябинской области). Челябинск, 2003; Крестьянские съезды на южном Урале в 1918 г. // Труды кафедры новейшей истории России. Т. 1. Челябинск, 1997; Лончаков Ю. Т. Земельные органы сибирской контрреволюции // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв. Новосибирск, 1998.

⁵² Телицын В. Л. Крестьянское хозяйство Урала в условиях «военного коммунизма»: дис. .... канд. ист. наук. М., 1993. Основные выводы автора получили позднее отражение в опубликованной им монографии (Телицын В. Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М., 1998).

⁵³ Хазиев Р. А. «Автономный нэп» эпохи «военного коммунизма» на Южном Урале: рыночная альтернатива командно-распределительной экономике // Отечественная история. 2001. № 6.

⁵⁴ Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Оренбургская деревня на завершающем этапе гражданской войны (1920–1922 гг.). Оренбург, 2002; Лабузов В. А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917–1932 гг.). Оренбург, 2004. По мнению авторов, период 1918–1919 гг. представляет собой «информационный провал», и отдельные разрозненные сведения никак не позволяют делать серьёзные обобщения (Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Оренбургская деревня... С. 4). Характеризуя позицию крестьянства, они указывают, что село не сделало однозначного выбора между красными и белыми. «Деревня... стремилась выжить и потому пыталась защищаться». В итоге земледельцы всё же поддержали советскую власть как «наиболее удовлетворяющую интересы крестьян», но этот факт вовсе не означает безоговорочной поддержки политики и лозунгов коммунистов. «Крестьянство пыталось приспособиться к новой коммунистической власти» (там же. С. 4–5).

⁵⁵ Хазиев Р. А. Экономическое развитие периода Гражданской войны в Башкортостане. Уфа, 1994; Давлетшин Р. А. История крестьянства Башкортостана. 1917–1940 гг. Уфа, 2001. В этой связи необходимо отметить работы Р. А. Янгусина 1980-х – начала 1990-х гг., охарактеризовавшего эволюцию и региональные особенности башкирского хозяйства в XIX – начале XX вв.

⁵⁶ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.,

2001. С. 559. По мнению И. В. Нарского, “деревня отнюдь не металась между «красными» и «белыми»... а словно бы угрюмо замыкалась в себе, упрямо пытаясь свести к минимуму... вмешательство и тех, и других, сохранить и усилить... подаренную революцией автономию от любой внешней силы” (с. 262). Даваемые автором оценки аграрной политики антибольшевиков достаточно стереотипны: “Временное Сибирское правительство и Комуч приняли законы о возвращении имений прежним владельцам”, “более осторожную” позицию заняло Временное областное правительство Урала. Что касается колчаковского режима, то его декларация имела явные антиобщинные интонации, предполагая превращение земли в товар, а также возвращение отнятого крестьянским обществом у хуторян и отрубников, окончательное решение земельной проблемы откладывалось (с. 101–102). В целом же, по оценке автора, позиция белых в аграрном вопросе была достаточно гибкой и не соответствовала советскому историографическому клише об “антинародной политике”, что подтверждается в исследовании ссылками на документы “белогвардейского” лагеря о доверии к колчаковской власти и антибольшевизме населения (с. 266). Вместе с тем “в условиях гражданской войны ни один режим, вне зависимости от его политической окраски и заявленных целей, не мог обойтись без чрезвычайных мероприятий – контрибуций, конфискаций и повинностей, помноженных на своеволие и злоупотребления военных и гражданских властей” (с. 102).

⁵⁷ Крупина А. Н. Освещение в современной литературе уроков колчаковщины и поворота среднего крестьянства на сторону советской власти // Уральское село в XX веке. Екатеринбург, 1994; Ушаков А. И., Федюк В. П. Гражданская война: Новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998; Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.). Архангельск, 2000; Верещагин А. С. Отечественная историография гражданской войны на Урале (1917–1921 гг.). Уфа, 2001; Иванов А. В., Тертышный А. Т. Уральское крестьянство и власть в период Гражданской войны (1917–1921 гг.): Опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002; Коробкин А.А. Отечественная историография “демократической контрреволюции” (лето – осень 1918 г.) в России : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

⁵⁸ Интересный подход к интерпретации «аграрного вопроса», в основе которого находится осознание обществом проблемы легитимности существующих прав на владение землей, был предложен А. Медушевским. По его мнению, «там, где присутствует осознание несправедливости существующей системы распределения земельных ресурсов, независимо от реальной ситуации в экономике страны, – существует аграрный вопрос. Там, где такое осознание отсутствует, — аграрного вопроса, во всяком случае как социального феномена, не существует даже при наличии экономически неэффективной и политически необоснованной правовой системы земельной собственности». Новизна данного подхода в том, что, концентрируя внимание на общественных представлениях, он «обнаруживает существо проблемы там, где предшествующая историография видела лишь

ее следствие. Он показывает, что степень социальной артикуляции аграрного вопроса и выдвигаемые в обществе программы его решения определяют масштаб конфликта и конкурирующие стратегии его разрешения». При этом автор, со ссылкой на «современную социологию», трактует категорию легитимности «не только и не столько соответствие данных социальных институтов действующему закону, сколько принятие этих институтов массовым общественным сознанием» (Медушевский А. Стратегии решения аграрного вопроса в России // Отечественные записки. 2004. № 1. Специальный проект: «Журнальный зал» в «Русском Журнале»).

⁵⁹ Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. Челябинск, 1999. С. 328–329, 335.

⁶⁰ Футорянский Л. И. Казачество Урала в период империализма. Самара, 1993; Он же. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998; Он же. Казачество России в огне гражданской войны. Оренбург, 2003; Махрова Т. К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск, 1998; Она же. Казачество Урала и власть. М., 2004; Махрова Т. К., Кобзов В. С. Казачье хозяйство в годы гражданской войны // Исторические чтения. Вып. 4. Челябинск, 1998; Каминский Ф. А. Оренбургское казачество в первые годы Советской власти. Магнитогорск, 1996; Назыров П. Ф. Казачий съезд в Челябинске (27–29 июня 1918 г.) // Казачество Оренбургского края XVI–XX веков. Оренбург, 1992; Он же. Проведение аграрной реформы в Оренбургском казачьем войске (1917–1919 гг.) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 2. Челябинск, 1995; Он же. Распространение сельскохозяйственных знаний и развитие агрономии в Оренбургском казачьем войске // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи. Челябинск, 1996.

⁶¹ Футорянский Л. И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998. С. 63, 89.

⁶² Футорянский Л. И. Аграрная и продовольственная политика двух властей (1917–1919). Оренбург, 1996; Казачество России в огне гражданской войны. Оренбург, 2003.

⁶³ Так, по мнению В. В. Кондрашина, «на практике Комуч не смог убедить крестьян в необратимости перемен, прежде всего в главном для них – земельном вопросе. Деревня была отдана на откуп военщине, которая с помощью насилия и принуждения осуществляла мобилизацию крестьян в Народную армию». В своих бывших имениях офицеры наказывали крестьян за причинённые ими убытки: пороли и расстреливали зачинщиков. За демократическим фасадом Комуча крестьяне увидели помещика, жаждавшего вернуть свою землю (Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье... С. 338, 341). На «мстительность» белых в отношении крестьянства, отсутствие нормального государственного аппарата и администрации (восполняемое жестокостью насаждения своих порядков), войну, которые и белый, и красный режимы вели против крестьян (и ответное крестьянское движение «против отношений собственности и устройства власти как у красных, так и у белых») указывает В. Н. Бровкин (Бровкин В. Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 27, 29–30).

⁶⁴ Так, И. В. Нарский фактически противопоставляет «попытки нормативного регулирования земельных отношений» «практической линии антисоветских правительств» с чрезвычайными мероприятиями, злоупотреблениями и репрес-

сиями в отношении сельского населения (Нарский И. В. Жизнь в катастрофе... С. 102), хотя ниже он же делает оговорку, что крутые меры носили «случайный характер» (с. 266).

⁶⁵ Куреньшев А. А. Крестьянство России в период войны и революции... С. 155.

⁶⁶ Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991; Зырянов В. П. Крестьянская община Европейской России, 1900–1914 гг. М., 1992; Современные концепции аграрного развития. Методологический семинар // Отечественная история. 1992. № 5; 1993. № 2, 6 и др.

⁶⁷ Один из ведущих социальных исследователей, Шейла Фицпатрик, говорит о крестьянских стратегиях сопротивления, приспособления, манипулирования (Фицпатрик Ш. Сталинисты крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. М., 2001. С. 12–25).

⁶⁸ В этой связи значительный интерес представляют работы, где даётся характеристика провинциального общества (или, вернее, провинциальных обществ) Урала начала 20 в., а также рассматриваются региональные варианты аграрного развития (Н. Н. Алеврас. Уральский регион: историко-культурное единство или многообразие? // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005; Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002). Говоря о возможностях локального подхода, можно указать на работы И. В. Нарского, вслед за Р. Рексхойзером рассматривающего провинциальную Россию как пёструю палитру локальных обществ, сохранявших собственную специфику, и отмечающего актуальность локально-исторического подхода к изучению русской революции (Нарский И. В. Политические партии в российской провинции (Урал, 1901–1916 гг.): шанс демократизации или модификация авторитарной повседневности? // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XIX веках. Челябинск, 1997; Он же. К вопросу о прошлом и будущем политической локальной истории поздней Российской империи // Горизонты локальной истории Восточной Европы. Челябинск, 2001). Автор старался также учесть достижения исторического регионоведения, связанные с работами С. А. Гомаюнова (Киров), А. В. Ремнева (Омск), К. И. Зубкова (Екатеринбург), В. В. Меньшикова (Курган) и других исследователей российской провинции.

⁶⁹ Так, исследователи отмечают, что источники революционного времени требуют «предварительного системного структурирования» (Булдаков В. П. Октябрь и XX век: теории и источники // 1917 г. в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 13; Верещагин А. С. Отечественная историография гражданской войны на Урале (1917–1921 гг.). Уфа, 2001. С. 59–73).

⁷⁰ Иванцов Д. Н. К критике русской урожайной статистики. Петроград, 1915. С. 144–145.

⁷¹ Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Оренбургская деревня на завершающем этапе гражданской войны (1920–1922 гг.). Оренбург, 2002. С. 13.

⁷² О том, как был организован текущий учёт в начале 1920-х гг., говорят воспоминания челябинского обывателя и общественного деятеля К. С. Теплоухова, исполнявшего обязанности секретаря Карасинского исполкома в 1922 г. – уже

после гражданской войны: «Потребовали сведения о количестве скота у каждого обывателя для обложения налогом. Опросил, выяснилось, что у большинства 3–5–7 лошадей, 2 лошади были у бедняков. О коровах и овцах не помню. Затребовали сведения о бедняках для освобождения от с[ельско]хоз[яйственного] налога. Спрашиваю председателя Фалькова. Он достает список всех обывателей: «Вот – выбирайте!» – «Да я ни души здесь не знаю!» – «Ничего, как-нибудь... мне некогда». При содействии сторожа составил. Составляли с Фальковым срочные, самые подробные, точные сведения о всех лошадях, экипажах и сбруе в поселке, – к сожалению, из своей головы (Теплоухов К. Н.: Челябинские хроники: 1899–1924 гг. Челябинск, 2001. С. 41–433).

⁷³ Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Оренбургская деревня... С. 4.

⁷⁴ Неуструев С. С. Естественные районы Оренбургской губернии. Оренбург, 1918; Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии. Оренбург, 1927; Сельскохозяйственные районы Уральской области. Свердловск, 1928; Толстов Н. В. Построение норм земельного обеспечения в условиях засушливого Зауралья. Свердловск, 1926.

⁷⁵ Колчаковщина. Екатеринбург, 1924; Колчаковщина на Урале. 1918–1919 гг. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1929; Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919 гг.). Документы и материалы. Оренбург, 1958; Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сборник документов и материалов. Уфа, 1959; Гражданская война на Южном Урале. Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962; Южное Зауралье в период гражданской войны. Сборник документов и материалов. Курган, 1963; Октябрь в Башкирии. Сборник документов и материалов. Уфа, 1987.

⁷⁶ Так, в тексте постановления Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. о возвращении имений их владельцам были опущены пункты постановления, передававшие рассмотрение вопроса о возвращении «имений» (т. е. хозяйств) органам земского самоуправления, и примечание о том, что постановление должно проводиться в жизнь с учётом интересов лиц, временно пользовавшихся землёй (Гражданская война на Южном Урале. Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 180).

⁷⁷ Уфимское Государственное Совещание // Русский исторический архив. Сб. 1. Прага, 1929.

⁷⁸ Временное областное правительство Урала. Документы и материалы. Под ред. Т. И. Славко. Екатеринбург, 1993; История России. 1917–1940. Хрестоматия. Под ред. М. Е. Главацкого. Екатеринбург, 1993; Зауральская Башкирия в 1917–1918 гг. Из документов и материалов Государственного архива Челябинской области. Публ. Назырова П. Ф., Янгировой И. С. // Исторические чтения. Вып. 4. Челябинск, 1998; Уфимское Государственное Совещание. Документы и материалы // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1999. № 1. Публ., предисловие П. Ф. Назырова, О. Ю. Никоновой.

⁷⁹ Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско: история и современность. Справочный материал. Челябинск, 1993.

⁸⁰ Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. М., 1992. Т. 14; Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921; Кроль Л. А. За три года власти.

Владивосток, 1923; Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923.

⁸¹ Акулинин И. Г. Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками. Шанхай, 1938; Зуев А. В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом (1918–1922). Харбин, 1937; Енборисов Г. В. От Урала до Харбина (воспоминания полковника дутовской армии). Шанхай, 1932.

⁸² КФ ГАКО. Ф. 5857. Оп. 1 Д. 7. Воспоминания Рахманина Г. Ф.; Д. 516. Воспоминания Алютина Ф. А.; ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 168. Рукопись очерка Шарапова о борьбе с Дутовщиной. Оригиналы донесений, использованных Шараповым, хранятся в фондах РГВА.

⁸³ ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 161. Рукопись Б. Эльцина «Дни Октябрьского переворота на Южном Урале и в Уфе»; там же. Д. 368. Стенограмма заседания Урало-Башкирского землячества об Октябрьской революции и башкирском национальном движении. Доклад М. Халикова «Октябрьская революция и Башкирское национальное движение». Интересные оценки башкирского движения даны в очерке И. Бекчентеева «Башкирское движение», опубликованном в «Казачьей правде» («Казачья правда»). 1918. 1, 3, 6 марта).

⁸⁴ Араловец М. Воспоминания матери // За власть Советов. Уфа, 1961; Бабушкин И. М. Страницка из жизни отряда Борчанинова // В боях и походах. Воспоминания участников гражданской на Урале. Свердловск, 1959; Слободчиков И. Дуванские Мараты // В те суровые годы. Уфа, 1977.

⁸⁵ Шибанов Н. С. «Зелёная война». Исторические очерки. Челябинск, 1997; Он же. Казачья Голгофа. Челябинск, 2004; Маслов П. П. От скитов – к социализму. Воспоминания // Колос (с. Уйское). 1990. Июнь – сентябрь.

⁸⁶ Казачий съезд в Челябинске (27–29 июня 1918 г.) // Казачество Оренбургского края XVI–XX веков. Оренбург, 1992; Приуральский край в условиях «демократической контрреволюции» // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край. Челябинск, 1993; Проведение аграрной реформы в Оренбургском казачьем войске (1917–1919 гг.) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 2. Челябинск, 1995; Распространение сельскохозяйственных знаний и развитие агрономии в Оренбургском казачьем войске // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычай. Челябинск, 1996;

⁸⁷ ACLS: SHORT-TERM GRANTS IN THE HUMANITIES (Academic Year 2005–06). Проект “Крестьянство и власть: опыт регулирования аграрных отношений в российской провинции в 1917–1921 гг. (на материалах Южного Урала)”.

⁸⁸ См.: Огановский Н. Статистико-экономический очерк Уфимской губернии // Энциклопедический словарь... Гранат. Т. 42. Стб. 518; Саяхов А. С. Социально-экономическое расслоение крестьянства Башкирии к 1917 г. // Политические и экономические проблемы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. М., 1988. С. 40, таб. 5; Роднов М. И. Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 9; Он же. Крестьянство Уфимской губернии по переписи 1917 г. Уфа, 2002. С. 27; Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. Челябинск, 1923. С. 160–163, табл. 47 б, 48. Данные по крестьянским хозяйствам Челябинской губернии, собранные в 1920 г., дают, видимо, несколько заниженную, в сравнении

с довоенным временем, картину. Так, среди малосеющих (2,1–4 дес.) хозяйств около трети составляли «крепкие» дворы, имевшие двух и более лошадей, сохранившие хозяйство в связи с отсутствием необходимых работников.

⁸⁹ Роднов М. И., Дудина О. И. Вариационная группировка крестьянских хозяйств Уфимской губернии (по данным переписи 1917 г.) // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии. Уфа, 1988. С.94; Футорянский Л. И. Предпринимательские хозяйства в Оренбургском казачестве в конце XIX – начале XX вв. // Казачество Оренбургского края XVI–XX веков. Оренбург, 1992. С. 6–7.

⁹⁰ Свищев П. А. Южное Зауралье в конце XIX – начале XX в. // **История Курганской области**. Т. 2. Курган, 1996. С. 190–194. В “сибирском” по основным своим показателям Челябинском уезде членами кредитных и судо-сберегательных кооперативов состояло 75 % всех крестьянских и казачьих дворов, а в целом по губернии охват населения кредитными кооперативами составлял 35 % (Нейфельд Е. “Народное дело”. Кооперация как третий путь // Гостиный двор. 1995. № 3. С. 58).

⁹¹ Селивановская Л. А. К вопросу о социально-экономических последствиях крестьянских переселений в Оренбургскую губернию во второй половине XIX – начале XX вв. // **Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири**. Свердловск, 1966.

⁹² Огановский Н. Статистико-экономический очерк Оренбургской губернии // **Энциклопедический словарь...** Гранат. Т. 30. Стб. 650; Он же. Статистико-экономический очерк Уфимской губернии // **Энциклопедический словарь...** Гранат. Т. 42. Стб. 518. По данным М. И. Роднова, в 1917 г. крестьянам принадлежало 2297 из 3388 тыс. дес. частновладельческих земель. Каждое пятое крестьянское хозяйство имело купчую землю, а всего из земель, принадлежащих крестьянам, 28 % находилось в частной собственности (Роднов М. И. Аграрные отношения в Уфимской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции: 1912–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1987. С. 53–54; 79–80).

⁹³ Селивановская Л. А. К вопросу... С. 261; Роднов М. И. Аграрные отношения в Уфимской губернии... С. 53–54. Ниренбург Я. Л., Пожидаева Г. В. Историография вопроса о перераспределении земельного фонда на Урале в результате Октябрьской социалистической революции // **Историография истории Урала переходного периода. 1917–1937 гг.** Свердловск, 1985. С. 58–61. В земледельческой части края доля дворянско-купеческого землевладения была ничтожно мала, в пределах нескольких процентов, тогда как в частной собственности крестьян находилась 1/5 часть территории Уфимской губернии (Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии... С. 85). Хотя помещичье (частновладельческое) хозяйство не определяло социально-экономического облика сельского хозяйства, однако участие помещиков в рыночных отношениях было достаточно активным, особенно в Уфимской губернии, где располагались имения крупных предпринимателей Стахеевых (25320,8 дес. земли, в т. ч. в собственной запашке 5990 дес.), Э. И. Борель и других. Товарность помещичьих экономий, принадлежащих дворянам и купцам, достигала 80 %, с ними была связана значительная часть хлебо-торговли и мукомольного производства, лесопереработки. В крупных имениях

Оренбургской губернии просматривалась тенденция к интенсификации торгового животноводства, как, например, в латифундии Тимашева в Оренбургском уезде (80708 дес.), где было около 400 голов крупного рогатого скота и 7000 голов овец (Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф. Торгово-предпринимательская деятельность помещиков на юго-востоке Европейской России в начале XX в. // Россия сельская. XIX – начало XX века. М., 2004. С. 229–238, 241–242, 245–246).

⁹⁴ Роднов М. И. Аграрные отношения в Уфимской губернии... С. 69, 71–73.

⁹⁵ Селивановская А. Л. К вопросу... С. 262. Васьковский О. А., Заболотный Е. Б. Советские историки о социальных факторах Октябрьской социалистической революции в уральской деревне // Историографии истории создания и развития союза рабочего класса и крестьянства на Урале. Свердловск, 1982. С. 12; Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 87.

⁹⁶ В 1920 г. в Челябинской губернии (созданной из нескольких уездов прежних Оренбургской, Уфимской, Тобольской губерний) безземельными – то есть не располагавшими ни наделной, ни бывшей частновладельческой землей, а пользовавшимися ею на тех или иных временных началах – была пятая часть дворов, примерно столько же, сколько и до революции (Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. Челябинск, 1923. С. 80, табл. 28). Распределение земли весной 1918 г. не могло заменить собой комплекса землеустроительных мероприятий, к которым приступили только по окончании гражданской войны. Такая же картина с распределением земли наблюдалась и в других районах страны. По данным О. И. Козловой, в Калужской губернии в 1918 г. 55 % нетрудовых земель осталось нераспределено, а всего земли на праве частной собственности составляли здесь 34,7 % земельного фонда (Козлова О. И. Перераспределение земель в Калужской губернии в годы аграрной революции // Землевание и землепользование в России. Калуга, 2003. С. 273).

⁹⁷ Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 214–216, 253–254; Он же. Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 г. Уфа, 1997. С. 28–29.

⁹⁸ Свищев В. А. Южное Зауралье в конце XIX–начале XX в. // История Курганской области. Т. 2. Курган, 1996. С. 177, 182–183.

⁹⁹ Лабузов В. А. Деревня Южного Урала в период социальных потрясений и экономических реформ (1917–1930 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 44.

¹⁰⁰ Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века...; Лабузов В. А. Деревня... С. 45.

¹⁰¹ Свищев В. А. Южное Зауралье в конце XIX – начале XX в. С. 190, 194. По данным И. Подшивалова, число хозяйств Уфимской губернии без взрослых работников составило около 30 %, всего же в войска было призвано 44,7 % “всех рабочих сил” (Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале. 1917–1918. Опыт военно-исторического исследования. М., 1925. С. 23). В Оренбургской губернии призыв от числа трудоспособных составил 49,6 % (Черепанова Т. А. Кризис сельского хозяйства в годы первой мировой войны и социальная активность

масс // Труды института крестьяноведения Южного Урала. Вып. 1. Оренбург, 2003. С. 132).

¹⁰² В результате мобилизации работников в армию и семейных разделов только в Уфимской губернии число кулацких дворов сократилось на 19 тыс. (Саяхов А. С. Социально-экономическое расслоение крестьянства Башкирии к 1917 г. // Политические и экономические проблемы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. М., 1988. С. 46–47).

¹⁰³ Черепанова Т.А. Кризис... С. 131–133.

¹⁰⁴ Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 90–93, 102, 107–108. Так, начальник Уфимского губернского жандармского управления отмечал в своём отчёте, что «в крестьянских умах растёт и крепнет уверенность в улучшении земельного благосостояния за счёт земель государственных, имений немцев и нерусскоподданных и немцев-колонистов» (Поршнева О. С. Крестьяне... С. 107).

¹⁰⁵ Там же. С. 183–184, 206–207, 213, 230–231. В письме А. В. Луначарскому 19 ноября 1917 г. А. А. Богданов писал о «потребительском военном коммунизме», развивавшемся от фронта к тылу и временно перестроившем всё общество, «логике казармы», которую усвоили большевики, говоря о революции в России как о «революции под знаком военщины», «солдатско-коммунистической» (Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 352–355).

¹⁰⁶ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006. С. 397.

¹⁰⁷ Из наблюдений корреспондента Ф. Вдовина, совершившего поездку по Златоустовскому уезду (Уфимская жизнь. 1918. 25 февраля. Цит. по: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе... М., 2001. С. 218).

¹⁰⁸ Роднов М. И. В поисках справедливости (толерантность в южноуральской деревне начала XX столетия) // Труды института крестьяноведения Южного Урала. Вып. 1. Оренбург, 2003. С. 53–54.

¹⁰⁹ Крестьянство выжидало, несмотря на достаточно выгодные закупочные цены – так, средняя рыночная цена пуда ржи составляла в марте – апреле 1917 г. по Оренбургской губернии 2 руб. 32 коп., закупочная – 2 руб. 50 коп. (Сафонов Д. А., Лабузов В. А. Продразвёрстка 1916/1917 и 1919/1921 гг. на Южном Урале: попытка ретроспективного анализа // Труды института крестьяноведения Южного Урала. Вып. 1. Оренбург, 2003. С. 260–266). Необходимо также учитывать, что развёрстка 1916 г. опиралась на достаточно хороший урожай пшеницы 1915 г. (47 пуд. с дес.), тогда как в 1916 г. с десятины собрали 18 пуд., а в 1917 г. – 12 (Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Оренбургская деревня на завершающем этапе гражданской войны (1920–1922 гг.). Оренбург, 2002. С. 16).

¹¹⁰ Россия. 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб. 1995. С. 68, табл. 6.

¹¹¹ В Курганском уезде земельный комитет, переизбранный в феврале 1918 г., так и не смог прийти к какому-либо решению о распределении крестьянских лугов, покосов и пастбищ на 1918 г., а состоявшийся в апреле 1918 г. уездный крестьянский съезд постановил оставить их по старым надельным границам. Однако распределение частновладельческих земель трудностей не встретило (ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 192. Л. 3, 10 об.).

¹¹² ОГАЧО. Ф. Р-667. Оп. 3. Д. 117. Л.1-4. В Троицком уезде советская власть утвердилась вооружённым путём, в условиях противостояния с органами казачьего самоуправления и отрядами атамана Дутова, что повлияло и на характер распоряжений исполкома, который подчёркивал, что он «есть единственная верховная, избранная и твёрдая власть», и угрожал виновным в неисполнении его приказов (в частности, об описи имений и нетрудовых хозяйств для «передачи в руки трудового народа») передачей их военно-революционному суду. Вместе с тем приказы Троицкого уездного исполкома позволяют увидеть основные противоречия аграрного курса новой власти, стремившейся к установлению революционного контроля над сельскохозяйственным производством. В середине апреля 1918 г. исполком уже устанавливал порядок распределения земли для посева, в соответствии с которым местные земельные комитеты должны были собрать с желающих сделать посев заявления с указанием количества и местонахождения земли, наличия рабочего скота, инвентаря, и затем «немедленно» приступить к распределению угодий. Излишек земли предлагалось передать более сильным хозяйствам (многосемейным и использующим наёмный труд), а местное население и советы призывались не производить «никаких самочинных земельных выступлений». Отмечая сокращение посевов зажиточных жителей, и неправильное использование беднотой (распродажа, праздные разъезды и т. д.) полученных ею семян, лошадей и инвентаря, уездный исполком давал этому политическую оценку как преступлению против советской власти. Местные советы должны были «обязать, а если надо - принудить» всех купцов, промышленников, «зажиточных и полузажиточных землеробов» к расширению посевов, не стесняя их в найме работников и предоставить те земли, которые могут остаться незасеянными, а всех нежелающих работать в своём или чужом хозяйстве за установленную плату привлечь к бесплатному исполнению каких-либо общественных обязанностей. В этой связи объявлялось о подготовке приказа об учёте и направлении на бесплатные общественные работы всех праздноватающихся, незанятых работой интеллигентных и богатых людей, «в особенности тех троичских горожан, которые раньше производили посев сотнями десятин». Отвечая на опасения, что хлеб просто отберут, комитет обещал отчуждать хлеб государству по новым твёрдым ценам, которые будут установлены осенью, тем более, что «взятием единовременного налога с богатых произведено уравнение в зажиточности». От имени «землеробов, работающих в уездном земельном комитете по 20 часов в сутки», уездный исполком, возглавлявшийся выходцем из казачьего сословия, бывшим студентом В. Свешниковым, подчёркивал, что «гражданин Советской России должен и имеет право спрашивать одно: Где работа? Где много работы, выполняя которую я помогу закрепить Советскую власть?», а «трудящаяся святая деревня, родные деревенские землеробы» противопоставлялись «всё ещё саботажничающей, хихикающей и злорадно смеющейся интеллигенции», «малодушным хныкающим саботажникам», «объедателям хижин в дворцах и богатых домах». ОГАЧО. Ф. Р-667. Оп. 3. Д. 116. Л. 1, 2. Там же. Д. 132. Л. 5–6. Там же. Д. 117. Л. 1–4.

¹¹³ Известия Челябинского военно-революционного комитета. 1918. 26 января (8 февраля).

¹¹⁴ ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 192. Л. 9 об.

¹¹⁵ Октябрь в Башкирии. Уфа, 1987. Сб. док. С. 136–150. Подобная практика была распространена и на других территориях, причём целью «взятия единовременного налога с богатых» провозглашалось «уравнение в зажиточности» (ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 116. Л. 3. Приказ Троицкого уездного исполкома № 12). В Шумихе районным совдепом была конфискована мебель и другое имущество ряда богатых жителей.

¹¹⁶ ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 161. Л. 13–14. Рукопись Б. Эльцина «Дни Октябрьского переворота на Южном Урале и в Уфе».

¹¹⁷ Вместо уездного земельного комитета в начале марта 1918 г. был сформирован земельный отдел смешанного состава, состоявший из 2 членов бывшей земельной управы и 2 членов от «временного бюро по созыву съезда советов крестьянских депутатов Златоустовского уезда». Работа отдела носила подготовительный характер: опись частновладельческих имений, взятие на учёт мельниц и установление цен за помол, издание постановлений по охране леса, рассылка бланков подворной описи для выработки потребительно-трудоуевой нормы пользования землёй, организация курсов мерщиков и т. д. Созданный при уездном совдепе 1 апреля 1918 г. уездный комиссариат по земледелию возглавили член исполкома левый эсер Ф.Я. Потапов и большевик Я. М. Мохнаткин. Вскоре комиссариат уже рапортовал о начале «непосредственного осуществления земельной реформы на местах» (ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 131. Л. 2, 3).

¹¹⁸ Назыров П. Ф. Казачий съезд в Челябинске (27–29 июня 1918 г.) // Казачество Оренбургского края XVI–XX веков. Программа и материалы региональной научной конференции. Оренбург, 1992.

¹¹⁹ В Шумихе отряд из «сыновей купцов и кулаков» произвёл аресты большевиков и членов красногвардейских дружин (КФ ГАКО. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 14. Л. 6. Воспоминания И. Н. Банникова; Знамя труда. 1988. 7 ноября). В селе Чумляк вооружённая дружина арестовала членов волостного и сельского совета (Власть народа. 1918. 14 июня).

¹²⁰ Томилов Н. К. Из истории станции Мишкино Южно-Уральской ордена Октябрьской революции железной дороги. Челябинск, 1978. С. 26–28.

¹²¹ Власть народа. 1918. 20 июня. Приложение к № 15 «По Сибири».

¹²² Подшивалов И. Гражданская борьба... С. 124. Как показывают собранные истпартами в 1920-е гг. воспоминания, в демобилизованной солдатской массе, ещё вчера поддерживавшей лозунги большевиков, с возвращением домой преобладали обывательские настроения. Приезжающие с фронта солдаты, увидев, что «хлеба и скота много», и столкнувшись с реквизиционной политикой советской власти, говорили: «Я теперь не большевик... большевики отбирают всё». По словам солдат, «люди в центре получают по фунту с четвертью хлеба, надо как можно скорее произвести больше хлеба, а тут вам опять воевать идти» (Архивный отдел Администрации г. Златоуста. Ф. Р-206. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2). «Стоило солдатам, вернувшимся с фронта, сбросить шинель и взяться за соху, – через две, три недели они опять становились мужиками...» (Соколов-Микитов И. На своей воле (Из жизни красной деревни) // Родина. 1990. № 10. С. 83). Это, кстати, указывает на различие народного «стихийного» большевизма (или

«своевольства», как определяет его И. Соколов-Микитов) от социалистически-этактистских установок, проводниками которых выступала часть городской и сельской интеллигенции. В наибольшей степени это противоречие проявилось в попытках «наведения порядка» весной 1918 г., воспринимавшихся как посягательство на завоёванную в ходе революции свободу от государственного вмешательства.

¹²³ Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 271; Гражданская война на Южном Урале. Сб. док. и мат. С. 104.

¹²⁴ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 4. Л. 121.

¹²⁵ Оренб. вестн. Учред. Собрания. 1918. 5 августа.

¹²⁶ Казанчиев А. Д. Уфимская Директория 1918 года. Уфа, 2003. С. 38.

¹²⁷ Сб. узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 2. В местной прессе и некоторых официальных документах Челябинский окружной комиссар именовался также “комиссаром Приуралья”. Вместе с тем процесс складывания окружных структур летом – осенью 1918 г. не был завершён, на территории округа действовали земские организации различных губерний, учреждения Оренбургского казачьего войска и Башкирского правительства.

¹²⁸ Власть народа. 1918. 9 июня; 5 июля.

¹²⁹ Власть народа. 1918. 12, 19, 25 июня.

¹³⁰ Так, в Челябинске в организационный комитет народной власти вошли делегаты от политических партий, профессиональных и кооперативных организаций, казачества, крестьян, башкир. Курганскую временную думу составили, на равных началах, представители дум созыва 1917 и 1914 гг., профсоюзов и 4-х районов города; в Уфе временный комитет по охране города создали гласные думы и несколько членов Учредительного собрания; в состав Златоустовского временного организационного комитета вошли депутат Учредительного собрания, представители политических партий, мировые судьи, начальник гарнизона, представители партизанских отрядов, горная администрация (Власть народа. 1918. 30 июня; Жукова Н. И. Структура местных учреждений в Зауралье с июня по ноябрь 1918 года // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 1. Курган, 1990. С. 175; Егоров А. В. К вопросу об эвакуации большевиков из Уфы в июле 1918 года // Башкирский край. Вып. 3. Уфа, 1993. С. 124; ОГАЧО. Ф. Р-1521. Оп. 1. Д. 1. Л. 174–175).

¹³¹ ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 136. Л. 5.

¹³² ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 1. Л. 142 об.; Д. 2. Л. 87, 89, 113; Д. 16. Л. 28–28 об.; ГАОО. Ф. 1912. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.

¹³³ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 24. Л. 22.

¹³⁴ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 19. Л. 19.

¹³⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 16–17.

¹³⁶ Там же. Д. 3. Л.9–9 об.; Д. 5. Л. 2. Башкирское землевладение включало в себя надельные и свободные за душевым наделом земли, а также земельный фонд на припущенников, управление которым осуществляла русская администрация. Бюрократический контроль и продолжающееся изъятие башкирских

земель с передачей их в собственность государства, активное хозяйственное освоение башкирских земель небашкирским населением, сохранение экстенсивного скотоводческо-земледельческого хозяйства, особенно на юго-востоке Башкирии и в Зауралье, где часть населения продолжала выходить на летние кочёвки – всё это выдвигало земельный вопрос как один из основных и наиболее актуальных для башкирского общества. Требование освободить башкирскую землю от опеки других народов, закреплённое в решениях 1 Всебашкирского съезда летом 1917 г., стало одним из ведущих побудительных мотивов национального движения и, в конечном итоге, обеспечило ему широкую поддержку среди массы населения.

¹³⁷ ОГАЧО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–6; Д. 15. Л. 6–7. Зауральская Башкирия в 1917–1918 гг. (из документов и материалов Государственного архива Челябинской области). Публикация Назырова П. Ф., Янгировой И. С. // Исторические чтения. Вып. 4. Челябинск, 1998. С. 235–238.

¹³⁸ Власть народа. 1918. 9 июня.

¹³⁹ Назыров П. Ф. Кантональное движение и земельный вопрос в Зауральской Башкирии // Исторические чтения. Вып. 4. Челябинск, 1998. С. 109–113.

¹⁴⁰ Уговаривая съезд выслушать делегата, Фёдоров указывал, что этого требует свобода слова, и правда «только тогда освещается, когда она рассмотрена со всех сторон», призвав участников съезда показать пример восстановленной гражданской свободы. Затем слово было предоставлено делегатам соседних селений и волостей, заявивших, по словам челябинского корреспондента, что это село являлось грозой не только для своих жителей, но и для многих окрестных селений, которые «обирало и реквизирировало нещадно», а также члену комиссии по обревизованию совдепов (Власть народа. 1918. 20 июня. Приложение к № 15 «По Сибири»).

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Власть народа. 1918. 22 июня; ГАКО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 88.

¹⁴³ Власть народа. 1918. 22 июня.

¹⁴⁴ Там же. 1918. 5 июля. Первоначально на съезд прибыло 95 делегатов (Власть народа. 1918. 4 июля).

¹⁴⁵ Там же. 1918. 4 июля.

¹⁴⁶ Там же. 6 июля.

¹⁴⁷ Там же. 7 июля.

¹⁴⁸ Там же. 6 июля; 11 июля; 16 июля.

¹⁴⁹ Там же. 11 июля.

¹⁵⁰ Там же. 7 июля; 17 июля; «Сборник узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства». 1918. № 2. В местной прессе и некоторых официальных документах Челябинский окружной комиссар именовался также «комиссаром Приуралья». Вместе с тем процесс складывания окружных структур летом – осенью 1918 г. не был завершён, на территории округа действовали земские организации различных губерний, учреждения Оренбургского казачьего войска и Башкирского правительства.

¹⁵¹ Архивный Отдел Администрации г. Златоуста. Ф. Р-208. Д. 5. Л. 4. Воспоминания Буданова; Слободчиков И. Дуванские Мараты // В те суровые годы. Уфа, 1977. С. 44.

- ¹⁵² Араловец В. И. Воспоминания матери // За власть Советов. Уфа, 1961. С. 133.
- ¹⁵³ «Наше общество требует её к себе, – настаивал, например, дежурный начальник караула Месягутовской тюрьмы, сикиязец Михаил Трапезников. – Мы лучше знаем её и будем судить её сами». В. И. Араловец вспоминала суд над собой в волости: «Когда я вошла в комнату следственной комиссии с ребёнком на руках, исхудалая, оборванная, многие крестьяне, глядя на меня, плакали. Здесь были только сочувствующие, никто из них не принимал участия в зверствах. Вынесли постановление: освободить меня без права выезда из Сикиязской волости» (Араловец В. И. Воспоминания матери. С. 132–134).
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Власть народа. 1918. 6 июля; ОГАЧО. Ф. Р-1521. Оп. 1. Д. 1. Л. 174–175.
- ¹⁵⁶ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 3. Л. 32, 46; Ф. Р-1521. Оп. 1. Д. 1. Л. 189.
- ¹⁵⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1521. Оп. 1. Д. 1. Л. 189; Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 3. Л. 158–161.
- ¹⁵⁸ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 3. Л. 48–49. Подобное заявление скорее отражало взгляды самого К. Р. Петрова – представителя демократической горнозаводской интеллигенции. Вольно или невольно, комиссар вводил съезд в заблуждение – Сибирское правительство выступало за формальное сохранение частной собственности на землю, хотя и пошло на передачу частновладельческих и всех захваченных крестьянами (в т. ч. казённых) земель в ведение земских самоуправлений (Назыров П. Ф. Регулирование аграрных отношений на Урале и вопрос о частновладельческих землях в 1918–1919 гг. // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XIX веках. Челябинск, 1997. С. 111).
- ¹⁵⁹ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 3. Л. 47–49; Октябрь в Башкирии. Уфа, 1987. Сб. документов. С. 136–150.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 48–50.
- ¹⁶¹ Горячев Ю. М., Назыров П. Ф. Союзы фронтовиков // Челябинская область. Т. 6. Энциклопедия. Челябинск, 2006. С. 215–216.
- ¹⁶² Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 311.
- ¹⁶³ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 3. Л. 46, 49–50.
- ¹⁶⁴ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 4. Л. 121.
- ¹⁶⁵ Казачья речь. 1919. № 11, 16.
- ¹⁶⁶ ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
- ¹⁶⁷ Майский И. М. Демократическая контрреволюция // В огненном кольце. М., 1988. С. 560.
- ¹⁶⁸ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 14, 13–13об., 16–17.
- ¹⁶⁹ Черненко Б. Земельный вопрос в первый год русской революции // Год русской революции (1917–1918 гг.). М., 1918. С. 158–160, 162, 164, 166; Розенблюм Д. Противоречия русской революции // Год русской революции.
- ¹⁷⁰ Обязательное постановление о порядке пользования землёй на 1918–1919 гг. по Оренбургской губернии и Тургайской области № 2 // Оренбургский вестник Учредительного Собрания. 1918. 16 августа; ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ¹⁷¹ По вопросу о судьбе крупного хозяйства идеологи правого крыла и центра эсеровской партии в 1917 г. перешли фактически на позиции энесов. Социал-

лизация уже не сводилась ими к всеобщему переделу земель, а должна была осуществляться без коренной ломки крестьянского землепользования. Основы реформы, разработанные специалистами Главного земельного комитета, допускали оставление высокопроизводительных имений на неопределённое время в распоряжение их владельцев, предусматривали сохранение излишка земли в полутрудовых хозяйствах («тройная норма») и использование наёмного труда (Гинёв В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977. С. 166–178).

¹⁷² Обязательное постановление по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области от 1 августа 1918 г. // Оренбургский вестник Учредительного Собрания. 1918. 5 августа. Вместе с тем надо отметить, что право посевищиков на посевы и заготовленные пары соблюдали и советские земельные органы на местах. Так, выступивший на Аргаяшском районном съезде в апреле 1918 г. член Областного совета Урала И. В. Тряпицын говорил о том, что заготовленные пары не должны отбираться, а владельцу должно быть предоставлено право засеять их самому, где бы он их не приготовил (ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–6).

¹⁷³ Оренбургский вестник Учредительного Собрания. 1918. 16 августа.

¹⁷⁴ Оренбургский вестник Учредительного Собрания. 1918. 29 августа.

¹⁷⁵ Циркуляр совета Оренбургского губернского земельного комитета от 2 сентября 1918 г. (ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 1. Л. 4).

¹⁷⁶ В состав совета входили представители земства, съезда мировых судей и окружного суда, а также правительственных земельных учреждений, подчинённых комитету.

¹⁷⁷ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–4, 6–7, 8–9 об.; Д. 7. Л. 3–4; Д. 12. Л. 5–4; Д. 28. Л. 1.

¹⁷⁸ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 29. Временное правительство, учреждая комитеты в 1917 г. в условиях импровизированного аппарата местной власти, в дальнейшем предполагало передать земельное и продовольственное дело в руки новых органов самоуправления.

¹⁷⁹ Кобзов В. С., Сичинский Е. П. Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. Челябинск, 1997. С. 79–80.

¹⁸⁰ Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории. Екатеринбург, 2000. С. 54–55.

¹⁸¹ См.: Гармиза В. В. Крах эсеровских правительств. М., 1970. С. 98–99.

¹⁸² ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 79. Л. 9.

¹⁸³ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1209. Л. 1, 3. В постановлении Сибирского правительства от 4 июля 1918 г. говорилось, что правительство, считая все советские учреждения незаконными, объявляет декреты актами незаконными, а потому уничтоженными. Для внесения «плановности в восстановление прав организаций, изменённых декретами советской власти», такое восстановление должно производиться «в соответствии с руководящими в каждой области указаниями центральных правительственных учреждений» (Власть народа. 1918. 11 июля).

¹⁸⁴ Сборник узаконений и распоряжений Временного Сибирского Правительства. 1918. № 2.

¹⁸⁵ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 181. В большинстве сибирских губерний частновладельческие земли не превышали 1 % земельных угодий, и главной задачей, с точки зрения министерства земледелия Сибири, было урегулирование отношений между местным населением и безземельными переселенцами, число которых, вместе с беженцами, за первую половину 1918 г. составило около полумиллиона человек (Известия министерства земледелия. 1919. № 1. С. 7, 15).

¹⁸⁶ Народная газета. 1919. 3 января. 21 июля 1917 г. Временное правительство ограничило земельные сделки, 7 августа приостановило земельные дела.

¹⁸⁷ См.: Никонова О. Ю. Социально-экономическая программа «демократической контрреволюции» (июнь – ноябрь 1918 г.) // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках. Челябинск, 1997. С. 151. В преамбуле постановления о возвращении имений содержалась ссылка на другое постановление сибирских властей – от 5 июля 1918 г. – о признании всех декретов, изданных Советом Народных Комиссаров, недействительными (ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1209. Л. 4, 4 об.).

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1216. Л. 1–4 об.

¹⁸⁹ Содержание понятия “ведение” было раскрыто в законопроекте С. Л. Маслова, подготовленном осенью 1917 г. (см.: Гинёв В. Н. Аграрный вопрос... С. 155–160).

¹⁹⁰ Жукова Н. И. Структура местных учреждений в Зауралье с июня по ноябрь 1918 года // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 1. Курган, 1990. С. 183.

¹⁹¹ ГАОО. Ф. Р-1919. Оп. 2. Д. 19. Л. 32–35.

¹⁹² Известия Министерства Земледелия. 1919. № 2. С. 35.

¹⁹³ ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 102. Л. 60; Оренбургский вестник Учредительного Собрания. 1918. 22 августа. Сделанная в правительстве на телеграмме Протопоповой помета дипломатично отмечала, что «вопрос о включении Шадринского уезда в сферу ведения Сибири ещё не разрешён» (ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 5. Л. 3–3об.).

¹⁹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 3. Л. 68–70.

¹⁹⁵ Власть народа. 1918. 4 августа.

¹⁹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 7.

¹⁹⁷ Такой вывод подтверждается и продовольственной политикой сибирских властей: поэтапная, с лета 1918 г., отмена государственной монополии на основные сельскохозяйственные продукты, переход к политике регулирования хлебных цен и, наконец, введение свободной торговли.

¹⁹⁸ См.: Уфимское Государственное Собрание // Русский исторический архив. Сб. 1. Прага, 1929. С. 156–157, 203–204, 236, 250.

¹⁹⁹ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–17.

²⁰⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 2. Л. 112, 157; Ф. И-9. Оп. 1. Д. 145. Л. 2–3; Власть народа. 1918. 4 августа.

²⁰¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 3. Л. 6, 8, 9–9об.

²⁰² По данным переписи 1917 г., ему принадлежала паровая мельница, лесопилка и торговля лесом, а также около 200 дес. купчих земель и арендовалось, в чужом обществе и у частных лиц, свыше 400 дес. (Роднов М. И. Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 105).

- ²⁰³ Так, за 5 месяцев 1918 г. члены Челябинской земельной управы командировались по служебным делам и на места не менее 12 раз (ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 2. Л. 107; Д. 3. Л. 39, 42, 45, 49, 67–71, 73, 76, 77).
- ²⁰⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 3. Л. 167, 169, 170; Ф. И-9. Оп. 1. Д. 145. Л. 2–3.
- ²⁰⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 40, 41.
- ²⁰⁶ Там же. Л. 20, 21.
- ²⁰⁷ Там же. Д. 2. Л. 1; Д. 50. Л. 14.
- ²⁰⁸ ГАОО, Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 4. Л. 32, 44; ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 1. Л. 159; Д. 2. Л. 167, 180.
- ²⁰⁹ ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 145. Л. 22; Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 11. Л. 116.
- ²¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 40, 41. При этом около 40 % содержания уездного комитета составляли расходы на проведение общих собраний с участием представителей волостей (9200 рублей из 23160). В этом смысле организация земельного дела Сибирским правительством оказалась более экономичной. Так, расходы на содержание Челябинской уездной земельной управы (на правах земельного отдела земской управы) составляли 6825 рублей в 1918 г., и 14110 рублей в сметных предположениях на 1919 г.
- ²¹¹ Так, А. Посников, выступая в июле 1917 г. о задачах Главного земельного комитета, назвал запросы местных комитетов «фантастическими», а передачу им денег из арендных платежей, поступающих в ведение земельных комитетов – «недопустимым приёмом» (Посников А. Задачи Главного земельного комитета // Вестн. Европы. 1917. Кн. 4–6). С. 657.
- ²¹² ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 44; Д. 12. Л. 6; Д. 43. Л. 8.
- ²¹³ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 3. Л. 179.
- ²¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 5. Л. 2; Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 3. Л. 171.
- ²¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1.
- ²¹⁶ ГАОО. Ф. И-43. Оп. 3. Д. 162. Л. 50.
- ²¹⁷ ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 8–10, 12, 25а–25б, 27–29, 34, 44, 68.
- ²¹⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 2. Л. 112, 120; ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–17.
- ²¹⁹ ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 4. Л. 34. Чулошников был отозван и направлен на обустройство другого имения.
- ²²⁰ Там же. Л. 37, 44, 47; ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
- ²²¹ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 3, 5–8, 12–14, 16, 23, 24, 28, 30, 32, 33, 36, 39, 40, 41, 43, 46.
- ²²² Там же. Д. 13. Л. 1, 3, 4, 5, 6.
- ²²³ Там же. Д. 5. Л. 44; Д. 30. Л. 43; Д. 20. Л. 32–33.
- ²²⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 259. Л. 43.
- ²²⁵ ОГАЧО, Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 20. Л. 31.
- ²²⁶ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 3. Л. 9; Д. 47. Л. 3, 6–6 об; Ф. И-133. Оп. 1. Д. 1а. Л. 10.
- ²²⁷ Как указывал в своём докладе на 4-м Курганском крестьянском съезде в апреле 1918 г. уездный лесничий Тихомиров, в обеспечении населения дровами можно тем и ограничиться, что указать населению каждой волости, в каком лесном участке или даче оно может заготовить потребное для себя количество,

через крестьянские самоуправления. Волостные и сельские земельные комитеты и советы должны были контролировать «действительную нужду» и давать разрешения на порубки в частновладельческих и надельных лесах, на выборных началах должна была осуществляться и охрана лесов (ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 192. Л. 7, 7 об., 9, 9 об.).

²²⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 3. Л. 59; Д. 46. Л. 66–69.

²²⁹ Там же. Д. 8. Л. 25–26; Д. 11. Л. 32; Д. 23. Л. 45–46; Д. 36. Л. 30; Д. 41. Л. 34, 36; Д. 46. Л. 61–61 об.; Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

²³⁰ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 2, 4, 13, 19; Д. 43. Л. 2, 9, 11, 20, 27. Нормы и порядок отпуска леса, которым руководствовались земельные комитеты, был определён в 1917 г. Соответствующие сметы передавались волостными комитетами уездному, а им представлялись в губернский земельный комитет, где рассматривались с участием представителей лесного ведомства, а затем утверждались министром Земледелия. Отпуск леса производился сразу после рассмотрения смет в губернском комитете. При этом волостные и уездные комитеты не имели права устанавливать твёрдые цены на лесные материалы (ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–19).

²³¹ ГАОО. Ф. И-126. Оп. 5. ДД. 11, 16, 18, 26, 32, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 45.

²³² ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 3. Л. 70–71; Д. 11. Л. 33–34.

²³³ ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 4. Л. 42–43.

²³⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-418. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 20, 37.

²³⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 45. Л. 25.

²³⁶ Карпачёв М. Д. Особенности правосознания воронежского крестьянства на рубеже XIX–XX вв. // Землевладение и землепользование в России. Калуга, 2003. С. 229–230. При этом М. Д. Карпачёв отмечает разную направленность экономической (либеральной в своей основе) и социальной (патерналистской, направленной на сохранение общины) политики, что вело к постепенному, но неуклонному расшатыванию основ крестьянского мировоззрения. Что касается общегражданского права, то оно, по оценке автора, опирающегося на мнение просвещённых бюрократов того времени (вроде воронежского вице-губернатора А. М. Чернова), оставалось чужим и даже враждебным для крестьян, отождествляясь с капризной волей начальства и корыстными действиями господ (Там же. С. 226–229).

²³⁷ Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 155.

²³⁸ У истоков «теории трудового начала» находились труды русских юристов и практиков середины – второй половины XIX в. Х. Ёсида. Модернизация Российской империи и обычное семейное право крестьян // Новый мир истории России. М., 2001. С. 17. В связи с формированием интеллигентской концепции русского крестьянства можно указать уже на теоретические построения славянофилов, видевших в крестьянстве главного носителя “народности”.

²³⁹ Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 79.

²⁴⁰ «У отца моего купили несколько пустошей, и у соседей, как я не раз слышал, но они никогда не присоединяли их к общине, а всегда делили как своё личное

добро...» – отмечал Н. А. Морозов. «Значит, все такие прикупившие крестьяне в глубине души предпочитают частную собственность общинной. Иначе они, конечно, сейчас же присоединили бы прикупленные участки к общине». Само понимание «частной собственности» автором и крестьянами (которые даже не используют этого слова, а говорят «своя»), вероятно, существенно отличалось. Не случайно также объектом раздела становились именно «прикупленные» земли (т. е. приобретённые на свои личные средства), причём, как показывает проведённое на южноуральском материале исследование М. И. Роднова, нередко владельцы купленных таким образом земель объединялись в товарищества, и порой даже проводили переделы своих угодий – с соблюдением, конечно, доли каждого в сумме покупок.

²⁴¹ Успенский Г. И. Крестьянин и крестьянский труд // Успенский Г. И. Избранные сочинения. М. 1990. С. 286–287. По мнению главного героя очерков, крестьянина Ивана Ермолаевича, причина этого в том, что народ «избаловался». «Один ослабел, другой обнищал, а третий ленив... Все норовят отстать, отделиться от больших семей; от семьи то отойдёт, а сил справиться нет...» – т. е. опять же крестьянский «индивидуализм».

²⁴² Сенчакова Л. Т. Крестьянские наказания и приговоры 1905–1907 гг. // Деревня в начале века: революция и реформа. М., 1995. С. 45–48, 52–53. Правда, автор считает, что многие приговоры были составлены «без влияния и помощи со стороны», основываясь на правописании и слого документов, но ведь и в этом случае, обращаясь во властные инстанции «образованного общества» – к правительству, депутатам Государственной думы – составители-крестьяне могли ориентироваться и использовать известные им политические лозунги и штампы. Л. Т. Сенчакова приводит конкретный пример того, как мог «редактироваться» текст наказа, переданного сначала фабричному врачу как представителю «рабочей партии», а затем священнику-черносотенцу, после которого документ вновь просмотрел врач. Что касается более позднего периода – 1920–1930-х гг., то исследованиями убедительно показана зависимость «писем во власть» от преобладающей общественной лексики, а умение «говорить по большевистски» стало одним из основных условий быть услышанным властью.

²⁴³ Дубровский С. М. Очерки русской революции. Вып. 1. Сельское хозяйство. М., 1923. С. 187–191; Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 198–199.

²⁴⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 6. Л. 16–18, 20, 21, 23, 24, 29.

²⁴⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 32. Л. 50; Д. 14. Л. 58; Д. 20. Л. 38–42.

²⁴⁶ ОГАЧО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.

²⁴⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 33. Л. 12, 13, 14, 19.

²⁴⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 33. Л. 15. Приписка к административно-территориальной единице (волости, сельскому обществу) давала крестьянину прежде всего право на осёдлость. Специальным указом правительствующего Сената разъяснялось различие между полной и неполной (административной) припиской. Полную приписку с наделением землёй и другими угодьями гарантировал только «приговор» сельского схода крестьян каждой общины (Кучумова Л. И. Сельская община в России. М., 1992. С. 16). Так, при рассмотрении прось-

бы Ш. Миннигулова, около 20 лет с семейством приписанного к Токтубаевскому обществу Мухаммед-Кулуевской волости, Челябинская уездная земельная управа предложила наделить его из свободного земельного фонда того общества, в котором он проживает. Однако общество на сельском сходе его не приняло «за неимением в нём земельного фонда». Просителю было предложено указать свободную землю в других обществах или у Крестьянского банка на правах аренды (ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 30. Л. 44–46, 50–52).

²⁴⁹ Численность «разночинцев» в башкирских волостях, например, в Султаевской волости, составляла 16 % всего населения (1290 человек из 7718), тогда как в русских волостях – 3–4 %, а с учётом беженцев – 7–8 % (Там же. Д. 43. Л. 15). В Катайской волости, расположенной в южной части Челябинского уезда, проживало 3365 разночинцев, которым весной 1918 г., совместно с башкирами 9 селений (435 человек) были распределены банковские земли (Там же. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 18. Л. 23).

²⁵⁰ ОГАЧО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 17. Л. 7, 12; Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 28. Л. 4, 6; Д. 30. Л. 24, 29; Д. 40. Л. 1–2; Д. 43. Л. 2–2об.

²⁵¹ Впервые позиция представителей башкирского населения по вопросу о земле была публично сформулирована в резолюции башкир-делегатов 1 Оренбургского губернского съезда крестьянских депутатов в мае 1917 г. Соглашаясь с упразднением собственности на землю «для скорейшего раскрепощения трудового народа», башкирские делегаты заявили о необходимости принять формы землепользования, существующие в Оренбургском казачьем войске. «Все земли башкирской территории», в т. ч. запасные, наделные, отошедшие в казну или в частные руки, или целым крестьянским обществам на основании давности, «лесно-горные богатства», недра и «рыболовные воды» составляют достояние всего башкирского народа и в частную собственность отчуждаемы быть не могут. При этом земельными наделами должны в равной мере пользоваться «все лица башкирского сословия по установленной самим народом трудовой норме». Этот же тезис был сформулирован на 1 башкирском съезде: все земли, находящиеся во владении башкир, составляют достояние всего башкирского народа и в частную собственность отчуждаемы быть не могут, говорилось также о возвращении башкирам всех отобранных земель. Провозглашение на Московском мусульманском съезде принципа социализации земли способствовало оформлению самостоятельного башкирского движения (Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 263, 265). Вместе с тем сведение «смысла» башкирского движения «только» к земельному вопросу, как это нередко имело место в публицистике 1917–1918 гг., не совсем корректно. Для башкир, как одного из традиционных сельских социумов, земля находилась в центре всего народного мировоззрения, служила основанием культурного и хозяйственного уклада.

²⁵² ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 47. Л. 6 об. Так же действовали башкирские кантональные власти в Оренбургской губернии (Власть народа. 1918. 10 сентября; 1 октября; 9 ноября; 20 ноября).

²⁵³ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 3. Л. 49; Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 3. Л. 39, 57; ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 3. Л. 9. Неоднократно выезжали на места «для разбора

споров между русским и башкирским населением» член Челябинской уездной земельной управы И. Ижбулатов, члены Стерлитамакской управы Клеменков и Тукаев.

²⁵⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 28. Л. 8, 10, 11, 18, 19; Д. 30. Л. 38, 43, 47.

²⁵⁵ Там же. Д. 40. Л. 45.

²⁵⁶ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

²⁵⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 28. Л. 11, 20; Д. 30. Л. 43.

²⁵⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 32. Л. 28, 29. Среди 34 просителей были представлены различные категории сельских хозяев: крупные и средние арендаторы (7 человек, заарендовавшие от 16 до 29 дес. и 12 человек – от 7 до 11 дес.), а также крестьяне, аренда которых, видимо, носила преимущественно потребительский характер (11 человек, заарендовавшие от 1 до 6 дес.).

²⁵⁹ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.

²⁶⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 23. Л. 42.

²⁶¹ Там же. Д. 7. Л. 53–54.

²⁶² ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 21; Д. 47. Л. 5.

²⁶³ Уфимский торгово-промышленный вестник. 1918. 19 сентября.

²⁶⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 32. Л. 15–16, 34, 48–50; Д. 23. Л. 43. Владельцы участков, разочарованные действиями земельной управы, направили свои протесты комиссару Приуралья, командующему Уральским корпусом генералу М. В. Ханжину, атаману А. И. Дутову.

²⁶⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 3. Л. 69–71.

²⁶⁶ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 48. Л. 4, 58–60; Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

²⁶⁷ Поводом для доноса послужили объяснения Цевелева по поводу платы за частновладельческие земли и его реплика о 4 существующих антибольшевистских правительствах. Как они были поняты крестьянами, говорят слова присутствовавшего на районном собрании председателя Васькинского сельского общества, делавшего доклад для односельчан по возвращении домой: платить не надо, и не надо давать армию – кому давать, если у нас в волости 4 правительства. «Цевелев, видно, большевик». Нас не должно удивлять, что слова представителя крестьянской интеллигенции (сельской демократии) были истолкованы крестьянами в желательном для них духе. Вместе с тем столь различная интерпретация ясных для Цевелева (местного уроженца и выходца из крестьян) положений его земляками-крестьянами говорит о культурной дифференциации сельского общества – одним из результатов модернизации страны.

²⁶⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 3. Л. 69–71.

²⁶⁹ Роднов М. И. Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 25–26.

²⁷⁰ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 46. Л. 4–6; ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 125. Л. 106.

²⁷¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

²⁷² Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века... С. 130, 132.

²⁷³ Южное Зауралье в период гражданской войны. Сб. документов и материалов. Курган, 1963. С. 73, 74, 76, 77–78. Конфликт между крестьянами и частновла-

дельцами Курганского уезда уходил своими корнями в середину XIX в., когда для наделения “семейных бедных дворян” из освоенных и распаханых земель старожильского населения нарезались участки по 80 дес., значительная часть которых была позднее продана крестьянам и купцам (Южное Зауралье в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История Курганской области (с древнейших времён до 1861 г.). Т. 1. Курган, 1995. С. 280–281). Наступление общины на права частных владельцев было продолжением дореволюционной тенденции на усиление вмешательства общины как публичного института в поземельные отношения. Вместе с тем регулирующая роль общины сочеталась с сохранением принципа “старозаимочности” и реального (фактического) права владения отдельных домохозяев на надельные земли (Свищев В. А. Южное Зауралье в конце XIX – начале XX в. // История Курганской области. Т. 2. Курган, 1996. С. 177, 179, 181). В определённом смысле общинное вмешательство в поземельные отношения в начале XX в. можно рассматривать как ответ на “экспроприационную” политику государства по отношению к надельным крестьянским землям (Там же. С. 183–184).

²⁷⁴ Южное Зауралье в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История Курганской области (с древнейших времён до 1861 г.). Т. 1. Курган, 1995. С. 280–281. Наступление общины на права частных владельцев было продолжением дореволюционной тенденции на усиление вмешательства общины как публичного института в поземельные отношения. Вместе с тем регулирующая роль общины сочеталась с сохранением принципа “старозаимочности” и реального (фактического) права владения отдельных домохозяев на надельные земли (Свищев В. А. Южное Зауралье в конце XIX – начале XX в. // История Курганской области. Т. 2. Курган, 1996. С. 177, 179, 181). В определённом смысле общинное вмешательство в поземельные отношения в начале XX в. можно рассматривать как ответ на “экспроприационную” политику государства по отношению к надельным крестьянским землям (Там же. С. 183–184).

²⁷⁵ Состоявшийся в апреле 1918 г. уездный крестьянский съезд разделил территорию уезда на районы, к каждому из которых отводились частновладельческие земли определённых волостей, для распределения среди обществ, не имеющих достаточно тех или иных угодий (ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 192. Л. 10, 10 об.).

²⁷⁶ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 218.

²⁷⁷ Там же. Д. 23. Л. 58.

²⁷⁸ Гражданская война на Южном Урале. Сб. документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 194–195.

²⁷⁹ В Оренбургской губернии окончательно укреплено 4,3 % общинных земель, в Уфимской губернии окончательно укреплено 5,2 % общинных земель. М. И. Роднов, со ссылкой на данные переписи 1917 г., приводит другие данные по Уфимской губернии – 12, 8 % хозяйств укрепили 11, 6 % надельной земли (Россия. 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 66. Табл. 5; Роднов М. И. Аграрные отношения в Уфимской губернии... С. 83).

²⁸⁰ ОГАЧО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 8. Л. 2; Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 7. Л. 53–54, 69–71.

²⁸¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2.

- ²⁸² ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 5. Л. 56; Д. 20. Л. 43 об.
- ²⁸³ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 об.
- ²⁸⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 47. Л. 11.
- ²⁸⁵ Известия министерства земледелия. 1919. № 7–8. С. 29.
- ²⁸⁶ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 47. Л. 9–10, 12–14.
- ²⁸⁷ Челябинская земельная управа, основываясь на постановлении уездного съезда, признала это решение незаконным (ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 39. Л. 20, 22, 23).
- ²⁸⁸ ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
- ²⁸⁹ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 9 об; Д. 5. Л. 3, 4, 11; Д. 43. Л. 12; Д. 46. Л. 9.
- ²⁹⁰ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 4. Л. 9; Д. 43. Л. 12, 24; Д. 46. Л. 9–10, 12.
- ²⁹¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–13 об.
- ²⁹² ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 34; Д. 46. Л. 4–6.
- ²⁹³ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.
- ²⁹⁴ Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989. С. 109.
- ²⁹⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 47. Л. 3 об.
- ²⁹⁶ В этом отношении система советов оказалась ближе традициям общинного самоуправления (проще говоря – крестьянского схода), чем «рафинированные» представительные земские учреждения, с чётко оговоренным в законе кругом прав и обязанностей, сложной процедурой выборов, ориентированные на другой тип политической культуры. Как отмечают исследователи, крестьян привлекала в советах их неограниченная компетенция, возможность быстрого решения самых важных для деревни вопросов, особенно в условиях революции, политической и экономической нестабильности. Не случайно исполнительные комитеты сравнительно долго продержались в деревне, и во многих местах (например, в Курганском уезде) были заменены управами только после сильного административного давления, в июле – августе 1918 г. (Жукова Н. И. Структура местных учреждений в Зауралье... С. 180; Урал в гражданской войне. С. 123; Южное Зауралье в период гражданской войны... С. 86–87, 89–90).
- ²⁹⁷ «Борьба» (Оренбург). 1918. 22 августа. Цит. по : Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 263.
- ²⁹⁸ Жукова Н. И. Структура... С. 181.
- ²⁹⁹ Там же. С. 184.
- ³⁰⁰ Гражданская война на Южном Урале. С. 194.
- ³⁰¹ Оренбургский вестник Учредительного собрания. 1918. 15 сент.
- ³⁰² Там же. 1918. 7 нояб.
- ³⁰³ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 3. Л. 68–69; Жукова Н. И. Структура... С. 182. Ср.: Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. С. 254–256.
- ³⁰⁴ Такую характеристику аграрной политики Временного правительства в 1917 г. дал В.В. Кондрашин (Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. // Россия сельская. XIX – начало XX века. М., 2004. С. 336). Касаясь политики антибольшевистских правительств, автор отмечает, что объективные обстоятельства диктовали Комучу возвращение к политике жёсткого государственного регулирования сельского хозяйства, отвергнутой им в первые

месяца своего существования. Для деревни это означало возвращение к большевистским порядкам, но только в завуалированной форме (там же. С. 339).

³⁰⁵ Гармиза В. В. Крах эсеровских правительств. М., 1970. С. 41–44.

³⁰⁶ Казанчиев А. Д. Временный Комитет Уфимской городской думы в июле 1918 года // Исторические чтения. Вып. 4. Челябинск, 1998; Гармиза В. В. Крах... С. 38–42.

³⁰⁷ Сичинский Е. П. Формирование органов власти в Оренбургской губернии в период «демократической контрреволюции» // Исторические чтения. Вып. 4. Челябинск, 1998. С. 93; Оренб. вестн. Учредит. Собрания. 1918. 5 авг.; 24 авг.

³⁰⁸ Институт правительственных комиссаров (губернских и уездных) был введён Временным правительством в марте 1917 г., при этом губернские и областные комиссары фактически заменили собой прежних губернаторов. Правительство так определило задачи комиссаров: руководство и контроль за деятельностью местных правительственных учреждений, содействие укреплению нового правопорядка, надзор за законностью действий органов самоуправления и общественных организаций. Через комиссаров осуществлялось выделение и распределение кредитов на содержание земских и городских самоуправлений, финансирование правительственных учреждений. Первоначально на должности комиссаров были назначены председатели уездных и губернских земских управ; в дальнейшем комиссары назначались правительством по согласованию с местными общественными организациями. В ходе начатой в 1917 г. реформы местного самоуправления предполагалось передать основные административно-хозяйственные функции земствам, ограничив роль комиссаров преимущественно надзором и представительством центральной власти. После октябрьского переворота институт комиссаров упразднён.

³⁰⁹ Гармиза В. В. Крах... С. 96. Комиссары Временного правительства были лишены права издавать обязательные постановления в соответствии с решением съезда комиссаров и исполнительных комитетов в августе 1917 г.

³¹⁰ ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 135. Л. 2–5. Вообще же при выявлении нарушений и фактов бездействия власти комиссар мог предложить принять меры к исправлению, довести до сведения начальства, опротестовать в суде, сообщить прокурорскому надзору для возбуждения уголовного преследования.

³¹¹ Своб. мысль. 1918. 22 июня.

³¹² Жукова Н. И. Структура... С. 183; Гармиза В. В. Крах... С. 93, 99.

³¹³ Герасименко Г. А. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 245.

³¹⁴ См. подробнее настоящую работу, с. 16.

³¹⁵ Южное Зауралье в период гражданской войны... С. 73, 83.

³¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 3. Л. 67–68; Власть народа. 1918. 5 сент.

³¹⁷ Власть народа. 1918. 4 авг.

³¹⁸ Южное Зауралье в период гражданской войны... С. 82–83.

³¹⁹ Власть народа. 1918.

³²⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1325. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

³²¹ Южное Зауралье в период гражданской войны... С. 89–90.

³²² По мнению В. А. Ломцова, в условиях революции 1905–1907 гг. институт земских (крестьянских) начальников не мог обеспечить эффективного администра-

тивного контроля, по причине отсутствия поддержки со стороны населения и противоречивой политики правительства. Сами начальники оказались либо сторонними наблюдателями и заложниками политической ситуации в своих уездах, либо были вынуждены действовать с учётом настроений крестьянства (Ломцов В. А. Местное управление в Южном Зауралье в XIX – начале XX веков (уездный и волостной уровни) // История Курганской области. Т. 7. Курган, 2002. С. 387). Патерналистский, по существу, характер деятельности земских начальников отмечают Н. Н. Алеврас и А. В. Ключко, указывая на стремление многих из них к защите и поддержке интересов населения и достижению компромисса, что проявилось как в регулировании аграрных противоречий на горнозаводских землях, так и в таком вопросе, как выход крестьян из общины и укрепление наделных земель в личную собственность (Алеврас Н. Н. Государство и общество в поисках решения аграрного вопроса на горнозаводском Урале (к истории происхождения указа Сената от 4 ноября 1903 г. “О запрещении рубки леса с земельных наделов мастеровых”) // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XIX веках. Челябинск, 1997; Ключко А. В. Крестьянский выход из общины: поиски бюрократического компромисса? // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 1. История. 2002. № 2).

³²³ ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 47. Л. 11; ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 2. В условиях Февральской революции на местах были предприняты попытки заменить начальников участковыми комиссарами, назначаемыми с учётом мнения населения, и выборными от сельских обществ (по 2 человека на участок), как это было в Курганском уезде (Ломцов В. А. Местное управление... С. 360–363). Весной 1919 г. колчаковское министерство внутренних дел подготовило и внесло на рассмотрение Совета Министров законопроект об учреждении должностей участковых помощников управляющих уездами, с целью «восстановления законности и порядка, и чтобы приблизить власть к населению» («Курганская свободная мысль». 1919. 3 июня).

³²⁴ ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 3. Л. 15; Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919 гг.). Документы и материалы. Оренбург, 1958.

³²⁵ Большинство из них принадлежало к представителям «провинциальной демократии» и имело опыт административной работы, и так или иначе было связано с деятельностью революционных органов управления в 1917 г. М. В. Алексеев – бывший секретарь уездного съезда крестьянских начальников, с 29 апреля 1917 г. помощник уездного комиссара, в январе – марте 1918 г. – уездный комиссар, после чехословацкого переворота приступил к обязанностям уездного комиссара (Ломцов В. А. Местное управление... С. 361; Установление Советской власти на территории Курганской области (март 1917 – июнь 1918 гг.). Сборник документов и материалов. Курган, 1957. С. 146, 180). А. В. Баженов – прапорщик, в 1917 г. второй помощник Челябинского уездного комиссара, после переворота назначен военными властями административным начальником Челябинского уезда, затем утверждён уездным комиссаром. В ноябре 1918 г., после ареста и. о. Челябинского окружного комиссара И. И. Кириенко назначен и. о. окружного комиссара, затем утверждён комиссаром. В 1919 г. – управляющий Челябинским округом (Назыров П. Ф. Баженов Александр Васильевич // Челябинск. Энци-

клопедия. Челябинск, 2001. С. 69). Управляющий Троицким уездом А. Иванов являлся земским начальником, в 1917 г. – секретарём уездного комиссара, при большевиках был секретарём земельного комитета. Был назначен на свою должность по рекомендации комитета народной власти и ходатайству съезда крестьянских, казачьих и мусульманских депутатов 7–15 августа 1918 г., две трети участников которого составляли казаки (Казачья речь. 1919. № 11, 16).

³²⁶ Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 414.

³²⁷ Казанчиев А. Д. Карательная политика антибольшевистских и большевистских властей в Уфимской губернии: опыт сравнительного анализа // Право, насилие, культура в России. Региональный аспект (первая четверть XX века). Москва; Уфа, 2001. С. 336; Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. // Россия сельская. XIX – начало XX века. М., 2004. С. 338.

³²⁸ Власть народа. 1918. 6 сентября. Такое решение уполномоченный мотивировал «непрекращающимися самовольными крупными хищениями лесных материалов» и истощением лесных запасов в Челябинском и Троицком уездах, когда к вырубке разрешались уже лесосеки 1928 г. Передача дел о порубщиках военным властям должна была осуществляться в случае отказа жителей добровольно подчиниться учёту и описи вырубленного леса, а также оплатить расхищенный материал, с немедленным донесением об этом уполномоченному. Одновременно была разрешена выдача билетов на порубки и заготовки в лесных дачах, частных и остолблённых общественных лесах «сверх плана» по нарядам уездных земских управ.

³²⁹ Власть народа. 1918. 20 ноября. Военными властями были арестованы члены управы Яланского, военком и председатель управы Аргаяшского кантонов. Член Аргаяшского кантональной управы (председатель?) Х. К. Кушаев по требованию Башкирского правительства был освобождён и направлены на фронт офицером, в декабре 1918 г. перешёл на сторону красных, в дальнейшем на советской работе, член РКП (б). В 1922 г. возглавил БашЦИК, являлся членом Совета национальностей и президиума ЦИК СССР (зав. сектором народов Востока).

³³⁰ Наш край. 1919. 30 апреля.

³³¹ ОГАЧО. Ф. Р-1556. Оп. 1. Д. 3. Л. 14. Приказ устанавливал штраф за порубки в размере от 100 до 3000 руб. или заключение в тюрьму на срок до трёх месяцев. Крестьяне, самовольно распахавшие казённые земли, выплачивали штраф в размере тройной арендной платы и не допускались к использованию распаханных угодий.

³³² Наш край. 1919. 30 апреля.

³³³ ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 2. Л. 93.

³³⁴ Уфимские губернские известия. 1919. 21 мая; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 79. Л. 91.

³³⁵ ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 145. Л. 2–3. Состоявшееся в сентябре 1918 г. уездное земское собрание постановило вопрос о принятии дел от земельного комитета оставить открытым «до разработки в соответствующих кругах» (имея в виду организацию новой всероссийской власти на Уфимском Государственном совещании). Определённое значение имели и финансовые соображения, и нежелание

- земцев брать на себя ответственность за организацию земельного дела в уезде.
- ³³⁶ На гражданской (неказачьей) территории Верхнеуральского и Троицкого уездов Оренбургской губернии действовала единая уездная земская организация (Верхнеуральско-Троицкое уездное земство), что, может быть, также затрудняло реорганизацию местных уездных земельных управ в уездный земельный отдел.
- ³³⁷ ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
- ³³⁸ ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 4. Л. 91–93, 98; Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 3. Л. 168; Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1; Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 3. Л. 68.
- ³³⁹ Кург. своб. мысль. 1919. 28 янв.; ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 145. Л. 30.
- ³⁴⁰ Там же.
- ³⁴¹ ЦГИА РБ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 259. Л. 14. Решение об этом было принято правительством 18 марта 1919 г. (ГАРФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 4. Л. 12).
- ³⁴² ЦГИА РБ. Ф. И-151. Оп. 2. Д. 20. Л. 2, 10; Д. 166. Л. 2.
- ³⁴³ ЦГИА РБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 66. Л. 11.
- ³⁴⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-151. Оп. 2. Д. 20. Л. 18.
- ³⁴⁵ Сибирская речь. 1918. 26 дек.
- ³⁴⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 66. Л. 31.
- ³⁴⁷ Известия министерства земледелия. 1919. № 13–14. С. 23.
- ³⁴⁸ Так, приказом окружного атамана 1 округа К.Л. Каргина по Оренбургскому казачьему войску и Оренбургской губернии от 4 июля 1918 г. восстанавливались все учреждения, реорганизованные советской властью (ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1. Л. 29). 9 июля 1918 г. постановление о восстановлении всех учреждений министерства Земледелия принял Временный Комитет Уфимской думы. Уже 20 июля приказом № 1 о вступлении в должность сообщил заведующий государственным земельным фондом Уфимской губернии М. Иванов (ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 12). Местные управления по заведыванию государственным земельным фондом были организованы на основании постановления Временного правительства от 15 августа 1917 г.
- ³⁴⁹ Эта организация была создана съездом лесоводов и лесничих, которыми было произведено и территориальное распределение лесничеств (ЦГИА РБ. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21).
- ³⁵⁰ ЦГИА РБ. Ф. И-418. Оп. 1. Д. 3. Л. 33, 38; Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; Оренб. вестн. Учредительного Собрания. 1918. 23 окт.
- ³⁵¹ Оренб. вестн. Учредительного Собрания. 1918. 29 авг.
- ³⁵² Там же; 26 окт.
- ³⁵³ ЦГИА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 393. Л. 174, 190, 196, 197, 199.
- ³⁵⁴ 19 июля 1918 г. Н. Н. Кудрин был утверждён в должности заведующего земельными делами в Приуральском областном районе, 4 сентября 1918 г. он сообщил о вступлении его в должность (Власть народа. 1918. 10 авг.; 6 сент.; 25 окт.).
- ³⁵⁵ ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 3. Л. 2; Д. 4. Л. 6, 32, 38–39; Д. 5. Л. 2, 13–14, 22–23, 25, 28; Д. 7. Л. 4–6.
- ³⁵⁶ ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 4. Л. 98; Д. 7. Л. 10. Решение о ликвидации Приуральского управления земледелия было принято в обстановке военного перево-

рота и некоторой растерянности в руководящих кругах Сибири. Кудрин, бывший в Омске в середине декабря 1918 г., так и не смог узнать порядка ликвидации дел, и по возвращении в Челябинск вынужден был командировать в Омск своего помощника, ревизора Веселова. В самом Челябинске существовало противостояние между военным руководством во главе с командиром 3 Уральского корпуса генералом Ханжиным, и гражданскими властями, выступившими с осуждением колчаковского переворота. 30 ноября и. о. Челябинского окружного комиссара И. И. Кириенко и редактор челябинской газеты «Власть народа» В. Гутовский были арестованы (как уточняет в своих воспоминаниях и. о. редактора М. Молочковский, «приехавшими из Омска анненковскими офицерами») и отправлены в Омск. Руководство чехословацкого корпуса (М. К. Дитерихс), официально поддерживавшее местных социалистов и даже закрывшее прокадетское «Утро Сибири», предпочло не вмешиваться в ситуацию. Во время Омского восстания в декабре 1918 г. Кириенко и Гутовский с группой арестованных правых социалистов были освобождены восставшими но, не разделяя лозунги восстания и желая избежать кровопролития, предпочли вернуться в тюрьму, где позднее были убиты.

³⁵⁷ Телеграммой от 3 декабря 1918 г. Главноуправляющий Главного управления земледелия и государственных имуществ Урала Прибылев предложил расформировать управление «при отсутствии направляющих указаний во избежание напрасной траты казённых средств. 7 декабря он сообщил, что приступает к расформированию управления, «не получая ответа на депешу 3 декабря» (которая была передана в Совет министров 10 декабря). Документы управления отправлялись им в Омск, а дела сдавались уездной земской управе. Только после этого министерством земледелия в Екатеринбург был командирован инспектор лесов Судейкин, который и должен был принять дела, деньги и имущество. Также была проведена ликвидация отдела государственных имуществ при бывшем Комуче (ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 79. Л. 88, 90, 105; Д. 80. Л. 10).

³⁵⁸ Так, циркуляр министерства Земледелия от 23 февраля 1919 г. определял, что свободные от аренды казённые оброчные статьи, списки на которые не утверждены к 1 марта 1919 г. местными по земельным делам советами, а где таковых нет – «все без изъятия оброчные статьи» подлежат сдаче в аренду распоряжением местных органов министерства Земледелия, преимущественно сельским обществам и товариществам земледельцев сроком на 1 год (ЦГИА РБ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 259. Л. 17–17 об.).

³⁵⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 259. Л. 43.

³⁶⁰ Инструкция от 18 октября к закону 25 июля 1918 г. (ОГАЧО. Ф. Р-1556. Оп. 1. Д. 3. Л. 3).

³⁶¹ Оренб. губерн. вестн. 1918. 31 дек.

³⁶² Как отмечал в письме уполномоченному министерства Земледелия в Приуральском районе заведующий 10 участком Кустанайского уезда (ноябрь 1918 г.), нанять объездчиков за 200 руб. не представлялось возможным, «с лошастью меньше, чем за 400 руб., никто не пойдёт... Делопроизводителя за 250 руб. также подыскать невозможно, ставки даже женщинам давно установлены в 350–450 руб.» В Ирбите, по словам заведующего 1-го участка С. Н. Мурашко,

делопроизводители других учреждений получали по 400–500 руб. (ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–14, 28).

³⁶³ Уполномоченным было возбуждено ходатайство перед заведующим государственным земельным фондом Оренбургской губернии и Тургайской области о выдаче ему жалования с 1 февраля по 1 сентября 1918 г. (ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 5. Л. 16, 19).

³⁶⁴ Того же Башкирцева общество регулярно привлекало к исполнению натуральных повинностей, чего по закону не имело права делать как в отношении лица, находящегося на государственной службе. Потребовалось вмешательство участкового заведующего (ОГАЧО. Ф. Р-1556. Оп. 1. Д. 5. Л. 27).

³⁶⁵ ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 6, 8, 9.

³⁶⁶ 13–17 руб. за десятину пашни, 6 руб. 50 коп. за выгон, 13–19 руб. за сенокос, что составляло 4–6 % от ожидаемой чистой прибыли (для сравнения – до революции этот процент составлял 10,5–12,5 %). Ценами, назначенными управлением, Костриков остался недоволен, находя их несколько высокими по сравнению с другими участками (ОГАЧО. Ф. Р-1556. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2, 6–7, 35).

³⁶⁷ В другом письме заведующий писал, что почти на всех оброчных статьях в беспорядке заготовлены пары, некоторые поделены по душам и используются как душевые наделы (ОГАЧО. Ф. Р-1556. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2, 4–5).

³⁶⁸ ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–8 об., 24.

³⁶⁹ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-1556. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 3, 4–6, 34, 41, 43, 66, 67–70, 90, 91–96; Д. 3. Л. 8–13, 20–21.

³⁷⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 54, 55; Д. 2. Л. 100, 133; ГАКО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 8. Л. 18, 27; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.

³⁷¹ Кург. своб. мысль. 1919. 5 февр.

³⁷² Там же. 10 мая.

³⁷³ Льготы распространялись на военнослужащих, принимавших участие в «борьбе за возрождение России», на отличившихся и пострадавших в войну 1914–1917 гг., за исключением активных сторонников советской власти, а также на семьи павших воинов. Земельные участки должны были отводиться на началах собственности (Вестн. Приуралья. 1919. 23 марта).

³⁷⁴ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра.... С. 181. В литературе обычно говорится об отмене постановления, что неточно. В подготовленном министерством законопроекте об отмене закона 6 июля 1918 г. и ликвидации особых комиссий при земствах разъяснялось, что с восстановлением администрации и суда, вопросы, связанные с нарушением чьих-либо прав, могут рассматриваться обычным путём, а присуждённые владельцам земли передаются им с сохранением существовавших ограничений права распоряжения и пользования, указанных в законах 12 июля 1917 г. и 25 июля 1918 г. (ГАРФ. Ф. 176. Оп. 6. Д. 1000. Л. 1–4об.). Однако уже подготовленный законопроект был отозван министерством из правительства. 20 апреля 1919 г. министр земледелия разослал телеграмму, где сообщал, что закон 6 июля 1918 г. «не отменён» (ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 35).

³⁷⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 2. Л. 92 об.

³⁷⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 2. Л. 97–97 об.

- ³⁷⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 2. Л. 110.
- ³⁷⁸ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра... С. 184.
- ³⁷⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.
- ³⁸⁰ ЦГИА РБ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 289. Л. 21; ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.
- ³⁸¹ ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 105; Д. 2. Л. 110 об.
- ³⁸² Уфимские губернские известия. 1919. 3 мая.
- ³⁸³ ЦГИА РБ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 259. Л. 48–49.
- ³⁸⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 259. Л. 47.
- ³⁸⁵ Вестн. Приуралья. 1919. 3 мая.
- ³⁸⁶ Вестн. Приуралья. 1919. 10 апреля. Письмо в газету – официальное издание окружной администрации – вряд ли было спонтанным шагом крестьянина. Несомненно его пропагандистское значение. Сам автор и его товарищи, очевидно, рассматривали письмо как возможность дополнительной легализации своих прав на полученные земли. То, что крестьяне прибегли к такой необычной стратегии «апелляции во власть», косвенно говорит о их неуверенности в реализации принятого судом решения.
- ³⁸⁷ Вестник Приуралья. 1919. 25 апр.
- ³⁸⁸ Наш край. 1919. 6 мая, 8 мая.
- ³⁸⁹ Утро Сибири. 1919. 14 февр.
- ³⁹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 105; Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра... С. 183, 185; Дмитриев Н. И. Экономика по Колчаку: поиск путей развития.
- ³⁹¹ ЦГИА РБ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 259. Л. 18.
- ³⁹² 24 января 1919 г. в составе министерства финансов было образовано центральное управление государственными земельными банками, которому передавалось и управление Крестьянским банком. Весной 1919 г. началась регистрация эвакуированных служащих соответствующих учреждений, а в мае 1919 г. они уже командировались в освобождённые колчаковской армией губернии (в частности, в Уфимскую) для восстановления работы на местах (ЦГИА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 393. Л. 200; Вестн. Приуралья. 1919. 10 апр. Наш край. 1919. 11 мая).
- ³⁹³ Южное Зауралье в период гражданской войны. С. 96. По газетным сообщениям, распоряжения административных властей сыгнали свою роль, сельскими сходами на местах принимались постановления о возвращении причтовых земель.
- ³⁹⁴ Вестн. Приуралья. 1919. 20 марта.
- ³⁹⁵ Вопросы, связанные с передачей захваченных земель и их возвращением прежним владельцам, определение арендной платы и других условий их использования рассматривались уездными и губернскими по земельным делам советами (ЦГИА РБ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 259. Л. 27–30).
- ³⁹⁶ Курганская свободная мысль. 1919. 10 мая.
- ³⁹⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 259. Л. 27–30.
- ³⁹⁸ Курганская свободная мысль. 1919. 4 июня.
- ³⁹⁹ Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 60.
- ⁴⁰⁰ Г. Гинс. Впечатления и мысли члена «Омского правительства» // Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни. Барнаул, 1991. С. 25–27; Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 60.

- ⁴⁰¹ ЦГИА РБ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 289. Л. 33.
- ⁴⁰² Вестник Приуралья. 1919. 4 мая. Тогда же союз сельских хозяев направил начальнику Самаро-Уфимского края записку о положении рассадников и конских заводов, взятых в распоряжение земства, с ходатайством о возвращении их владельцам (Наш край). 1919. 21 мая).
- ⁴⁰³ ЦГИА РБ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 259. Л. 31, 32.
- ⁴⁰⁴ Гражданская война в Сибири. Кемерово, 1995. С. 61; Деревня (Омск). 1919. 12 июля.
- ⁴⁰⁵ Деревня. 1919. № 7, 12 июля; № 8, 7 сентября.
- ⁴⁰⁶ Кург. своб. мысль. 1919 г. 20 мая.
- ⁴⁰⁷ Подсчитано на основании газетных отчётов. См.: Кург. своб. мысль. 1919 г. 28 мая, 13 июня, 14 июня, 17 июня, 18 июня, 22 июня, 25 июня, 28 июня, 29 июня, 1 июля.
- ⁴⁰⁸ Пахотные земли считались находящимися в состоянии захвата до тех пор, пока по постановлению комиссии в порядке закона 6 июля 1918 г., частному соглашению или иным способом не поступали в действительное обладание законных владельцев (Кург. своб. мысль. 1919. 13 июня).
- ⁴⁰⁹ Там же. 25 июня.
- ⁴¹⁰ Там же. 28 июня. Сам департамент ограничивал захватное пользование теми полосами, которые были засеяны крестьянами в 1918 г.
- ⁴¹¹ Там же. 17 июня.
- ⁴¹² Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 59.
- ⁴¹³ В 1918 – начале 1919 г. в результате досрочного призыва новобранцев в войска были мобилизованы молодые люди 1919, 1920 и 1921 гг. (соответственно 1898 – 1900 гг. рождения), а также офицеры до 43 лет включительно. Одновременно началось восстановление системы военного учёта, причём немедленно – запасных солдат за 7 лет призыва (1891–1897 гг.), основную часть которых составляли вчерашние фронтовики (ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 2. Л. 54, 60, 69, 75, 128; Д. 3. Л. 28, 36). В марте 1919 г. началась подготовка к конской мобилизации (ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 3. Л. 2). Мнение о том, что именно мобилизация крестьян (особенно переселенцев, ещё не обустроивших своё хозяйство на новом месте) в колчаковскую армию явилась главной причиной антиколчаковских восстаний, высказывалось и сибирскими историками (Новиков П. А. Переселенцы и партизанское движение в Иркутской губернии в 1919 г. // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне. Ишим, 2006. С. 112–113). Очевидно также, что крестьяне, приехавшие из Европейской России, были настроены более радикально, чем коренные сибиряки и уральцы. Важное значение имела также интерпретация гражданской войны сельским населением. Так, например, в Оренбургском казачьем войске, ставшем объектом репрессивной политики большевиков с весны 1918 г., в 1918–1919 гг. было призвано 15 возрастов, тем не менее войско, за исключением части станиц 1 округа, оставалось прочной опорой антибольшевиков.
- ⁴¹⁴ Наём работника на 6 месяцев мог обойтись хозяину в 1000 руб., а также 2 дес. овса или пшеницы по уборке урожая; стоимость обработки 1 дес. – 100 руб., при цене за 1 пуд зерна 35 руб. и урожайности 35–40 пуд. с дес. (Вестн. Приуралья.

1919. 17 апр.; Кург. своб. мысль. 1919. 31 мая). Уже после освобождения края Красной армией, осенью 1919 г., в соседнем с Челябинским Троицком уезде вязка 1 дес. стоила от 10 до 12 пудов зерна, которое продавалось по вольным ценам за 40–50 руб. Сжечь 1 дес. обходилось в 100 руб., своз и молотья – столько же, и 1000 руб. стоила полная уборка 1 дес. (ОГАЧО. Ф. Р-435. Оп. 1. Д. 3. Л. 49 об. – 50).

⁴¹⁵ Кург. своб. мысль. 1919. 2 апр.

⁴¹⁶ Там же. 3 мая.

⁴¹⁷ Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Оренбургская деревня на завершающем этапе гражданской войны (1920–1922 гг.). Оренбург, 2002. С. 15.

⁴¹⁸ Миасский, Верхнеуральский и Троицкий уезмотделы. Так, Троицкий уезмотдел даже сообщал, что увеличение земельной площади ожидается на 13–14%, отмечая одновременно недостаток посевного материала (ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 118. Л. 6–7, 73 об.). По данным выборочного обследования, проведённого Троицким уезмотделом в 1920 г., посев 1919 г. по всем видам культур уступал посеву 1920 г. (ОГАЧО. Ф. Р-435. Оп. 1. Д. 71. Л. 35).

⁴¹⁹ Материалы Челябинского губернского статистического бюро. Вып. 1. Сельское хозяйство Челябинской губернии в 1916, 1920, 1921 гг. Челябинск, 1921. С. 76–77. Завгубстатбюро В.С. Немчинов определял «в среднем по губернии» пустующую пашню в 12%, а реальный недосев в 2% (ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 85. Л. 172).

⁴²⁰ Сельское хозяйство Челябинской губернии в 1920 – 23 гг. Челябинск, 1923. С. 163, 158. На наш взгляд, эти данные можно, с оговорками, экстраполировать и на два предыдущих года, учитывая, что в 1919 – начале 1920 г. советский земельно-продовольственный аппарат только разворачивал свою деятельность, а сама аграрная политика на освобождённых от белых территориях Урала и Западной Сибири отличалась определённой либеральностью. Число хозяйств в губернии к 1920 г., в сравнении с 1916 г., увеличилось на 106,5 %, население – на 110,8 %, число лошадей составило 87,6 %. Другие данные приводит И. В. Нарский: посевная площадь в Челябинской губернии сократилась в 1920 г. в сравнении с 1916–1917 гг. на 18 %, на казачьей территории – на 16,4 %, на гражданской – на 19%, а продовольственное обеспечение населения уменьшилось на 21 % (Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 95, 97). При этом за основу, как можно предположить, были приняты всё же сведения 1917 г. Как отмечает И. В. Нарский, в 1917 г. площадь посева в Курганском уезде была расширена на треть из-за резкого повышения хлебных цен, а летом – осенью 1919 г. уезд был ареной боевых действий, поэтому посевная площадь сократилась здесь в 1920 г. на 27,6 % (неубранными остались более 10 тыс. дес. посева). Убыль в рабочих лошадях в сравнении с 1917 г. составила 21 % на казачьей, 9 % на крестьянской территории. Число коров сократилось в маслодельческом Курганском уезде на 25,8 %, в среднем по губернии – на 12,4 % и 6,6 % в казачьих местностях (с. 97–98). По данным выборочного обследования, проведённого Троицким уезмотделом в 1920 г., посев 1919 г. по всем видам культур уступал посеву 1920 г. (ОГАЧО. Ф. Р-435. Оп. 1. Д. 71. Л. 35).

⁴²¹ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 363, 369.

⁴²² Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 55, 57.

- ⁴²³ Федеральная Архивная Служба России. Российский Государственный Военный Архив. Буклет. Б. м., б. г. С. 28.
- ⁴²⁴ Известия министерства земледелия. 1919. № 13–14.
- ⁴²⁵ Цветков В. Ж. Пётр Николаевич Врангель // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 69.
- ⁴²⁶ Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 55.
- ⁴²⁷ В докладе министерства земледелия Совету Министров о распространении постановления 25 июля 1918 г. на губернии европейской России отмечалась необходимость разработки специального закона о временном урегулировании «запутанных» земельных отношений на Урале. Предполагая создание земельных отделов земств и земельных советов в освобождаемых губерниях, министерство подчёркивало, что главной их задачей как местных учреждений будет упорядочение существующих земельных отношений и предоставление правительству своих соображений о дополнениях и изменениях изданных узаконений, и выработке новых (ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 1003. Л. 2).
- ⁴²⁸ Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновение, одежда, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Соч. Готлибе. Часть третья о народах семоядских, маньчжурских и восточных сибирских как и о Шаманском законе. СПб., 1799. С. 220–221.
- ⁴²⁹ Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии. Оренбург, 1927. С. 17–18.
- ⁴³⁰ См.: Машин М. Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1978. С. 135.
- ⁴³¹ См.: Толстов Н. В. Построение норм земельного обеспечения в условиях засушливого Зауралья. Свердловск, 1926. С. 30.
- ⁴³² Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1912 г. Оренбург, 1912. С. 14; ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 43. Л. 6–7.
- ⁴³³ Футорьянский Л. И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998. С. 61, 64–65.
- ⁴³⁴ Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии. Оренбург, 1927. С. 17–18.
- ⁴³⁵ Махрова Т. К. Торгово-предпринимательская деятельность оренбургских казаков (вторая половина XIX – начало XX века) // Оренбургское казачье войско. Воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997. С. 146.
- ⁴³⁶ За 1910–1915 гг. из средств оборотного сельскохозяйственного капитала населению было отпущено 826 сенокосилок, 786 конных граблей и 673 со станком, жней-лобогреек 486, самосбросок 22, сноповязалок 564 и т. д., тогда как к полевому сезону 1917 г. требовалось: сенокосилок 578 (преимущественно 1-й отдел); конных граблей 576 (1, 2-й отделы), плугов 1133 и т. д. При этом около половины – двух третей машин, наиболее дорогостоящих – сеялки, жнейки, триеры и др. – закупились войсковым хозяйственным правлением, а остальные приобретались кредитными товариществами на казачьей территории (ГАОО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 15. Л. 39–41; Ф. 132. Оп. 1. Д. 7. Л. 9–10, 13–15, 29, 39, 42, 91, 144–145). Непогашенные долги войскового населения к 1917 г. составляли 633,5 тыс. руб. (Махрова Т. К. Казачество Урала и власть. Москва, 2004. С. 183).

⁴³⁷ ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 42. Л. 203, 307 сл.

⁴³⁸ Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1915 г. Оренбург, 1915. С. 6–10; ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 43. Л. 208.

⁴³⁹ В 1915 г. для этой цели было приобретено 20 молотилок, 7 дисковых борон, 46 борон «Зиг-Заг» и др. Кроме того, через агрономические учреждения осуществлялось перераспределение правительственных субсидий между местными сельскохозяйственными обществами и товариществами на устройство ими своих обозов и пунктов. В 1915 г. казачьей агрономической организации на эти цели было отпущено 1750 р.; в 1916 г. уже 3 тыс. р. (земство получило 6 тыс. р.) На территории Оренбургского казачьего войска действовало несколько зерноочистительных обозов и 24 прокатных пункта, по 8 в каждом отделе (ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 48. Л. 1, 36–39; Ф. 132. Оп. 1. Д. 23. Л. 50–52; Д. 26. Л. 73; Д. 7. Л. 114–115).

⁴⁴⁰ Войсковой и 3 агронома отделов, 9 участковых агрономов, 4 инструктора (по полеводству, садоводству, маслоделению, животноводству), заведующий книжным складом – в 1-м отделе, по 2 инструктора по молочному хозяйству во 2, 3-м отделах, заведующий пасекой и разъездной пчеловод (ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 49. Л. 585–586; Ф. 132. Оп. 1. Д. 4. Л. 79–83).

⁴⁴¹ Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1915 г. Оренбург, 1915. С. 70–72; Нейфельд Е. «Народное дело». Кооперация как третий путь // Гостиный двор. 1995. № 3. С. 58.

⁴⁴² Махрова Т. К. Торгово-предпринимательская деятельность оренбургских казаков... С. 143.

⁴⁴³ Там же. С. 148–149.

⁴⁴⁴ Отчет о деятельности Челябинского общества сельского хозяйства за 1913 г. Челябинск, 1914. С. 23, 109; ГАОО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Л. 16, 17; Назыров П. Ф. Распространение сельскохозяйственных знаний и развитие агрономии в Оренбургском казачьем войске // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычай. Челябинск, 1996. С. 49–50. С деятельностью кооперативов и сельскохозяйственных обществ связана организация первых прокатных и зерноочистительных пунктов в губернии в 1911 г. Как правило, они комплектовались машинами, пока малознакомыми населению, например рядовыми сеялками, культиваторами, пропашниками, кочкорезами, и использовались под наблюдением опытного мастера. Со временем количество и масштабы их организации росли. В 1913 г. об отпуске показательных сельскохозяйственных машин просило Кизильское кредитное товарищество, поддерживаемое челябинским отделением Госбанка. Речь шла при этом о крупной партии машин и орудий широкой номенклатуры: 10 плугов завода «Столь и Ко», 10 сеялок, 10 буккеров, грабли, жнейки, соломорезки и другие, всего 95 машин. В 1914 г. Покровское сельскохозяйственное общество организовало прокатный пункт для жителей 9 селений, в том числе казачьих поселков Верхней и Нижней Платовки, с оборудованием на сумму 1200 р. (для сравнения – стоимость одного плуга 10 р., триера – 211 р.). Одним из наиболее известных было Челябинское общество сельского хозяйства, возникшее около 1909 г. по инициативе местных общественных деятелей и предпринимателей: Н. В. Покровского, Г. Ф. Шмурло, Н. Н. Кудрина и др. Оно имело своих спе-

циалистов и агронома, получало помощь от департамента земледелия, земства, а до его создания - губернского распорядительного комитета. Значительную часть его членов составляли казаки (общее число членов по состоянию на 1913 г. - 445 человек), входившие и в руководство общества. Общество действовало на основе устава, предоставившего ему все права юридического лица (в том числе на обладание собственностью), широкие возможности для изучения и улучшения местного хозяйства, право проведения операций по снабжению и сбыту и организации соответствующих товариществ, налоговые льготы. Членство в обществе не имело ограничений, за исключением возрастных и необходимости уплаты вноса. Финансовая ответственность не распространялась на имущество его членов и переданные ему специальные капиталы. Отчеты, брошюры, анкеты, издававшиеся и рассылавшиеся обществом по уезду, не подлежали предварительной цензуре. С целью ознакомления населения с новыми орудиями им, начиная с 1911 г., оборудуются прокатные и зерноочистительные пункты, многие из которых действовали в окружавших Челябинск казачьих поселках. При пользовании их услугами для членов общества предусматривалась скидка. Так, при использовании рядовой сеялки урожай при высеве 6 пудов 31 фунта составил 102 пуда 30 фунтов (при разбросном посеве соответственно 8 пудов 34 фунта и 84 пуда) с десятины. Если в первый год сеялками общества было засеяно 14 десятин, то в следующий — уже 53. Проводились опыты с кормовыми травами (люцерна, клевер, костер и др.). В хозяйствах членов общества закладывались небольшие, в 200–300 сажень, опытные участки. В 1911–1913 гг. было заложено 42 участка и опытных поля, из них 30 на казачьей земле. В 1913 г. проводились на полях казаков – членов общества опыты по культуре однолетних растений. Периодически устраивались выставки и сельскохозяйственные курсы. В 1911 г. были проведены курсы по животноводству в Еткульской станице. В них приняло участие около 110 взрослых слушателей, 52 из которых постоянно участвовали в кормлениях. В 1912 г. сельскохозяйственные курсы прошли в станице Долгодеревенской. Начиная с 1913 г., общество старалось проводить курсы на казачьей и крестьянской территории. Организовывались одногодичные курсы маслодельных мастеров, что было особенно важно для казачьих районов, которые в этом плане никем не обслуживались. Уделялось внимание организации сельскохозяйственных библиотек, тысячами тиражами издавались популярные брошюры по полеводству и т.п. В 1918 г. был организован выпуск сельскохозяйственного журнала «Земля» (всего вышло 6 номеров). Из числа других начинаний необходимо отметить закладку в 1916 г. в полуверсте к северу от города, в долине р. Миасс, питомника плодовых деревьев и ягодных кустарников. В целом в лице обществ сельского хозяйства правительство получило развитую агрокультурную организацию, тесно связанную с населением, что делало ее финансирование очень эффективным, позволяло избежать расходов на содержание собственного аппарата и т.д. (ГАОО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Л. 16, 17; Д. 7. Л. 10–12 об., 48, 52, 112; Протасов М. А. Опыт разведения плодовых деревьев в г. Челябинске // Сб. материалов по изучению Челябинского округа. Кн. 1. Издание музея и общества изучения местного края. Челябинск, 1927. С. 50–52; Отчет о деятельности Челябинского общества сельского хозяйства за 1913 г. Челябинск, 1914. С. 23, 109).

⁴⁴⁵ По данным Т. К. Махровой, в 1914 году в Войске было зарегистрировано 20413 пуховязальщиц, было продано 92592 платка на сумму 457293 руб. (Махрова Т. К. Торгово-предпринимательская деятельность оренбургских казаков... С. 147).

⁴⁴⁶ Фурорьянский Л. И. Землевание и землепользование в Оренбургском казачьем войске в конце XIX – начале XX вв. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период). Уфа, 1988. С. 65; Махрова Т. К. Казачество Урала и власть. С. 177–178.

⁴⁴⁷ Махрова Т. К. Казачество Урала и власть. С. 132. Этот тезис подтверждает, в частности, успешное развитие кооперации среди казачества, а также грамотность казачьего населения, ставшая результатом введения в войске в 1870-е гг. всеобщего начального образования и насаждения библиотек. Роль традиционных сословно-корпоративных институтов в модернизации российского общества была весьма значительной. Указанная противоречивость была характерна и для крестьянского хозяйства, развитие которого в капиталистическом направлении, по мнению исследователей, происходило «путём мобилизации всех внутренних сил традиционного аграрного общества»; на мощном фундаменте традиционных отношений базировалась и крестьянская кооперация (Свищев В. А. Южное Зауралье в конце XIX – начале XX в. // История Курганской области. Т. 2. Курган, 1996. С. 180, 187–194, 200, 207). Патерналистскими выглядели и воспринимались крестьянами и многие мероприятия правительства и земства: оказание агрономической помощи, выдача ссуд и т. д. Роль общины в модернизации крестьянского хозяйства в начале XX в. отмечал П. Н. Зырянов (коллективный переход к травосеянию, многополью и т. д.). На французском материале значение традиционной среды и институтов как факторов модернизации и прогресса сельского хозяйства в XX в. отмечает Е. Мягкова (Мягкова Е. М. «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII–XVIII веках. М., 2006. С. 256–257).

⁴⁴⁸ Махрова Т. К. Торгово-предпринимательская деятельность оренбургских казаков... С. 145.

⁴⁴⁹ См.: Шуляков В. А. Социально-политические процессы в Сибирском казачьем войске (март 1917 – май 1918 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1994. С. 12.

⁴⁵⁰ Машин М. Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 124–126, 135, 137.

⁴⁵¹ Устав лесной. СПб., 1911. С. 208–223.

⁴⁵² Машин М. Д. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 2000. С. 146–148. Так, в Донском войске из 12 млн дес. всей войсковой земли офицерам и чиновникам принадлежало 503667 дес., в Оренбургском – из 7,5 млн – 506372 дес. Размеры участков, отводимых офицерам и чиновникам из войсковых земель, составляли: генералам – 3000 дес., штаб-офицерам – 800 дес., обер-офицерам – 400 дес. Если офицер проживал в посёлке и наделялся из юртовых станичных земель, размер участка составлял до 300 дес., как правило, лучшей и расположенной вблизи посёлка земли (см.: Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. Челябинск, 1999. С. 263).

- ⁴⁵³ Машин М. Д. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 2000. С. 151.
- ⁴⁵⁴ Там же. С. 148; Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско... С. 263.
- ⁴⁵⁵ Машин М. Д. Оренбургское казачье войско. С. 149–150.
- ⁴⁵⁶ Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско... С. 264.
- ⁴⁵⁷ Оренбургское земское дело. 1917. № 20. Апрель – июнь. С. 13.
- ⁴⁵⁸ Членом Войскового хозяйственного правления А. Выдриным было подсчитано, что только за счёт несения службы и других повинностей, которые не несло гражданское население, казаки ещё до революции оплатили каждую десятину, приблизительно в 17 руб. 60 коп., в том числе неудобья, солончаки, голые степи и др. (Оренб. казач. вестн. 1917. 20 сент.).
- ⁴⁵⁹ Там же; ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 139. Л. 160–164.
- ⁴⁶⁰ Оренбургский казачий вестник. 1917. 2 октября.
- ⁴⁶¹ Чибилов С. А. В глубь степей. Оренбург, 1993. С. 98–100; ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 109. Л. 8 об.
- ⁴⁶² ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 34. Л. 38; Д. 39. Л. 86; Д. 90. Л. 16–18; Д. 101. Л. 39 об. С приближением Красной Армии войсковые учреждения, в том числе и почвенный отдел, были эвакуированы в Троицк. В течение нескольких месяцев предпринимались попытки возобновить почвенные изыскания – в частности, в Челябинском уезде. В дальнейшем персонал и материалы экспедиции были отправлены в Томск для продолжения научных исследований (сам Неуструев возглавил отдел Института исследования Сибири). Несколько оставшихся в Оренбурге сотрудников экспедиции во главе с помощником почвоведом Е.А. Шпилько образовали коллегию; разбирались поступления прошлых лет, в уже обследованных местностях собирался демонстрационный материал. Осенью 1919 г. для завершения работ Докучаевский комитет и Академия Наук направили в Оренбург почвоведов Л. И. Прасолова (там же. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 59. Л. 17–19; Д. 49. Л. 9, 10, 17, 27).
- ⁴⁶³ Так, съезд I Округа, прошедший под руководством бывшего агронома отдела, окружного атамана К. Л. Каргина, постановил образовать в округе землеустроительный отдел и утвердил сметы на развитие мелкоучастковой агрономической организации (Оренб. казач. вестн. 1917. 4 нояб.). Окружный съезд 3-го округа, а также многие поселковые общества высказались за открытие сельскохозяйственных учебных заведений. Собрание Никольского посёлка Челябинской станицы соглашалось взять на себя в этом случае часть расходов (3 тысячи руб.) и выделить под участок 100 десятин земли в любом конце поселкового надела, либо 5 тысяч руб. Подобные приговоры принимались обществами Катенинского посёлка Николаевской станицы, Нижнеуельского, Янгельского поселков Еткульской станицы, Еленинского посёлка Полтавской станицы (ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–26 об.).
- ⁴⁶⁴ Оренб. казач. вестн. 1917. 25 июня.
- ⁴⁶⁵ Там же; там же. 11 авг.; там же. 5 окт.
- ⁴⁶⁶ ОГАЧО. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 1. Л. 46, 49.
- ⁴⁶⁷ Оренб. казач. вестн. 1917. 14 июля; там же. 16 июля; там же. 11 авг.; там же. 17 авг.; там же. 20 авг.

⁴⁶⁸ Там же. 25 окт.

⁴⁶⁹ Войнов В. М. Чрезвычайный круг // Оренб. казач. вестн. (новый). 1992. № 2. Ноябрь.

⁴⁷⁰ Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. С. 276–279.

⁴⁷¹ В программе казачьей демократической партии, созданной представителями казачьей интеллигенции, указывалось, что направление её деятельности совершенно совпадает со взглядами Оренбургского войскового круга и Всероссийского казачьего съезда в г. Петрограде. По мнению организаторов партии, «все казачьи войска, как исторически обособленные единицы... должны иметь в полной мере права на свободное самоопределение и пропорциональное представительство в Учредительном Собрании». В вопросе о земле «партия стоит за то, чтобы все казачьи земли... как историческое достояние казачества, составляли неотъемлемую собственность каждого казачьего войска» (Оренбургское казачье войско: история и современность. Челябинск, 1993. С. 125–127). О близости позиций свидетельствует и отзыв А. Дутова на публичную лекцию Т. И. Седельникова, посвящённую земельному вопросу в ОКВ: «Доклад, основанный на капитальных трудах, дал в сжатом и понятном виде почти всю историю вопроса. Лекция прочитана живо и ярко... Казачья самобытность, община и уклад жизни очень выпукло были обрисованы, и многим следовало бы прослушать основные положения доклада...» (Оренб. казач. вестн. 1917. 16 июля).

⁴⁷² Баканов В. П. Есаул Афанасий Григорьевич Нагаев // Оренбургское казачье войско. Воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997. С. 32–33.

⁴⁷³ Казачья правда. 1918. 21 февр.

⁴⁷⁴ Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. С. 295–296.

⁴⁷⁵ Там же. С. 280.

⁴⁷⁶ Там же; Махрова Т. К. Начало противостояния (К событиям в Троицком уезде Оренбургской губернии, январь – апрель 1918 г.) // Гражданская война на Востоке России. М., 2003. С. 87–88, 90–91. Сведения о ситуации в станицах весной 1918 г. содержат донесения станичных атаманов, составленные в декабре 1918 г. в связи со сбором материалов по истории борьбы Войска с большевиками, и использованные в очерке советского исследователя 1920-х гг. Шарапова. Так, фронтовики Крутоярской станицы заявили, что они не пустят никого на борьбу с большевиками, если кто уедет против большевиков, пусть не возвращается в станицу. Как сообщал атаман Коельской станицы, «настроение было тревожное, после расформирования оренбургских полков на фронте фронтовики прибыли домой, продавая и разделяя между собой полковое имущество и капиталы. Настроение у них было явно большевистское... начались разногласия фронтовиков со стариками и даже открытая вражда, а с нею и двойная политика Коельского общества, так как посылались делегаты на войсковые круги и на большевистские губернский съезд и уездный. Депутаты привозили постановления, явно противоречащие друг другу; и наконец... фронтовики 6 марта собрались и постановили: не признавать войскового круга и атамана Дутова, и все постановления круга считать необязательными. 28 марта коельцы «поставили защищать

казачество и выступать против большевиков, но, в связи с решением станицы Кичигинской не выступать коельская дружина также была распущена». После приказа Блюхера о расстреле всех агитаторов против советской власти «большевики подняли головы», на собрании «старики вставали на колени и со слезами на глазах говорили: «Простите нас, фронтовики, ибо мы заблуждались». Фронтовиками были арестованы 2 офицера 17 полка. «Решили принять советскую власть, выбрали наскоро председателя совета и всю администрацию». К Блюхеру был отправлен делегат с извинением за участие станицы в вооружённом сопротивлении и с протоколом о принятии советской власти. После чехословацкого переворота «фронтовики крепко держали власть в своих руках до тех пор, когда 6 июня Коелгу окружил с казачьим отрядом хорунжий Кучин, принудил отказаться от советской власти (ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 168. Л. 183–186. Рукопись очерка Шарапова о борьбе с Дутовщиной). Сам Шарапов ссылался на Архив Красной Армии, дело № 52327.

⁴⁷⁷ Махрова Т. К. Начало противостояния... С. 93.

⁴⁷⁸ Шибанов Н. С. Председатель казачьей секции Оренбургского губернского совета // Оренбургское казачье войско. Военская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997. С. 187–188.

⁴⁷⁹ Кузнецов В. А. Формирование частей и соединений в Оренбургском казачьем войске весной и летом 1918 г. // Гражданская война на Востоке России. М., 2003. С. 145–146.

⁴⁸⁰ На Войсковом Круге группа депутатов-фронтовиков выразила атаману недоверие, и поддержала предложение о создании постоянно действующего Малого Круга для контроля за деятельностью Войскового правительства (Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско... С. 278–279).

⁴⁸¹ «Власть народа». 1918. 24 авг. Организация округа была завершена в августе – сентябре 1918 г. В состав округа вошло большинство казачьих станиц Челябинского уезда, за исключением расположенных в его наиболее отдалённой, юго-восточной части (Усть-Уйская, Звериноголовская и др.), оставшихся в составе 3-го округа.

⁴⁸² Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско... С. 292–293.

⁴⁸³ Как отмечали «Известия Оренбургского губисполкома», к середине апреля все станицы между Челябинском и Троицком сложили оружие, хотя во всех станицах были дутовские воззвания, и «агитаторами всюду были организованы партизанские отряды» (Махрова Т. К. Начало противостояния... С. 92). Иллюстрацией может служить ситуация в Усть-Уйской станице – крупном экономическом и культурном центре на юго-востоке Челябинского уезда, где уже осенью 1917 г. обозначилась политическая дифференциация населения. На выборах в Учредительное собрание список большевиков получил второе место вслед за казачьим. В феврале 1918 г., в соответствии с решениями 2-го Чрезвычайного Круга, в станице была организована военно-следственная комиссия, и начаты аресты среди сторонников большевиков, прекращённые после многочисленного собрания, организованного солдатами и казаками-фронтовиками. Был организован отряд для похода на Троицк, значительную часть в котором составляли молодые казаки и революционно настроенные фронтовики. Отряд дошёл до Бо-

бровского посёлка, где казаки, под влиянием агитации фронтовиков, отказались идти дальше и выдвинули требование вооружить их. Ночью руководители отряда бежали, основная масса казаков вернулась в Усть-Уйскую. Однако только в мае 1918 г., когда в станицу пришёл красногвардейский отряд Полаетаева, был организован совет во главе с полным георгиевским кавалером, хорунжим П. И. Новгородовым, сторонником большевиков, и намечены контрибуции против местной «буржуазии» и другие мероприятия (КФ ГАКО. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–7, воспоминания Рахманина Г. Ф.; Д. 516. Л. 12, воспоминания Алютин Ф. А.). В нашем распоряжении есть источник «белого» лагеря, рассказывающий о тех же событиях – донесение атамана Усть-Уйской станицы. Как сообщает атаман, в марте 1918 г. был сформирован отряд добровольцев, главным образом из стариков и молодёжи, не бывшей на фронте. 3 апреля отряд был отправлен на помощь станице Клястицкой, под командой есаула Ведерникова и урядника Николаева. Дойдя до станицы Ключевской и узнав, что станица Клястицкая сдавалась, «всем отрядам было предложено возвратиться по станицам». 8 апреля на собрании было решено установить советскую власть «голосами молодых казаков». Около 24 мая (старого стиля?) была получена телеграмма из Челябинска о падении Советской власти и организации народной управы, было восстановлено станичное правление (ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 168. Л. 187–188. Рукопись очерка Шарапова о борьбе с Дутовщиной).

⁴⁸⁴ Казачья правда. 1918. 21 февр.; ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 90. Причиной погрома послужил набег на Оренбург офицерского отряда подполковника Корчакова, в ходе которого погибло большое количество красногвардейцев и гражданских лиц. В ответ на попытку захвата города начался погром казачьих учреждений и самосуд над казачьим населением, проживающим в Форштадте; на окружающие город казачьи станицы была наложена контрибуция. Летом 1918 г., после занятия города повстанческими отрядами, атаман Дутов наложил контрибуцию на рабочее население Оренбурга, участвовавшее в самосуде и разделе казачьего имущества.

⁴⁸⁵ Постановление губернского съезда предполагало наделение всех граждан, проживавших на казачьих и башкирских землях, на равных началах, отмену платы с разночинцев и т. д. (ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1).

⁴⁸⁶ ГАОО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 82. Л. 32об.–33, 88; ОГАЧО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 25. Л. 21. После свержения советской власти некоторые поселковые общества пересмотрели приговоры о причислении разночинцев (ГАОО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 82. Л. 85–87).

⁴⁸⁷ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 39. Л. 27. По данным, приводимым Л. И. Футорянским, в посёлках Войска проживали 102 761 иногородний, что составляло около 14 % населения станиц, из них хлебопашеством и скотоводством занималось всего 53 тыс (Футорянский Л. И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998. С. 50; он же. Казачество России в огне гражданской войны. Оренбург, 2003. С. 223).

⁴⁸⁸ Приводимые Н. В. Булатовой и Л. И. Футорянским данные переписи 1917 г. по Михайловской станице позволяют сравнить хозяйственную дифференциацию казачьих и «иногородних» дворов по такому признаку, как обеспечение рабочим

скотом (лошадьми). Так, безлошадных и однолошадных хозяйств среди казаков и иногородних было соответственно 19,9 % и 40,1 %, хозяйств, имеющих 2–4 лошади – соответственно 47,1 % и 38,6 %, имеющих 5 и более лошадей – 32,9 % и 21,2 % (Ниренбург Я. Л., Пожидаева Г. В. *Историография борьбы рабочего класса за трудовое казачество Оренбуржья в период Октябрьской революции и гражданской войны // Историография истории создания и развития союза рабочего класса и крестьянства на Урале*. Свердловск, 1982. С. 22–23).

⁴⁸⁹ Махрова Т. К. Экономическое положение оренбургских казаков в годы первой мировой войны // *Оренбургское казачье войско. Страницы истории XIX–XX веков*. Челябинск, 1999. С. 106.

⁴⁹⁰ КФ ГАКО. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, воспоминания Рахманина Г.Ф.

⁴⁹¹ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 16. Л. 18–20; Д. 5. Л. 43.

⁴⁹² Так, крестьяне Шумаковского посёлка Еманжелинской станицы на экстренном крестьянском «малом собрании», состоявшемся 24 марта 1918 г., указывали на «надвигающуюся контрреволюцию» и, в связи с «всеобщим восстанием казаков против советской власти», просили уездный совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов прислать своего представителя в станицу, взять под контроль правление и дать охрану малому крестьянскому совету, «чтобы все приказы казачеству передавались через крестьянский малый совет». Одним из вопросов, обсуждавшихся на собрании, был вопрос о землеустройстве и подготовке к посеву крестьян, не имеющих скота и сельскохозяйственных орудий (ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 18. Л. 3–4).

⁴⁹³ В состав Троицкого уездного совета вошли члены окружной управы, казаки Ершов и Глазунов, в Челябинске, в состав уездного совета и его отделов вошли некоторые члены Челябинского казачьего круга и сформированной им в феврале 1918 г. временной окружной управы (Махрова Т. К. *Начало противостояния (К событиям в Троицком уезде Оренбургской губернии, январь – апрель 1918 г.) // Гражданская война на Востоке России*. М., 2003. С. 87–88, 90–91; Абрамовский А. П., Кобзов В. С. *Оренбургское казачье войско в трёх веках*. С. 278–279).

⁴⁹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 32. Л. 28, 29.

⁴⁹⁵ Там же. Д. 48. Л. 25; в соседнем Кустанайском уезде Тургайской области Краснопеев имел до 1000 дес. посева на арендованных им землях, ему принадлежала магазинная торговля в Усть-Уйской и сёлах Кустанайского уезда; в должниках у него были многие казаки-бедняки и даже середняки. В отличие от него, посевы усть-уйских кулаков обычно не превышали 20–25 дес., а само хозяйство имело сельскохозяйственно-животноводческую направленность, с десятками лошадей и сотнями голов крупного и мелкого рогатого скота (КФ ГАКО. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 7. Л. 2).

⁴⁹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 18. Л. 2, 11. Стремление переустроить казачье землепользование приводило порой к перегибам (там же. Л. 7).

⁴⁹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 15. Л. 6–7.

⁴⁹⁸ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 24. Л. 11, 20; Д. 20. Л. 13, 70, 92–93. В январе 1919 г., в связи с приближением красной армии, войсковые учреждения были эвакуированы в Троицк, где находились до июля 1919 г. В течение августа-сентября 1919 г., двигаясь в арьергарде отступающей армии и толп беженцев, правительство окончательно покинуло пределы ОКВ.

⁴⁹⁹ Фуроранский Л. И. Российское казачество на завершающем этапе гражданской войны (осень 1919–1920) // Вестн. ЧелГУ. Сер. История. 1992. № 2.

⁵⁰⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 2 Л. 54. Выступая 15 февраля 1919 г. перед А. В. Колчаком, товарищ председателя Войскового круга Фомичёв заявил Верховному правителю, что «Войско Оренбургское дало колоссальное напряжение, в 3 раза превосходящее мобилизацию великой европейской войны как людьми, так и лошадьми, обозами и продуктами. Вся казачья армия одета и снаряжена собственными средствами» (ГАО, Ф. 1912. Оп. 2. Д. 101. Л. 14об.).

⁵⁰¹ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 2. Д. 32. Л. 23; Войнов В. М. Оренбургское казачье войско в годы гражданской войны на Урале (1917–1919 гг.) // Казачество Оренбургского края XVI–XX вв. Оренбург, 1992. С. 56.

⁵⁰² Только на территории Челябинской губернии в ходе боевых действий 1919 г. было уничтожено 60852 дес. посевов, 11, 5 млн пудов сена и соломы. В 1919–1921 гг. были изъяты практически все запасы продовольствия, существовавшие в казачьем хозяйстве. Посевные площади сократились с 803028 дес. в 1916 г. до 486838 дес. в 1920 г. (Махрова Т. К. Кобзов В. С. Казачье хозяйство в годы гражданской войны... С. 97). По данным выборочного обследования, проведённого Троицким уездом в 1920 г., посев 1919 г. по всем видам культур уступал посеву 1920 г. (ОГАЧО. Ф. Р-435. Оп. 1. Д. 71. Л. 35).

⁵⁰³ Имущество, скот, хлеб беженцев, оставшиеся на месте проживания, подлежали сдаче по добровольному соглашению или оценке в интенданство или командам действующих частей, за деньги или под квитанции для довольствия войск. Земля для посева и сенокоса беженцам отводится из войсковых и оброчных свободных статей, а при их отсутствии – из общественного надела. Беженцы должны были обеспечиваться бесплатно семенами и продовольствием (ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 101. Л. 115).

⁵⁰⁴ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 33. Л. 55–65; Д. 20. Л. 157; Д. 90. Л. 2; Д. 94. Л. 8об.; Д. 101. Л. 101 об.

⁵⁰⁵ Там же. Д. 90. Л. 8–10; Ф. 87. Оп. 4. Д. 131.

⁵⁰⁶ Там же. Д. 90. Л. 6–8.

⁵⁰⁷ ОГАЧО. Ф. И-113. Оп. 3. Д. 20.

⁵⁰⁸ Так, например, в 1906 г. при выделении дополнительного надела казакам Грязнушевского посёлка Кизильской станицы оказалось, что на месте запроектированного участка, сданного в аренду на 6 лет до 1 января 1906 г., проживало, в т.ч. самовольно, 119 дворов. Троицкий окружной суд принял решение о их выселении с хутора в двухмесячный срок, войсковое хозяйственное правление также отклонило ходатайство доверенного арендаторов. Одновременно грязнушевцы предъявили требование на земли соседнего участка, отведённого в дополнительный надел казакам Кизильского посёлка (с 1908 г. оба участка были переданы в пользование). Тяжба затянулась до 1914 г., что позволяло заинтересованным лицам затянуть межевание и самовольно пользоваться смежными войсковыми землями (ОГАЧО. Ф. И-113. Оп. 3. Д. 6. Л. 42–42 об., 57–59 об.).

⁵⁰⁹ ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 22. Л. 1–2.

⁵¹⁰ ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 139.

⁵¹¹ Чирухин Н. А. Дутовщина. Антибольшевистское движение на Южном Урале

1917–1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 14.

⁵¹² ОГАЧО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁵¹³ Сам атаман в интервью Сибирскому телеграфному агентству так отозвался о Самарском комитете: «Это организация чисто случайная, созданная силой самих обстоятельств, значение ее пока временное и местное». 5 августа А. И. Дутов был лишен звания Главноуполномоченного, прекращено обеспечение казаков оружием и обмундированием (Войнов В.М. Оренбургское казачье войско в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1919 гг.) // Оренбургское казачье войско: исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 88).

⁵¹⁴ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 19. Л. 19, 32–35.

⁵¹⁵ Там же. Л. 19. В Челябинском уезде представители казачества некоторое время входили в состав общеуездных учреждений, ориентированных на Временное Сибирское правительство, в частности, уездной земельной управы, членом которой стал один из лидеров челябинских казаков И. В. Пашнин. Решения управы и состоявшегося с участием казаков в конце июня – начале июля 1918 г. уездного съезда распространялись и на казачьи станицы Челябинского уезда, до организации Челябинского (4-го) округа в августе – сентябре 1918 г. Они также предполагали восстановление арендных отношений, и контроль за войсковыми и юртовыми надельными землями со стороны органов казачьего самоуправления.

⁵¹⁶ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 19. Л. 16, 24–25 об., 30, 30 об.

⁵¹⁷ Необходимо учитывать, что Дутову и возглавляемому им Войсковому правительству пришлось действовать под контролем круга объединённых станиц. Только в конце сентября на Чрезвычайном войсковом круге оппозиция потерпела поражение, не сумев осуществить свои планы отделения власти военной от власти гражданской (Чирухин Н. А. Указ. соч. С. 13).

⁵¹⁸ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 90.

⁵¹⁹ Там же. Д. 19. Л. 17, 18. На практике допускалась передача владельцам необходимого для собственного хозяйства количества земли под контролем станичных правлений.

⁵²⁰ Помощником военного министра по казачьим делам был назначен генерал-майор Б. И. Хорошхин, возглавивший работу совещания. В июле 1919 г. Совещание, объединявшее представителей 9 казачьих войск, стало частью Главного Управления по казачьим войскам – высшего государственного установления в Российском правительстве, служащего «правам объединения казачества». Задачей Совещания, а затем – Главного Управления являлось регулирование военно-административных и хозяйственно-экономических вопросов в казачьих войсках, разработка общих положений об общественном самоуправлении, возбуждение перед правительством ходатайств по всем государственным вопросам, относящимся к казачеству (РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 13. Л. 1, 1 об.; Д. 29. Л. 2).

⁵²¹ Вестник Приуралья. 1919. 23 марта. На юге России гарантии независимости внутреннего устройства и управления казачьих областей (Дона, Кубани, Терек и Астрахани) были признаны правительством П. Н. Врангеля в 1920 г. (Цветков В. Ж. Пётр Николаевич Врангель // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 68).

⁵²² ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 39. Л. 7.

⁵²³ Вестн. Приуралья. 1918.

⁵²⁴ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Л. 62об.

⁵²⁵ Подсчитано по: ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 261/2; там же. Ф. 37. Оп. 3. Д. 623/1. Л. 160–164.

⁵²⁶ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 90. Л. 13 об.–16 об.

⁵²⁷ ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 22. Л. 97–104.

⁵²⁸ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 101. Л. 67 об.–69. Так, в станице Коельской, с началом мобилизации крестьян, по инициативе священника Чертыковцева причтом и обществом были собраны значительные денежные суммы (свыше 12 тыс. руб.), на которые были куплены одежда и сапоги для казаков и солдат «бедного состояния», а также собрано продовольствие (1408 пуд. овса и 400 пуд. пшеницы) для бесплатной раздачи армейкам и солдаткам. 9 марта 1918 г. коельское общество постановило наделить проживавших в посёлке разночинцев землёй под посев 1919 г. и «впредь до Учредительного собрания продолжить тоже». Постановление было доведено до сведения войскового круга, одобдившего решение коельцев «как доброе дело» и постановившего осветить их поступок в печати (Вестн. Приуралья. 1919. 30 марта).

⁵²⁹ Вестн. Приуралья. 1919. 28 марта.

⁵³⁰ Махрова Т. К., Кобзов В. С. Казачье хозяйство в годы гражданской войны // Исторические чтения. Вып. 4. Челябинск, 1998. С. 97.

⁵³¹ Баканов В. П. Атаман «любимый и доблестный» // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 106–107.

⁵³² КФ ГАКО. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 516. Л. 19–18, воспоминания Алютина Ф. А.

⁵³³ ГАОО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 82. Л. 32 об. – 33.

⁵³⁴ Там же. Л. 85–87, 88.

⁵³⁵ Там же. Л. 16 об. – 17, 96 об. – 97.

⁵³⁶ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 33. Л. 46 об. – 48; Оренб. казач. вестн. 1917. 12 июля.

⁵³⁷ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 33. Л. 20, 26–28, 37–41 об., 73–76 об.; Д. 90. Л. 12–13; Д. 94. Л. 17 об. Организация округа была начата зимой 1918 г., а завершена в августе – сентябре 1918 г. В состав округа вошло большинство казачьих станиц Челябинского уезда, за исключением расположенных в его наиболее отдалённой, юго-восточной части (Усть-Уйская, Звериноголовская и др.), оставшихся в составе 3-го округа (Власть народа. 1918. 24 авг.).

⁵³⁸ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 30. Л. 1, 13–16; Оп. 4. Д. 26. Л. 1, 6, 13–14; Д. 28. Л. 1–2, 11, 12, 20–21, 27, 28; ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 96. Л. 10.

⁵³⁹ В 1916 г. сотрудниками межевого отделения при войсковом хозяйственном правлении было намечено 46 работ, большинство из которых выполнено в 1916–1918 гг. На 1917 г. намечалось 17 работ (исполнено около половины), в 1918–1919 гг. соответственно 2 и 3, в т.ч. проектирование дополнительных наделов посёлкам Бородинскому, Лейпцигскому, Каратабанскому (ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 16. Л. 7–9, 10–10 об.).

⁵⁴⁰ Первыми на это начинание откликнулись жители Першинского посёлка, общество которого выделило землю и собрало 1000 руб. на открытие училища. Войсковым Советом по народному образованию вопрос был решён в поль-

зу станции Миасской, общество которой, наряду со значительным земельным участком (несколько десятков десятин) изыскало 10000 руб. (Вестн. Приуралья. 1919. 18 марта).

⁵⁴¹ ОГАЧО. Ф. Р-435. Оп. 4. Д. 3. Л. 50.

⁵⁴² ОГАЧО. Ф. Р-435. Оп. 1. Д. 25. Л. 1 – 2 об. С 1914 г. земли участка сдавались в попас и выгон казакам 2-го Санарского посёлка, которые и в 1919 г. имели там посев 227 дес. ржи.

⁵⁴³ Чирухин Н. А. Указ. соч. С. 13. Оппозиция была представлена целым рядом казачьих деятелей, прежде всего из числа казачьей интеллигенции и фронтового казачества 1-го округа (Оренбург) и севера войска (Челябинск). Так, комиссию Круга по выработке нового положения о самоуправлении возглавлял Л. П. Шахматов, один из руководителей «казачьей демократической партии», деятель Челябинского казачьего круга весны 1918 г., руководитель казачьего отдела при Челябинском окружном комиссаре («комиссариате Приуралья»). Депутатами войскового круга являлись и другие деятели Челябинского казачьего круга – его бывший председатель И. В. Пашнин, возглавлявший до осени 1918 г. Челябинскую уездную земельную управу, П. В. Анфалов, являвшийся в тот момент вторым помощником Челябинского окружного комиссара. На выступление атамана 1-го округа, убежденного сторонника Учредительного собрания К. Л. Картина: «Быть ли на Руси и в войске хозяином избранныкам народным или власть должна принадлежать фактически безответственным диктаторам», – войсковой круг ответил на последнем заседании 8 октября, выразив поддержку действиям Войскового правительства и Войскового атамана и передав им верховную власть. Как отмечал В. М. Войнов, «август–сентябрь 1918 года был периодом наибольшего влияния и авторитета А. И. Дутова среди оренбургского казачества. К этому времени «синие лампы» в белогвардейских армиях насчитывали около 28 тысяч сабель и штыков, а в красногвардейских частях – около 2 тысяч. Почти все казаки с той и с другой стороны были добровольцами» (Войнов В. М. Оренбургское казачье войско в годы революции и гражданской войны. С. 90–91).

⁵⁴⁴ Недовольство Дутова и членов войскового круга, в свою очередь, было связано с вмешательством военных властей в деятельность органов казачьего самоуправления (в частности, распространение на казачьи станицы Челябинского уезда обременительной подводной повинности и т. д.), стремление к перераспределению выделяемых для войска центральной властью средств через созданный при штабе Западной армии казачий отдел, перехват челябинскими интендантами товарных и военных грузов, направлявшихся для войска и Оренбургской армии. Конфликт был несколько смягчён после избрания на должность атамана 4-го (Челябинского) округа ОКВ генерал-майора В. М. Печёнкина – брата руководителя казачьего отдела штаба Западной армии.

⁵⁴⁵ Таган Г. Башкиры в Забайкалье // Ватандаш. 1997. № 8. С. 116–117. Работа по созданию «Башкирского войска» была продолжена и после отступления белых с территории Урала. В частности, в июле 1920 г. было организовано Военно-национальное управление башкир Российской Восточной Окraiны, просуществовавшее до отступления семёновских войск в Китай (Таган Г. Указ. соч. // Ватандаш. 1997. № 8. С. 125–129; № 10. С. 155).

- ⁵⁴⁶ Аманжолова Д. А. Национальная политика правительства А. В. Колчака (1918–1919 гг.) // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 1. История. 1994. № 1. С. 27–32.
- ⁵⁴⁷ Шульдяков В. А. Указ. соч. С. 14, 16, 17. Это решение вызвало массовые протесты, и было отменено после выступления чехословаков и политического переворота в Западной Сибири.
- ⁵⁴⁸ Цветков В. На вольном Дону // Былое. 1996. № 3–4. С. 6; Чижов Д. Б. Попытка решения земельного вопроса на Дону (1918–1919 гг.) // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 144–146.
- ⁵⁴⁹ Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 62.
- ⁵⁵⁰ Там же. С. 62–63.
- ⁵⁵¹ Цветков В. Указ. соч. С. 6.
- ⁵⁵² Там же. С. 6.
- ⁵⁵³ Вестн. Приуралья. 1919. 28 марта.
- ⁵⁵⁴ Приводимые в литературе факты небоеспособности и разложения белоказачьих частей, массового дезертирства и перехода казаков на сторону красных относятся в основном к территории Оренбуржья, и действиям казачьих частей Отдельной Оренбургской, а затем – Южной армий. При этом, как отмечают А. П. Абрамовский и В. С. Кобзов, основной причиной падения боевого духа в казачьих частях в 1918–1919 гг. стали просчеты войсковых властей, распустивших казаков старших возрастов по домам для проведения полевых работ. В результате этого шага на смену идейным противникам большевиков и консервативно настроенным «бородачам» пришла либо незрелая и малоопытная молодежь, либо уставшие от войны и разложившиеся под умелым действием большевистской пропаганды фронтовики. По вступлении Красной Армии на территорию 1-го округа уроженцы входивших в его состав станиц открыто стали заявлять, что округ сдан, поэтому им нечего воевать. К числу других ошибок помощник войскового атамана генерал И. Г. Акулинин относил приказ о прощении дезертиров и их возвращении в полки (Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. С. 324–326). Именно станицы 1-го округа, несмотря на размах повстанческого движения весной – летом 1918 г., дали наибольшее число добровольцев в красноказачьи части, в ряде из них «просоветские» настроения отмечались в течение всей гражданской войны. Оппозиционно настроено к Дутову было и руководство 1-го округа, опиравшееся на казачью интеллигенцию губернского центра, а окружной атаман К. Л. Каргин принял участие в заговоре с целью смещения и ареста войскового атамана. На территории 2, 3, 4 округов, возглавлявшихся молодыми и энергичными руководителями – В. Н. Захаровым, А. В. Смирных, В. М. Печёнкиным, войсковые учреждения сохраняли контроль над ситуацией вплоть до отступления с казачьей территории в июле – августе 1919 г., а казачьи части, сражавшиеся в районе Верхнеуральска и Челябинска в составе Западной армии белых, отличались высокой боеспособностью (Баканов В. П. Атаман «любимый и доблестный». С. 104–114). Показательно, что после отступления из Троицка войсковые учреждения попытались наладить свою работу в Орске, где в августе 1919 г. собрался 5 Чрезвычайный войсковой круг (РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 13. Л. 26). В отличие от Оренбуржья, где, по мнению советских агитаторов, настроения населения постепенно менялись

в пользу советской власти, на севере войсковой территории, после её занятия Красной Армией, местные работники отмечали нейтрально-враждебное отношение основной массы казачества к новой власти (Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Указ. соч. С. 304–305; Шибанов Н. С. «Зелёная война». Исторические очерки. Челябинск, 1997. С. 10–11).

⁵⁵⁵ Васьяковский О. А., Тертышный А. Г. В. И. Ленин и проблема банкротства мелкобуржуазных партий на Урале в период гражданской войны // *Историография истории Урала переходного периода*. Свердловск, 1985. С. 70–72; Казанчиев А. Д. Карательная политика антибольшевистских и большевистских властей в Уфимской губернии: опыт сравнительного анализа // *Право, насилие, культура в России. Региональный аспект (первая четверть XX века)*. Москва; Уфа, 2001. С. 335. Дополнительные сведения о поддержке крестьянами “белогвардейских” властей, со ссылкой на официальные источники, приводит И. В. Нарский (Нарский И. В. *Жизнь в катастрофе...* С. 266).

⁵⁵⁶ Шибанов Н. С. Председатель казачьей секции Оренбургского губернского совета // *Оренбургское казачье войско. Воинская служба и общественная жизнь*. Челябинск, 1997. С. 199–200.

⁵⁵⁷ Административно-территориальное размежевание на Южном Урале в 1919–1921 гг. являлось одним из аспектов формирования новой социально-политической структуры региона в результате революции и гражданской войны. Происходило одновременно на нескольких уровнях, включая в себя изменение губернских, уездных, волостных границ, создание новых административно-территориальных единиц (уездов, губерний), возникновение Башкирской и Киргизской (Казахской) автономий, изменение в юридическом положении и системе управления отдельными территориями (ликвидация Оренбургского казачьего войска, учреждение кантонов в составе БАССР и т.д.). Особенности размежевания обуславливались сложным характером внутреннего устройства края, взаимопереплетением и наложением различных юридических и административных институтов (военное управление на казачьих землях, горноокружная система управления и хозяйствования на заводском Урале, вотчинное землевладение у башкир и др.), спецификой сословной и национально-конфессиональной структуры населения, быстрым социально-экономическим развитием региона в начале XX века и созданием новых центров экономического тяготения, в частности, Челябинска в Оренбургской губернии. Можно выделить 2 этапа административно-территориального переустройства. 1) с 1917 г. до середины 1919 г., период революции и гражданской войны. Размежевание этого периода связано с попытками создания Уральской области с центром в Екатеринбурге (реально областные органы охватывали своим влиянием Пермскую и горнозаводские районы Оренбургской и Уфимской губерний, часть территории Тобольской губернии); Екатеринбург сохранял значение важного административного («областного») центра и при белых, в период существования Временного Областного Правительства Урала (июль – ноябрь 1918 г.) и должности Управляющего Уральской Областью (осень 1918 – лето 1919 гг.). В ноябре 1917 г. была провозглашена автономия Башкирии «как суверенной части федеративной России»; на 3-м Всебашкирском съезде в Оренбурге в декабре 1917 г. было сформировано

Башкирское правительство, претендовавшее на часть территории Оренбургской и Уфимской губерний, в границах т. н. Малой Башкирии. Летом 1918 г. оно было признано «де-факто» другими режимами «демократической контрреволюции»; в феврале – марте 1919 г., в результате соглашения автономистов и Советского правительства была создана БАССР. О своих правах на внутреннее самоуправление и автономию заявило Оренбургское казачье войско, провозгласившее в августе 1918 г. земли оренбургского казачества (около 40 % территории Оренбургской губернии) «Областью Войска Оренбургского». В 1919 г. право войска на областное устройство и самоуправление было официально признано советом министров Верховного Правителя России А. В. Колчака. Крупный административный центр сложился в Челябинске в результате создания Челябинского округа Временного Сибирского правительства (т. н. Области Приуралья) во главе с Челябинским окружным комиссаром, а затем управляющим; в состав округа вошло 3 уезда Уфимской и Оренбургской губерний. 2) 1919–1921 гг., когда на территории края фактически завершилась гражданская война и была окончательно установлена советская власть. В этот период завершилось создание БАССР; в 1920 г. территория автономии была объединена с Уфимской губернией и охватила значительную часть исторической Большой Башкирии. В результате раздела Оренбургской губернии и ликвидации Оренбургского казачьего войска были созданы Оренбургская губерния (как часть автономного Киргизского края в составе РСФСР со столицей в Оренбурге; в состав губернии вошли часть территорий Оренбургского и Орского уездов) и Челябинская губерния, в состав которой вошли Челябинский, Троицкий и Верхнеуральский уезды Оренбургской губернии, а также часть бывшего Екатеринбургского уезда Пермской губернии (территория Кыштымского горного округа), Курганский уезд бывшей Тобольской губернии, Кустанайский уезд бывшей Тургайской области (переданный в 1920 г., за исключением 3 русских волостей, в состав Киркрая). В 1922 г. в состав губернии из БАССР переданы Златоустовский уезд и Яланский кантон. Опыт размежевания 1917–1921 гг. был использован в 1934–1935 гг., при разделении Уральской области, в результате которого административно-территориальное деление региона принимает форму, близкую современной. Аргаяшский кантон БАССР, занимавший «островное» положение, просуществовал до 1930 г., когда его территория была разделена на 2 района: Аргаяшский в составе БАССР и Кунашакский, переданный в состав Челябинского округа Уральской области. В 1934 г. территория Аргаяшского района была передана в состав Челябинской области (Назыров П. Ф. Административно-территориальное размежевание в 1919 – нач. 20-х гг. // Челябинская область. Энциклопедия. Т. 1. Челябинск, 2003. С. 64; он же. Аргаяшский кантон // Челябинская область. Энциклопедия. Т. 1. Челябинск, 2003. С. 162–163).

⁵⁵⁸Зубков К. И., Побережников И. В. Реформа административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003. С. 59; Латыпов Р. Т., Лагунова Э. А. Управленческий аспект районирования на Урале в 1920–1930-е годы // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2006. С. 163–164; Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния. 1919–1923 гг.: экономическое, поли-

тическое, социальное развитие : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008. С. 5, 14–15. По мнению И. В. Нарского, эти мероприятия не были подкреплены материальными возможностями и здравым смыслом, дезориентировали население и местные власти, создавая “хаос в административной карте Урала” (Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 51). Вместе с тем нельзя не видеть их обусловленность конкретной политической ситуацией в регионе (башкирское движение, вооружённая борьба за Сибирь, в связи с чем Челябинск, где размещался Сибревком, и Челябинская губерния, включившая в себя освобождённые от колчаковцев территории вдоль Транссиба, стали базой для продвижения советского режима на восток). Нельзя игнорировать и сложившиеся в предыдущий период (т. е. в 1918–1919 г., при белых) административно-политические и экономические связи, на которые ориентировались как население, так и властные структуры. Так, базой для создания Челябинской губернии послужил Челябинский округ, созданный Сибирским правительством в июле 1918 г.; Екатеринбургская губерния территориально в значительной степени совпадала с территорией Временного областного правительства Урала и созданным на его основе Уральским краем.

⁵⁵⁹ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 134. Л. 8–9.

⁵⁶⁰ Махрова Т. К., Кобзов В. С. Казачье хозяйство в годы гражданской войны // Исторические чтения. Вып. 4. Челябинск, 1998. С. 97. Для сравнения: в 1919–1920 гг. в ходе заготовительной кампании было собрано около 12 млн пудов пшеницы и более 1 млн пудов других хлебов.

⁵⁶¹ Каминский Ф. А. Оренбургское казачество в первые годы советской власти. Магнитогорск, 1996. С. 50.

⁵⁶² Теплоухов К. Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. Челябинск, 2001. С. 344–345, 358. Имущество бежавших семейств бралось на учёт местными ревкомами, а в случае их возвращения передавалось хозяевам, как и часть собранного с их полей хлеба (ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 134. Л. 4).

⁵⁶³ Яркова Е. И. Крестьянские восстания в Красноуфимском уезде Екатеринбургской губернии в 1919–1920 гг. // Урал. ист. вестн. 2008. № 2 (19). С. 48.

⁵⁶⁴ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 134. Л. 1 об. – 2.

⁵⁶⁵ Махрова Т. К. Казачество Урала и власть. М., 2004. С. 314–315.

⁵⁶⁶ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 49. Л. 224.

⁵⁶⁷ Там же. Л. 224. Советские источники связывали это с низкими ставками оплаты, но, вероятнее всего, выборы в советы и ревкомы среднего крестьянства отражали сложившиеся традиции мирского самоуправления, ориентированного на состоятельных хозяев.

⁵⁶⁸ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 136. Л. 49 об. – 50.

⁵⁶⁹ Так, в составе земотдела исполкома Оренбургского казачьего войска предусматривались отделы агрономический, землемерно-технический, лесной, животноводства, горный и другие. В структуре Челябинского губземотдела были организованы подотделы землеустройства, лесной, сельскохозяйственного животноводства (ГАОО. Ф. И-37. Оп. 4. Д. 111. Л. 1–2; ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 134. Л. 1).

⁵⁷⁰ РГВА. Ф. 780. Оп. 1. Д. 19. Л. 8; ГАОО. Ф. И-37. Оп. 4. Д. 111. Л. 1–2. По мнению автора одной из немногих работ по истории земельной реформы в Башкирии,

Д.М. Шнейдера, для осуществления землеустроительных работ не было материальных средств и необходимых кадров, а также единого подхода к разрешению сложных земельных противоречий, что автор связывает с деятельностью башкирских «националистов» (Шнейдер Д. М. Аграрные преобразования в Башкирии в 1919–1922 гг. // Из истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. С. 77, 86).

⁵⁷¹ Верхнеуральский уземотдел был организован 28 июля, Троицкий – 7 августа 1919 г., Челябинский губернский и уездный – в июле 1919 г., но самостоятельно только со второй половины января 1920 г., и вскоре, из-за нехватки технических специалистов, снова был объединён с губернским (ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 118. Л. 6–7; Д. 110. Л. 164). Об «организационной» работе сообщал в январе 1920 г. Курганский уземотдел (Там же. Д. 136. Л. 80).

⁵⁷² ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 85. Л. 133–134 об.

⁵⁷³ Там же. Д. 134. Л. 3.

⁵⁷⁴ ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 2. Д. 28.

⁵⁷⁵ ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 3. Л. 79, 90, 101, 111–112; Ф.И-123. Оп. 2. Д. 227. Л. 20.

⁵⁷⁶ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 87. Л. 114.

⁵⁷⁷ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 118. Л. 5.

⁵⁷⁸ ГАОО. Ф. И-37. Оп. 4. Д. 111. Л. 10.

⁵⁷⁹ Там же. Д. 134. Л. 19.

⁵⁸⁰ Там же. Д. 110. Л. 40.

⁵⁸¹ Положение о земельных отделах губернских, уездных и волостных исполкомов. М., 1919. С. 20.

⁵⁸² ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 97. Л. 1 об., 6.

⁵⁸³ Там же. Д. 81. Л. 77–81, 83.

⁵⁸⁴ Ряд объектов был взят на учёт позже. Так, только в августе 1920 г. в ведение Вехнеуральского уземотдела был взят бывший хутор Гаврилова, арендуемый управлением Зигазинского завода, для организации молочной фермы (ОГАЧО. Ф.Р-138. Оп. 1. Д. 81. Л. 96–96 об.).

⁵⁸⁵ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 134. Л. 6.

⁵⁸⁶ Там же. Л. 5–6.

⁵⁸⁷ Возможно, Кабанов был командирован в Кустанай, где был задержан Оренбургский конный завод (ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 134. Л. 1 об., 22 а).

⁵⁸⁸ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 110. Л. 163.

⁵⁸⁹ Метельский Н. Н. Деревня Урала в условиях «военного коммунизма» (1919–1921 гг.). Свердловск, 1991. С. 62–63.

⁵⁹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 85. Л. 42.

⁵⁹¹ Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985. С. 82.

⁵⁹² Метельский Н. Н. Указ. соч. С. 59.

⁵⁹³ ОГАЧО. Ф.Р-138. Оп. 1. Д. 110. Л. 210–211.

⁵⁹⁴ Там же. Л. 211–212 об.

⁵⁹⁵ Так, в Челябинской губернии из 504 ремонтных мастерских 339 находились при колхозах и 56 – при совхозах (там же. С. 61).

⁵⁹⁶ Метельский Н. Н. Указ. соч. С. 57–58. Можно предположить, что часть таких

колхозов была связана с дореволюционными товариществами, совместно покупавшими или арендовавшими землю у казаков, башкир и государства.

⁵⁹⁷ Хазиев Р. А. Экономическое развитие периода гражданской войны в Башкортостане. Уфа, 1994. С. 65.

⁵⁹⁸ Метельский Н. Н. Указ. соч. С. 57–59.

⁵⁹⁹ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 134. Л. 14, 15.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 20, 22.

⁶⁰¹ Там же. Д. 136. Л. 13 об. – 14 об.

⁶⁰² Там же. Д. 85. Л. 339.

⁶⁰³ Там же. Л. 18. В состав кантона входили Давлетбаевская, Ичкинская, Карасёвская, Катайская, Мавлютовская, Метельская, Сарт-Абдрашиовская, Сарт-Калмыковская, Султаевская и Черлинская волости Челябинского и Троицкого уездов губернии (там же. Л. 1). Сами губернские власти (в частности, в лице губотнаца) выступали за присоединение Яланского и Аргаяшского кантонов к Челябинской губернии из экономических и политических соображений» (ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 318. Л. 46).

⁶⁰⁴ Там же. Л. 17.

⁶⁰⁵ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 134. Л. 14 об.

⁶⁰⁶ Там же. Л. 7.

⁶⁰⁷ Одновременно он указывал, что посёлки находятся «между казачьими посёлками» (ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 171. Л. 4–4об.).

⁶⁰⁸ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 134. Л. 47.

⁶⁰⁹ Лабузов В. А. Деревня Южного Урала в период социальных потрясений и экономических реформ (1917–1930 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 46–47.

⁶¹⁰ По данным Лабузова, в Оренбургской губернии отрубные и хуторские формы землепользования исчезают совсем, в Уфимской их процент сокращается в 7 раз (там же. С. 47).

⁶¹¹ Шнейдер Д. М. Аграрные преобразования в Башкирии в 1919–1922 гг. // Из истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. С. 86.

⁶¹² Каминский Ф. А. Оренбургское казачество в первые годы советской власти. С. 46. Так, надел Островной станицы составлял 16442 дес. 1900 кв. саженей (ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 134 «б». Л. 1).

⁶¹³ Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Оренбургская деревня на завершающем этапе гражданской войны (1920–1922 гг.). Оренбург, 2002. С. 13–14. По данным оренбургских исследователей, вместо 177 пуд. хлеба, которые должна была иметь крестьянская семья, к осени 1920 г. она имела 77 пуд.

⁶¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-435. Оп. 1. Д. 21. Л. 12.

⁶¹⁵ Шнейдер Д. М. Указ. соч. С. 77.

⁶¹⁶ Шишкин В. И. Указ. соч. С. 123, 131.

⁶¹⁷ Там же. С. 84, 86, 125, 131.

⁶¹⁸ Хазиев Р. А. «Автоматный нэп» эпохи «военного коммунизма» на Южном Урале : рыночная альтернатива командно-распределительной экономике // Отеч. история. 2001. № 6.

⁶¹⁹ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 260.

- ⁶²⁰ Там же. С. 255–260.
- ⁶²¹ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 97. Л. 14–15.
- ⁶²² Там же. Л. 15–16.
- ⁶²³ Там же. Л. 16–17 об.
- ⁶²⁴ Там же. Д. 118. Л. 1, 13, 20.
- ⁶²⁵ Метельский Н. Н. Указ. соч. С. 44–45.
- ⁶²⁶ Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 37; Лабузов В. А. Влияние гражданской войны и продразвёрсток 1919–1921 гг. на экономическое состояние крестьянских хозяйств Южного Урала // Урал. ист. вестн. 2008. № 2 (19). С. 46.
- ⁶²⁷ Лабузов В. А. Указ. соч. С. 46; Давлетшин Р. А. История крестьянства Башкирии. 1917–1940 гг. Уфа, 2001. С. 23; Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Продразвёрстка в Челябинской губернии (август 1919 – март 1921 г.) // Оренбургское казачье войско. Поиски, находки, открытия. Челябинск, 1999. С. 45.
- ⁶²⁸ Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 39–40.
- ⁶²⁹ Лабузов В. А. Указ. соч. С. 43–44. При этом, по данным оренбургских статистиков, средний урожай 1920 г. (10 пуд. с десятины) был в 3 раза ниже урожая 1919 г., и в 4 раза ниже урожая 1918 г. (там же. С. 41).
- ⁶³⁰ ГАОО. Ф. И-37. Оп. 4. Д. 111. Л. 6.
- ⁶³¹ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 118. Л. 4.
- ⁶³² Махрова Т. К. Указ. соч. С. 320.
- ⁶³³ На 1 января 1916 г. на Южном Урале на государственной службе числилось 52 (из 161 на Урале) специалиста (13 в Оренбургской и 39 в Уфимской губернии). В земстве, казачьем войске и общественных организациях работали 207 человек (из 667 на Урале), в т. ч. 70 в Оренбургской и 137 в Уфимской губерниях (Андреева Т. А., Назыров П. Ф. Агрономическая служба на Южном Урале (XIX – начало XX вв.) // Челябинская область. Энциклопедия. Т. 1. Челябинск, 2003. С. 55–56). С началом мировой войны многие агрономы были прикомандированы к военному ведомству для заготовок продовольствия и фуража, и не спешили возвращаться к непростой и “политической” работе с населением в уездах. Это послужило основанием для отчисления ряда агрономов и их помощников (сельскохозяйственных старост) Оренбургской уездной земской управой летом 1918 г. (ГАОО, Ф. 43. Оп. 3. Д. 162. Л. 28, 43, 49). На состоявшемся при советской власти, в январе 1919 г., агрономическом совещании в Оренбурге, в котором участвовало 10 оставшихся служащих, представлявших главным образом средний и низший персонал (техники, инструктора и т. д.) специально отмечалась непригодность в настоящих условиях самой идеи участковой агрономии, и необходимость перехода к крупной районной организации (ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 7а. Л. 1–2.).
- ⁶³⁴ Там же. Д. 15. Л. 34, 34 об.
- ⁶³⁵ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 134. Л. 8–9, 22 а.
- ⁶³⁶ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 97. Л. 3.
- ⁶³⁷ Там же. Д. 134. Л. 19.
- ⁶³⁸ Там же. Д. 85. Л. 172; Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 24–29.
- ⁶³⁹ Махрова Т. К. Указ. соч. С. 320–321. Аналогично выглядела картина по Оренбургской губернии: из 11 млн 600 тыс. пуд. задания 1919–1920 гг. было собрано

около трети (Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 29).

⁶⁴⁰ Махрова Т. К. Указ. соч. С. 322.

⁶⁴¹ Там же. Д. 118. Л. 74.

⁶⁴² Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 32–33. В июне 1920 г. коллегия Оренбургского губернского загодеда приняла решение «обратить в государственную собственность», т. е. конфисковать всё зерно, вывезенное гражданами на мельницы, с выплатой собственникам стоимости «по твёрдой цене» (Лабузов В. А. Влияние гражданской войны и продразвёрсток 1919–1921 гг. на экономическое состояние крестьянских хозяйств Южного Урала // Урал. ист. вестн. 2008. № 2 (19). С. 44).

⁶⁴³ Давлетшин Р. А. История крестьянства Башкирии. 1917–1940 гг. Уфа, 2001. С. 28.

⁶⁴⁴ Там же. С. 35.

⁶⁴⁵ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 110. Л. 333–334.

⁶⁴⁶ Там же. Л. 399.

⁶⁴⁷ Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 15. Сами авторы считают, что сокращение среднего посева на одно хозяйство с 9,8 до 5,5 дес. составляет 4,3 % (вместо 4,3 дес., что составляет примерно 44 %).

⁶⁴⁸ По данным Д. А. Сафонова и В. А. Лабузова, уже к 1917 г. поголовье лошадей сократилось до 25 % от уровня 1913 г., а в 1920 г. – составило 21,5 % от уровня 1913 г., т. е. основное сокращение пришлось на 1914–1917 гг. При этом, по данным оренбургских статистиков, средняя площадь, засеваемая в 1917 г. сельской семьёй, составляла 8,9 дес., а в 1920 г. – 6,2 дес., т. е. «ровно столько, сколько необходимо для более-менее сносного существования крестьянского хозяйства в условиях Оренбургской губернии». Таким образом, даже значительное сокращение числа лошадей к 1917 г. в ходе конских мобилизаций (до 25 % от количества 1913 г.) обеспечивало расширенное воспроизводство (в среднем 8,9 дес. на хозяйство). Для объяснения этого факта необходимо учитывать скотоводческую направленность значительно числа местных хозяйств, полукочевые традиции зауральских башкир, а также строевых лошадей оренбургских казаков. Важно также, что общее количество скота сократилось в 1918–1920 гг. примерно так же, как за всё время мировой войны (примерно на 700 тыс. голов), и составило в 1920 г. 45,8 % от количества 1913 г. (в 1917 г. – 72,6 %). Иными словами, в годы гражданской войны происходило главным образом сокращение нерабочего скота (коров, овец и т. д., свидетельствующее о натурализации хозяйства именно в 1918–1920 гг.), тогда как поголовье лошадей крестьяне берегли. Таким образом, к издержкам гражданской войны и года политики «военного коммунизма» можно отнести не разрушение крестьянского и казачьего хозяйства, а сокращение производства до натурально-потребительского уровня (Лабузов В. А., Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 13, 15, 18, 19).

⁶⁴⁹ По данным В. А. Лабузова и Д. А. Сафонова, даже в 1919 г., находясь в кольце осады, оренбургские советские власти пытались периодически собирать продовольствие в 28 волостях и станицах Оренбуржья.

⁶⁵⁰ Лабузов В. А. Влияние гражданской войны и продразвёрсток 1919–1921 гг. на экономическое состояние крестьянских хозяйств Южного Урала // Урал. ист. вестн. 2008. № 2 (19). С. 46.

Научное издание

Назыров Павел Флорович
Аграрные отношения на Южном Урале
в годы гражданской войны

Компьютерная верстка: А. А. Селютин

Подписано в печать 31.03.09.

Бумага офсетная. Формат 60X84 ¹/₁₆.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,25. Уч.-изд. л. 10,7.

Тираж 500 экз. Заказ № 612.

Издательство ООО «Энциклопедия»

454084, Челябинск, пр. Победы 160

8(351) 235-42-27

Отпечатано в типографии «Два комсомольца» с готового макета

454000, Челябинск, Комсомольский проспект, 2.